

с (ТыиБ)
у 49

УЛУГ-ХЕМ

№3

2013

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

16+

УЛУГ-ХЕМ

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Основан 25 августа 1946

Главный редактор Эдуард Мижит

№3 (77) 153

КЫЗЫЛ — 2013

Главный редактор Эдуард Мижит.

Учредители журнала: Министерство культуры РТ, коллектив государственного автономного учреждения РТ «Редакция журнала «Улуг-Хем».

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т – 00028.

М $\frac{4702580600}{24-13-2004}$ без объявл.

Александр ДАРЖАЕВ,
Народный писатель Тувы

ЯМА

Повесть

Боражык это место запомнил так крепко, что невозможно забыть. Оно словно клеймо, выжженное на гладком крупе коня, навечно впечаталось в его душу. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место...

По приказу Министра Боражык распорядился вырыть яму. Он принял этот приказ как знак внимания и особого отношения. Министр мог поручить это ответственное задание другому, но доверил Боражыку, а это могло только означать, что самый главный его выделяет среди всех сотрудников и по-особенному относится. «Наверно, я показался Министру с хорошей стороны», – подумал Боражык. А это значит – недавно только неясное будущее и мечта о повышении, а, значит, и личном благосостоянии, стали приобретать более четкие очертания и продвижение по службе не за горами. Яма была вырыта не абы как, а очень даже аккуратно, ее стены имели ровные края, а в глубину она была ровно столько, сколько полагалось по инструкции – ни больше ни меньше. Солдатам, копавшим яму, он не давал спуску, не позволяя даже перекур. После работы с каждого взял обещание молчать, заставил расписаться под документом о неразглашении. Суровое предупреждение Боражыка молчать о яме звучало скорее даже не как напоминание, а угроза.

Сегодня из всех тех, кто знал о яме в живых остался он один. Так Боражык стал единственным хранителем большой тайны. Хотя в той яме не было схоронено ни золота, ни серебра, ни иных сокровищ, пуще жизни своей хранил он эту тайну. Даже своей жене, с которой иногда делился

кое-какими секретами по работе, даже по пьяни разу не проговорился. Да и никто про эту яму речи никогда и нигде не заводил. Боражык ясно осознавал свою миссию – до самой смерти хранить тайну ямы и унести ее с собой в могилу и, как верный клятве солдат, хранил он тайну годами. Несмотря на все перемены в жизни страны, на смену руководства республики, Боражык остался верен слову. Много изменилось в жизни общества и государства, пересматривается и переписывается история, признаются ошибочными решения прошлого, но пока из соответствующих мест не придет указание, Боражык никому не укажет тропинку, ведущую к яме. «Государственная тайна должна быть сохранена», – думал Боражык. Покуда не выйдет соответствующее постановление, до самой смерти ему оставаться дозорным, охраняющим путь к яме. Только тогда, когда жителям города начали выделять участки для ведения личного подсобного хозяйства на обоих берегах реки Улуг-Хем, Боражык начал частенько вспоминать о яме. Он давно уже наслаждался заслуженным отдыхом. Только однажды узнав, что городской комбинат благоустройства снарядил в степь экскаватор для своих нужд, под предлогом «погулять и подышать воздухом» посетил Боражык на машине сына то сокрытое место с гнетущим беспокойством в душе.

Тревога оказалась напрасной. Экскаватор работал вдали от места, где когда-то была яма. Спокойствие степным прохладным ветерком убаюкало растревоженную душу Боражыка. В степи он провел не больше десяти минут. Убедившись, что все хорошо, молодецкато усевшись на пассажирское сиденье, весело велел сыну ехать домой.

– И это вся твоя прогулка? – удивленно произнес по-русски сын. Дети Боражыка, кроме двух старших дочерей, родной тувинский язык понимать понимали, но не говорили на нем. Кроме старших, все закончили школы в русских классах, и не могли на родном языке не то, что книгу прочитать, даже газету одолеть. И потому выросли они ни то ни се – не русские и не тувинцы. Боражык привык к русской речи своих детей. Больше того, они и дома общались между собой на русском языке.

– Десять минут в степи равны десяти часам прогулки в городе, – ответил Боражык на вопрос сына.

– Зачем так хотел в это пустую серую степь, отец? Вот если бы станция Тайга – другое дело.

– Как это серая степь? Это волшебная степь. Я не человек тайги. Степь – моя родина. Весной всегда скучаю по степи, такой уж я. Ну давай, поехали! Что за допросы мне тут устраиваешь?

– Какой допрос, просто интересно. Очень уж удивительно. Когда сюда ехали, ты сидел молча, весь в своих мыслях, как в проблемах. А сейчас такой веселый стал. Даже глаза засияли.

– Заводи машину, поехали, сынок...

Боражыку присуща одна характерная черта, которая для него – непреложный закон. И не только он один, но и большая часть людей его поколения такие же. Эта особенность – железная дисциплина и исполнительность. Любой приказ вышестоящего руководства должен неукоснительно выполняться подчиненным. И никаких причин для ослушания просто быть не может. «А сейчас-то как все изменилось, никто не слушается своего начальства. Живем, как стадо без пастуха, кто что захочет, то и делает, кому что на язык придет, тот это и выплевывает. Никто не боится начальников. Все на головах ходят. Распустишь людей, и ничего хорошего из этого не выйдет. Овец без пастуха выгони в степь или в горы, сразу в пасть волкам попадут. А сейчас посмотри, и в Верховном Совете, и на улице, и в магазине люди, как собаки, вырывающие кость друг у друга. И в самом деле, кость, которая называется перестройкой, гласностью, демократией! А как раньше было, только разок прикрикнешь, и этого бывало достаточно. Раньше дисциплина была. В противном случае дашь предупредительный выстрел и все! Все мигом усмиряться», – думал все время Боражык и перед телевизором, и в очереди в магазине. Не раз размышлял он об этом.

Больше пятидесяти лет Боражык хранил в себе секрет ямы. Тогда на том месте никакого знака не оставили. Да и нечего было памятные знаки ставить, наоборот, надо было, чтобы их имена забылись, сами они растворились в глубине земли, и о них позабыли все. И не люди они, а падаль, а зачем падали имена и память о них. Просто падаль и все! Другого названия они не достойны! В то время все стремились к одному, жили одной идеей.

В пятидесятых годах потревожили прах этой падали в той яме, когда начали было возвращать доброе имя репрессированным. Падаль, можно сказать, даже голову свою приподняла. Тогда сердце Боражыка впервые ужалила резкая боль. Было как раз обеденное время. Боражык пришел с работы уставший. Он не вел тогда сложных, запутанных дел. Просто это время на его плечи взвалило тяжелую ношу. Он про себя не на шутку опасался, что за прошлые деяния его призовут к ответу, привлекут к уголовной ответственности. Припомнят, как Боражык с пристрастием допрашивал людей и сажал их в тюрьму. Что делать, если и его постигнет такая же участь, и будут допрашивать, и выбивать признания его же методами? Однажды додумался даже до того, что, как в кровавые времена Берии, он вполне может сгинуть без следа. Не жалко, он-то пожил свое, только мысли о детях и жене целый день не давали покоя. Если с ним что случится, что будет с ними?

Несмотря на то, что он пытался отогнать страшные мысли и переключиться на другое, липкий страх еще больше прилипал смолой к сердцу. Из памяти не выходила яма, которую он велел вырыть осенью

тридцать восьмого года. Но только теперь на ее краю стояли не те, которых заклеямили «контрами» и врагами народа, а он – Боражык.

От мыслей, разбередивших сердце, он кое-как дошел до дому – ноги, отяжелевшие так, будто к ним привязали по бревну, почти не несли. Да и в глотке пересохло, словно у собаки, от жары высунувшей язык.

Когда жена протянула тарелку супа, он только покачал головой и выдохнул:

– Чаю!

Не успели губы коснуться края пиалы, как в глазах потемнело. Боражык начал падать со стула. Ему казалось, что он долго падает в черную яму, конца которой все нет и нет. Послышался звук выстрела. На самом деле это вдребезги разбилась пиала, выпавшая из ослабевших рук. Боражык потерял сознание.

Сколько времени он провел в беспомощности – неизвестно. Открыв глаза, увидел, что находится в машине «скорой помощи». Жена сидела рядом.

Боражык в больнице провел месяц. Выписывая его из больницы, молодой русский врач Виктор Иванович напутствовал:

– Берегите сердце. Это очень опасно. Считайте, что это вам из другого мира был первый звонок. В следующий раз наша помощь может уже не понадобиться. Вам надо об этом знать, поймите, что я вас не пугаю. В преклонном возрасте вам нужно беречься, поэтому и предупреждаю.

Но Боражык и без этого знает об опасности сердечной боли. Откуда русскому доктору знать, что его сердце давно дает о себе знать щемящей, ноющей болью. Боражык впервые схватился за него на краю ямы в тридцать восьмом году. Если бы не помощь оказавшегося рядом солдатика, упал бы на трупы только что расстрелянных по его команде врагов народа.

Солдат тогда успел ухватить его за пояс и откинуться с ним назад, подальше от опасно разверстой пасти ямы. Затем быстро вскочив на ноги, он приподнял с земли своего начальника. Отряхивая от песка брюки, Боражык пошатываясь, почти упал к корням караганы, где его и вывернуло.

При свете луны он внимательно осматривал свои растопыренные пальцы, ему казалось, что все его пальцы в крови. Хватая землю, он изо всех сил пытался оттереть ладони. Но все равно они при свете луны казались кроваво-красными. Сердце Боражыка понеслось неровными скачками, волосы на голове зашевелились: на его руках кровь падали, валяющейся в яме. Никакие старания не помогали, наоборот ладони краснели еще больше. Боражык совсем упустил из виду, что они могли покраснеть и от сильного трения. Он даже всплакнул. Не о загубленных только что жизнях, а оттого, что никак не мог очиститься от крови врагов народа. «Врагов надо принимать как врагов и относиться к ним как к врагам», – говорил Большой Дарга, поэтому их жалеть не надо. Если бы эти «контры» чуток опередили нас, то подумать страшно, что могло бы стать с Тувой. Настала

бы неотвратимо темная жизнь, как пасмурная ночь. Тува попала бы в лапы японских империалистов. Боражык решительно смахнул слезы: «Говорят же, у человека пуго чернее черноты. А что, если кто-нибудь из моих подчиненных, несмотря на маленькое звание и подобострастие перед моим высшим чином, донесет куда повыше, что начальник-то, мол, от жалости к расстрелянным на колени перед ямой падал и плакал. Не дай бог, еще и самому Министру доложат», – испугался он тогда не на шутку.

Боражык хорошо запомнил, как все вокруг начало меняться после двадцатого съезда партии. Тогда те, тела которых хорошо хранила степь в неузнаваемо заросшей яме с холмиком, давно уже сравнявшимся с землей, из предателей и врагов народа, из надали, как он по привычке их брезгливо называл, почти что превратились в невинно осужденных и убитых. Пламя всеобщей тревоги, волнения и разброда разгоралось все больше и больше. В то время слушатели московской высшей школы партии Бадаа и Доржу чуть было не натворили дел, на свет белый вытащив секретные документы и уголовные дела. Когда они только собрались обнародовать свою «находку», молниеносно сработал Большой Дарга, хитроумно провернув операцию по нейтрализации нежданной угрозы. Слишком зарвавшихся парней тотчас же обвинили в алкоголизме и недостойном коммунистов поведении, быстренько отозвали из Москвы и отобрали партийные билеты. Документы, которые раскопали бедовые парни, чуть было не нанесли непоправимый урон безупречному авторитету Большого Дарга. Но после его тактически верного хода помои, которые должны были вылиться на его голову, были опрокинуты на горячие головы самих неугомонных.

Дарга не противился переменам и новому направлению партии, нацеленному на обличение. Наоборот, он начал распространять новые веяния в Туве и принял решительные меры по поимке и наказанию виновных. Товарищтай и Артас были освобождены от своих высоких должностей, лишились мягких кресел, а один из них даже слетев со столь высокого поста, приземлился в отдаленной таежной деревушке в верховьях родной речки Большого Дарга.

Оо, у Дарга особенный ум – с улыбкой встречает, шутками подбадрывает. Он своей истинной жестокости перед всем народом никогда не покажет, да и зачем ему прилюдно злобой исходить и с врагами расправляться, когда для этого есть свои люди, которые, только прикажи, все сделают, да и сделали немало.

Обо всем этом Боражык долго думал и анализировал. Он не пропускал ни одной газеты и слушал радио. Полученная информация ему ясно открывала то, куда и по какому направлению движется общество в последнее время, на что направлены принимаемые высшим руководством страны и республики решения. Он всю жизнь проработал следователем, схватывать на лету информацию, анализировать и делать логические выводы – его хлеб.

Начало шестидесятых. Когда началась реабилитация врагов народа, Боражык даже загорелся желанием оказать свою посильную, пусть даже с поготок, но какую-то помощь этому милосердному делу. «Разве я заварил эту беду, я только выполнял приказы вышестоящих органов. Ведь как тогда было, только и ждешь, что прикажут Болат, Мандараа, только и успеваешь по одному их слову исполнять приказы. Все до самого последнего исполнителя верили в непогрешимость и справедливость решений начальства. Кто ж знал, что они власть тогда делили. Помнится, как только Хемчик-оола убрали, его теплое, не успевшее остыть после хозяина место сразу занял Болат! А после Болата – Анчымаа...», – часто вспоминал Боражык, оглядываясь на прошедшие годы с позиций сегодняшнего дня.

Боражык тогда поверил, что пришло время рассказать о памятной ночи тридцать восьмого и открыть тайну ямы. Дети, родственники расстрелянных когда-нибудь придут и зададут вопрос о том, где покоятся останки их родных. Они обязательно потребуют их перезахоронения на кладбище среди других, нашедших упокоение. Про яму ни Тока, ни Товарищтай, ни Болат-оол, ни Артас не знают, даже если бы знали, никогда бы не стали добровольно показывать это проклятое место. Дорогу к яме знает один Боражык и «ключ» от этой тайны только у него и больше ни у кого.

Боражык решился рассказать о столь долго хранимой тайне соответствующим органам. Он хорошо знает, куда идти, к кому обратиться и какую дверь открыть.

Сняв с вешалки пальто, он взялся за дверную ручку и внезапно остановился.словно непроходимая стена отвесной скалы выросла перед ним, и он не смог перешагнуть порог. Рука сжимала дверную ручку. Жена увидев, как муж застыл, словно наткнулся на невидимую преграду, испуганно метнулась к нему.

– Что с тобой, Бора? Сердце? – выдохнула она, и словно он у нее на глазах уже падал на пол, торопливо обхватила его.

– Нет! Все хорошо! – сказал Боражык, снял пальто и прошел на кухню.

Закурив папиросу, он несколько раз глубоко затянулся. Жена подошла поближе, на ее лице было написано удивление.

– Не бойся, ничего не случилось. С сердцем все в порядке. Все дело в правильной позиции, авазы – мать моих детей, – сказал Боражык и, обхватив жену за талию, словно избалованный малыш, не желающий расставаться с матерью, крепко обнял и уткнулся головой в ее мягкий живот. Ладонь жены машинально опустилась на его голову.

Опять на память пришла та страшная ночь и зияющая пасть огромной ямы. Тогда от сумасшествия его спасла жена – Севил. Сейчас он вспоминал, что даже спирт не смог ему помочь преодолеть тяжелое душевное потрясение, только теплые объятия жены, горячие поцелуи оторвали его от

страшных воспоминаний той ночи. Сейчас, когда он вспомнил это, нежные ласки жены показались омерзительными. Боражык перестал обнимать жену.

Севил хорошо знает, где работает ее муж, лучше всех знает, какие неведомые и страшные дела творятся там, дела, о которых никто так и не узнает не только в Туве и Кызыле, но и во всем мире. Боражык рассказывал жене об особом суде, о том, какие давали показания враги народа. То, что исполнение приговора суда возложено на ее мужа, Севил приняла без испуга, а даже, наоборот, благословила его на это святое дело и поддержала. Она гордилась своим Боражыком. Ее муж не обращался с ней плохо, обеспечивал семью, любил своих детей. То, что семья жила счастливо, почти не ссорясь и не пререкаясь, она ставила в заслугу Боражыку. Как отец, он всегда выполнял все желания детей. Дети выросли и создали маленький интернационал в их отдельно взятой семье. Когда речь заходила о крепкой братской дружбе советских народов, семью Боражыка всегда приводили в пример. У них любили говорить, что его зятя и невестки вносили свою лепту в дело укрепления дружбы народов. Хотя на самом деле смешивать политику и такую тонкую материю как любовь было более чем странно. Ведь на самом деле зятя Боражыка женились на его дочерях не потому, что любили весь тувинский народ. Создание семьи – это личное дело двоих влюбленных, и никакой интернационализм и дружба народов здесь вовсе ни при чем.

Боражык сам недавно убедился в том, что в семьях его детей нет никакого признака интернационализма. Дочка Тая и зять Борис пошли в кино и оставили бабушке с дедушкой пятилетнего Гену. Когда дед с внуком пошли гулять во двор и сели на лавочке под тополем, недалеко от них на качелях качались дети Монгушей.

– Иди, сынок, поиграй с теми мальчиками! – сказал Боражык внуку.

– Я не играю с грязными сойотами, – сказал Гена с отвращением. Боражык от неожиданности сначала не нашелся что сказать, потом увесисто шлепнул мальчика пониже спины. Но, видимо, не рассчитал своих сил и маленький Гена громко заревел. Боражык с силой притащил внука домой.

– Что случилось? – всполошилась Севил при виде ревушего внука.

– Дедушка побил! – ответил Гена, утирая глаза.

– Я еще добавлю! – прикрикнул Боражык.

– Что ты за мужик! Что на ребенка нападаешь! – бросилась Севил на защиту внука.

– Ребенок говоришь! Ты слышала, что за слова непотребные твой ребенок говорит? Сказал ему, поиграй с детьми Монгушей, он мне в ответ «с грязными сойотами не играю». Дедушка, бабушка и твоя мама – тувинцы. Значит, мы тоже грязные. Кто тебя научил? Отвечай! – повысил голос Боражык.

Гена опустил голову и закусил губу. Севил какое-то время от удивления замолчала, не зная заступаться за малышня или нет.

В чем ребенок малый виноват! С зятем разбирайся. В последнее время Борис взял привычку, нет-нет да и скажет нехорошее про тувинцев, – сказала Севил тихо мужу.

– Русская школа! Русская культура!.. Это чьи были слова, вспомни. Кто поперек встал, когда я детей хотел отдать в национальную школу. Не ты ли? Вот теперь результат. Дети забыли свой родной язык, язык матери. Вот к чему мы пришли, сами собственными руками вырвали свои корни. Теперь из наследников Боражыка ни один не будет знать тувинский язык, тувинские обычаи. Корни наши скоро засохнут, – горячился Боражык.

– Что в этом плохого? Дети все получили высшее образование. Если бы не русский язык, смогли бы они выучиться? Не каркай попусту, как ворона. Выйди на улицу, посмотри, везде все на русском языке, даже на туалетах «М» и «Ж» написано, – теперь уже Севил вышла из себя.

– Я не против русского языка. Это великий язык, с его помощью тувинцы открывают для себя дорогу к знаниям. Только не надо русский язык делать орудием уничтожения тувинского языка. В Кызыле у многих, особенно начальников и служащих, дети перестали понимать родной язык своих родителей. Когда мы, тувинцы, так равнодушно относимся к своему языку, кто будет беспокоиться о нем. Дожили до того, что мы с тобой со своими же детьми разговариваем по-русски, и то подвергаемся с их стороны насмешкам, когда что-то не так скажем. Это разве не наша беда?! – Боражык сдерживая гнев, постарался довести свои доводы до жены.

– Так-то оно так, конечно, но уже поздно что-то менять. Поздно, – с этими словами Севил взяла за руку внука и ушла в спальню.

Боражык, чтобы не раздувать огонь семейной ссоры, решил больше не поднимать щекотливую тему межнациональных отношений. Лишь бы дети между собой были дружны. Да, у Боражыка семья большая и дружная, всем детям родители дали высшее образование, все они по роду деятельности занимают руководящие посты, одним словом, у них все схвачено. Он гордится успехами дочерей и сыновей. Они не должны отвечать за своего отца. Боражык сам должен отвечать за содеянное и нести тяжелый груз ответственности. Он хорошо знает, что его как раньше не арестуют как врага народа, не поставят на краю ямы и не выпустят в грудь кусочек свинца. Мсть не должна порождать мсть. Но есть все-таки всевидящий глаз народа, вот это-то и пуше изощренных пыток, пуше смерти страшнее живому человеку.

В последнее время он почти каждое утро стал встречаться у молочного магазина с дочерью одного из казненных по фамилии Дагба. Из-за этого он отменил походы за молоком в утренние часы. Больше всего боялся одного вопроса Сендин. Когда в то утро он нарочно пропустил час пик и пришел за

молоком позже обычного, в магазине, откуда ни возьмись, вновь появилась Сендин и встала в очередь за ним. «Может это совпадение», – подумал он, и ему отчаянно захотелось поверить в это. Когда он вышел из магазина и повернул домой, Сендин нагнала его и окликнула.

– Акый, постойте!

«Нет, не совпадение», – понял он с тоской. «Акый». Как давно Боражык не слышал это почтительное и дорогое обращение к старшему брату и к старшему по возрасту мужчине. Сколько лет, сколько зим назад он последний раз слышал, как его звали «акый». Для него это слово прозвучало как будто незнакомое, впервые услышанное странное слово. И понятно, что он не слышал это почтительное обращение много лет. На его работе человеческой теплоте было не место. «Товарищ майор» начинали с ним разговор подчиненные и чины ниже по званию, а заключенные и подозреваемые обращались к нему «дарга», «начальник». Там неуместны обращения «акый – старший брат», «дунмай – младший брат». Там не различают по возрасту, есть только официально принятые звания и все.

Но не обрадовался он этому слову, а совсем наоборот. Боражыку стало тяжело, словно большой черный камень наполнил его грудь. Сделав вид, что не слышал, он хотел быстрее уйти, но нежный женский голос одним словом «акый» словно стреножил его ноги. Боражык нехотя остановился и кое-как обернулся.

– Простите меня, акым, – сказала женщина. – Я хотела бы вам задать только один вопрос. Умоляю, дайте ответ.

Боражык, молча, смотрел ей в глаза. Сендин внезапно отвела в сторону взгляд. Хотя она пыталась взять себя в руки, на ее еще не отцветшем и не тронутым морщинами красивом лице, выдавая смущение, вспыхнул легкий румянец. Боражык по роду своей работы научился любому, независимо мужчина это или женщина, смотреть прямо в глаза. Если во время допроса у него не получалось вырвать показания, он не кричал, не выходил из себя, как другие следователи, а молча сверлил глазами подозреваемого. Если же тот не выдерживал и отводил глаза, он приказывал смотреть прямо и продолжал свою молчаливую пытку. Мог сидеть так час, два. Через какое-то время допрашиваемый не выдерживал, и начинал давать показания. Никто не мог выдержать пристального взгляда его зеленоватых глаз. Только жена Севил их несколько не боялась и любила говорить: «Я белая лебедь в зеленом озере твоих глаз». До сих пор она, несмотря на преклонный возраст, иногда говорила ему эти слова из далекой молодости. Поняв состояние Сендин, Боражык опустил глаза и откашлялся.

– Что, сестренка? Спрашивай! Если смогу, отвечу.

– Только один вопрос. Я получила постановление о реабилитации моего отца. Из Москвы. Он невиновен. Скажите, где его могила? Я хочу его похоронить по человечески, – дрогнул голос Сендин.

Боязливо, словно на него вот-вот нападут, Боражык сделал шаг назад. Если честно, он давно ждал и боялся, что Сендин задаст ему именно этот вопрос. Тем не менее, вопрос, поставленный прямо в лоб, словно ударил его со всей силой. Чтобы не показать женщине своего волнения, он быстро взял себя в руки. Словно улитка, которая во время опасности прячется в ракушку, Боражык смог обуздать свои чувства.

– Это вопрос, на который я не смогу ответить.

– Но вы же тогда там работали. До сих пор там служите. Если вы не знаете, то кто знает? – не отставала Сендин.

– Да, я работал и до сих пор работаю. А тебе на твой вопрос у меня нет ответа. Я не знаю об этом.

– А кто тогда знает, если не вы?

– Тока! Болат! Артас! Они живы и здоровы. У них и спрашивай! Пусть они ответят.

– Что они мне могут ответить! Тока с ружьем в руках их не расстреливал. Не скрывайте. Только вы знаете.

– Сказал, что не знаю.

– Нет, знаете!

– Не знаю! Не знаю!

– Знаете!

– Ты – женщина. Поговори с Анчымаа даргой, она тебе может что-нибудь сказать. А ко мне больше не обращайся, я ничего не знаю. Может Анчымаа дарга сумеет чем-то помочь.

– Что она скажет? Что она знает? Не будет же своего Току допрашивать. Ладно, на этот раз вы закрыли свой рот на замок, но когда-нибудь люди все равно найдут к нему ключ. На имя Тока я как руководителю республики, и как депутату не раз писала письма. Получила только от его помощника листочек бумаги размером с собачий язык.

– А что там было написано? – спросил Боражык.

– «Вашего отца реабилитировали. Ущерб за конфискацию вы получили. Вот и все», – так было там написано. Мне эти деньги не нужны. Я от них не разбогатею. Мне нужно похоронить моего отца. Кроме этого, мне ничего не нужно. Он не падаль какая-нибудь, чтобы лежать где-то в степи и гнить. Это человек! Когда человек умирает, у него должно быть место на кладбище и плита с его именем. Когда вы умрете, вас, конечно же, не зароят где-нибудь, как дохлую собаку. Придет день, когда вы все должны будете ответить за все, – с этими словами Сендин повернула обратно и скрылась за углом дома...

Боражык это место запомнил так крепко, что невозможно забыть. Оно словно клеймо, выжженное на гладком крупе коня, навечно впечаталось в его душу. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место...

По приказу Министра Боражык распорядился вырыть яму. Он принял этот приказ, как знак внимания и особого отношения. Министр мог поручить это ответственное задание другому, но доверил Боражыку, а это могло только означать, что самый главный его выделяет среди всех сотрудников и по особенному относится к нему.

Яма была вырыта не абы как, а очень даже аккуратно, ее стены имели ровные края, а в глубину она была ровно столько, сколько полагалось по инструкции – ни больше ни меньше. Сегодня из всех тех, кто знал о яме, в живых остался он один.

«То, что дочь Дагба спрашивала о месте, где зарыт ее отец, справедливо», признавал Боражык в глубине души. Она из их большой семьи осталась одна. Хотя Сендин не была одна на всей этой ласковой земле, под звездной ночью, под синим ясным небом, среди знакомых и незнакомых людей, ее судьба была похожа на долю одинокой березы посреди степи, которую летом и зимой нещадно били град и грозы, вьюга и снег пригибали к земле. Все тяготы и последствия беды, выпавшей на долю семьи Дагба, ей пришлось вынести на своих хрупких плечах. Жизнь только раскрыла для нее свои объятия, как черное лихо встало у нее на пути и солнце жизни заволокли тучи. «Контра», «дочь врага народа» – эти слова перечеркнули всю ее жизнь. На ее плечах не переливались узорами шелка, ее не коснулось теплом ласковое слово «уруум» – «доченька моя». Тяга к знаниям привела ее в техникум, но оттуда девушку вскоре выгнали. Также безжалостно Сендин лишили права любить, узнать счастье семейной жизни, рожать и растить детей.

А Боражык, его семья и дети никогда не видели таких страданий, да и не узнают они такой беды в своей жизни. Только сейчас Боражык начал осознавать жестокость времени, в котором жил. А тогда ни чувство вины, ни раскаяние не тревожили его совесть. От змеи родится змееныш и он все равно вырастет и ужалит ядовитым жалом. Отродье врага народа все равно враг, а это опаснее оспы.

«Смотри-ка, как угрожает. Яд уже созрел. Кое-как себя сдерживает. Совсем как злая собака на цепи, вырвется, не только покусает, а на куски порвет. Ишь, как осмеливается говорить?! Мол, «На этот раз вы закрыли свой рот на замок, но когда-нибудь люди все равно найдут к нему ключ!...»

...Дагба стоял на краю ямы, широко расставив ноги, гордый, словно орел неприступных отвесных скал. Казалось, стоит раскинуть руки и, как свободная могучая птица, улетит он в бескрайнее небо, чтобы парить в манящей свободой вышине над этим проклятым местом. А пули, целящиеся прямо в него, вылетев из винтовок, расплющатся о широкую могучую грудь, словно о гранит скалы, и упадут с дробным перестуком к его ногам бесполезными кусочками свинца.

Зная о том, что скоро прервется его дыхание, в глазах в последний

раз блеснет матовый свет круглой луны и дрожащий свет звезд, чтобы померкнуть для него навсегда, Дагба не выказывал волнения и страха. Он еще в тюрьме пережил сначала ярость несправедливости, а потом ужас и тоску перед неизбежностью. Он в первую же ночь в неволе понял, что нечего ждать милости ни от сотрудников правоохранительных органов, ни тем более от власти. Его не волновала его жизнь, а тревожила оставшаяся дома тяжелобольная жена и дети. Их будущее тревожило его больше всего. Для того, чтобы убить его, достаточно одной пули, а посчитал ли кто, сколько раз за день его родные живьем умирают из-за беспокойства о своем отце, супруге. Кто об этом узнает, кто посчитает их страдания? Поэтому он на суде не просто так просил не трогать его детей и не делать их сиротами. Власть предержавшие после приговора суда уже не будут бороться с ним, мертвым, а продолжат вымещать злобу на его семье, больной жене и детях, терзая лишениями, организовывая облаву и тесня их к самому краю жизни, загоняя, как насмерть запуганных животных, прямо в пасть смерти. Мысль об этом не давала ему покоя даже на краю ямы в последние мгновения жизни. Он ясно осознавал, что его семью в один миг выгонят из родного гнезда, отберут все, что можно, оставят только одежду, которая будет на них и в течение часа выгонят из Кызыла без права проживания. Так его дети, росшие в семейной любви и ласке, будут босиком бродить по степи, не находя нигде ни сострадания, ни места, чтобы преклонить голову, отдохнуть душой и телом. Таким будет их сиротский удел после жестокой и несправедливой смерти любимого отца. И некому будет утереть их горькие слезы, некому будет утешить, омыть потрескавшиеся ноги, истерзавшиеся тела, обласкать плачущие души. И поэтому вместо последнего слова он обвел взглядом полный зал суда в надежде, что среди них найдется хотя бы один милосердный человек, и высказал выношенную в бессонных ночах боль о своих детях, которые станут сиротами. Но зря, зал не услышал его слов, да и стоит ли обращать внимание на слова ненавистного врага...

Солдаты подняли винтовки.

– Подождите, парни! Успеется еще! Мне одной только пули хватит. Подождите! – попросил он. Стволы винтовок опустились. – В последний раз посмотрю на родные дали. Последний раз вдохну воздух своей родины, – только неторопливо произнес Дагба, как прозвучала резкая команда Боражыка: «Взвод! Огонь!» Выстрелы прозвучали одновременно.

Бездыханное тело Дагба свалилось в яму. Боражык с излишней торопливостью махнул рукой. Солдаты не поняли сигнала начальника и стояли, как вкопанные. Боражык вытащил пистолет и выстрелил в воздух.

– Лопаты в руки! – крикнул он.

Теперь только поняв, в чем дело, солдаты быстро схватили лопаты. Вскоре лопаты с глухим звуком начали зарывать яму. Где-то вдали за холмами послышался протяжный вой одинокого волка. Боражык дважды

выстрелил в ту сторону. Словно испугавшись, луна тотчас спряталась за набежавшее облако, а в вышине одна звезда, ярко вспыхнув напоследок, упала за горизонт.

Вскоре луна вынырнула из разорванного облака. Тишина. Где-то перед холмами тихонько заржала лошадь. Боражык направился туда и солдаты, закинув за плечи винтовки, молча, поплелись за ним. Никто ничего не говорил. Казалось, что выстрелы убили все звуки на земле.

– Что молчите, как в рот воды набрали? – кое-как проговорил Боражык. Ему показалось в какой-то миг, что если он сейчас что-нибудь не скажет, то навсегда онемееет.

Дагба даже мертвый, казалось, сбил всю спесь и грозный вид с солдат и Боражыка...

– Наверняка трудная будет ночка, начальник! – нарушил тишину один из солдат по имени Демир-оол.

– Почему это трудная? Врага пожалел? – строго спросил Боражык.

Демир-оол показал на темнеющий край неба:

– Как только в долине Боома и Чаргы нависает туча, это признак неминуемой бури. Гроза может нагрянуть внезапно. Не дотянем до города, промокнем, как козлята, дарга, – сказал тот, не отрывая взгляда от запада.

– Какой ты у нас прозорливый. Какая гроза может грянуть в такую позднюю осень! Ты что, все наперед знаешь, как сам бурган? Есть в тебе что-то суеверное. В роду у тебя шаманы наверняка водились, – решил Боражык немного пострашать Демир-оола.

– Да откуда. Нет у нас никаких шаманов в роду. Мои родители бедные араты, всю жизнь жили вдоль Элегеста и Эрбека, поэтому хорошо нрав этих мест знаю, дарга, – пытался оправдаться Демир-оол.

– Да ладно, я твою родню хорошо знаю, парень. А так говорю, потому что время от времени, что-нибудь эдакое да скажешь, – успокоил парня Боражык.

Буря, предсказанная Демир-оолом, не заставила себя ждать. Сначала подул ветерок, задувший свет звезд и луны, стерев границы неба и земли, и погрузив все в крошечную темноту. Потом не замедлили явиться его спутники: дождь со шквалистым ветром. Обычно осень в Туве всегда сухая и ясная, и никто не мог припомнить, чтобы погода в эту пору так необычно себя вела, и чистое небо так быстро посмурнело. В поисках убежища Боражык вместе с солдатами присел у куста караганы рядом с телегой. Дождь с вихрем с силой лился какое-то время и вскоре перенесся в сторону Бурена, взвихривая и взбаламучивая по пути мелкие камешки, догоняя нечто невидимое ему. Внезапно вновь посветлело – луна выпрыгнула из объятий черной тучи, и недвижно застыла на одном месте. Боражык и трое солдат сели на телегу и повернули в сторону города.

– Это и есть твоя трудная ночка, Демир-оол, – нарушил тишину

Боражык.

– Пронесло, начальник. Вы слышали легенду о великой ночи у стоящей вон там горы Чаргы? – спросил Демир-оол.

– Нет, парень. Дорога еще неблизкая. Смотри, твои друзья продрогли, аж зубы стучат. Чем вопросы задавать, лучше бы ты рассказал нам эту свою сказку. Все ж дорогу сократим, и развлечение, – попросил добродушно Боражык.

– Ну, хорошо, слушайте.

– Шыяан-ам...

Шыяан-ам, в древние незапамятные времена на нашу землю нагрянуло несметное войско жадных и жестоких китайских завоевателей.

Словно тучи нависли над бескрайними просторами нашей бедной родины; тьмой и холодом повеяло с высоких вершин величавых хребтов Танну-Ола; лютый враг свирепо шел вперед, повсюду сея смерть и разорение.

И много их было и все гибло на их пути. Кровавыми озерами отмечались их ночные стоянки, сотни голов скота забивалось, тысячи баранов резались кровожадными варварами. Большие караваны верблюдов везли за ними награбленные сокровища, и черной полосой среди зеленеющих степей ложился их след. Еще сейчас, сотни лет спустя, мы видим следы ужасных ночевок: в горах, где были пролиты потоки крови несчастных животных, выступают из недр земли кровавые родники, закипая зимой красной наледью.

Бросая скот и имущество, спасая малых детей, да старых и немощных родителей, испуганный и подавленный бежал наш народ в поисках защиты в суровые неприступные темные горы и укрывался там. Но находились и смельчаки, державшие задержать разрушительное шествие желтых варваров. Они, как соколы, внезапно врзывались в передовые отряды врага, производя среди них великое смятение, останавливая эту дикую огромную толпу, заставляя ее в необъяснимом страхе кидаться назад, поспешно строить земляные окопы и сидеть в них, ожидая битвы.

Жалкие трусы! Только своим подавляющим большинством, своей беспримерною жестокостью вы хотели поработить нашу родину.

Богатырской стеной чернел вдали утес Чаргы. Туда-то и направились несметные полчища, там думают они найти спрятанные перепуганным народом сокровища. Словно огромная туча надвигались они, с каждым шагом приближаясь к намеченной цели. Но внезапно им дорогу преградило неожиданное препятствие. Что это?

Переливаясь всеми цветами радуги, величаво катятся светлые волны красавца Улуг-Хема. Ширь и мощь великой реки поражают пришельцев из далеких земель, и они останавливаются в изумлении!

Дальше путь отрезан. Шумит и волнуется вражеский лагерь. Робко

подходят усталые люди к серебряной воде, наклоняются, пробуют и затем с наслаждением пьют прохладную спелую воду Улуг-Хема. Решили сделать привал. Вдоль крутого берега были разбиты тысячи шатров – каждый в эту волшебную летнюю ночь наслаждался вечным движением гордой великой реки. Враги готовы были забыть о привычных кровавых бедах, что несли другим народам. Тихо и плавно катятся темные волны, весело купается в их холодных струях царица неба – луна; природа и люди доверчиво отделились безмятежному покою. Все спят. Но вот лунный свет погас. Темно... Жутко...

Вдруг на вершине прибрежного утеса появляется облако, а в нем высокий силуэт Кара-Хама – Черного Шамана! Еще мгновение и глухие удары бубна поднимают на ноги весь лагерь. Сонные, растерянные смотрят все на дивное облако, на черную тень грозного шамана!

«Бум-бум!» – таинственно и страшно гудит бубен. Сердца иноземцев леденеют, панический страх сковывает их волю! «Бум!» громко и смело доносится из глубины кромешной ночи звук бубна, усиливаясь, раздаваясь эхом в скалах. Казалось, в самый мозг вбивается этот звук, впечатывая в него ужас. Словно ища защиты у величавой реки, люди жмутся к береговым утесам.

Вдруг шаман поднимает высоко над головой свой бубен и со свистом, хохотом и визгом начинает кружиться в бешеном танце, вызывая нешуточный вихрь. В это время из соседней долины реки Элегест, оттуда, где сливаются небо и земля, таинственно поднимается и быстро растет белая тень страшного Албыса, и достигает берега Улуг-Хема. В ужасе взирали дрожащие от страха и готовые лишиться рассудка захватчики на это страшное чудовище.

Оглушительный удар грома, яркий сноп молний и глухие подземные раскаты довершают величественную картину справедливого гнева великой матери нашей природы и ее любимого сына Кара-Хама! Еще момент и береговые утесы Улуг-Хема с треском и шумом падают в холодные волны коварной реки, увлекая за собою сотни обезумевших людей!

А на другом берегу реки, на лесной поляне наши люди горячо молились со словами благодарности и благопожеланиями-йорээл своим избавителям, преклоняя колени перед природными силами.

Да! Великая это была ночь! Громкие призывные удары чудесного бубна Кара-Хама разносились по всей земле и в ответ им со всех сторон летели приветственные бубны всех шаманов нашей родины.

Весь воздух наполнился музыкой «бум-бум!» – вторили горы; «шу-шу!» – гудели вековые лиственницы; «тар-тар-тар» – шумела своими перекатами река. С глухим рокотом падали утесы гордой Чаргы, образуя непроходимые каменные осыпи, заваливая спрятанные в глубоких пещерах народные сокровища! Бешеным потоком мчал свои воды до сей ночи спокойный Элегест.

Наш народ целую ночь не снимал шапок, благоговейно слушая горячо любимую природу-мать.

Но вот предрассветный луч рассек мглу и все затихло. Густой туман окутал тихо дремавшую реку и ее величаво спокойные берега, когда же он рассеялся, обрадованный народ, взобравшись на высокую вершину Чаргы, долго смотрел на позорное бегство желтолицых завоевателей!

Великий был Кара-Хам, страшный и грозный поднялся из недр старых утесов белый Албыс, но величавее, сильнее и страшнее показала себя в эту волшебную ночь царица всего живущего в мире – Природа!

Глубоко кланяемся ей! Поклонимся ей до земли! Поклонимся! – повторил Демир-оол.

– Кому это поклонимся до земли? Кому? – вздрогнув, переспросил Боражык.

– Повелителю всего сущего на земле – Природе!.. – ответил Демир-оол, сам под впечатлением рассказанной им же легенды.

Солдаты заметили, что осунувшееся сероватое лицо Боражыка при лунном свете стало мертвенно-бледным, словно у покойника. Это был нехороший знак. Они знали, что Боражык так внезапно бледнел, когда наливался яростью.

– Это кому мы должны кланяться, Демир-оол? Отвечай и не вздумай юлить! – проревел Боражык.

– Родной земле кланяться, дарга! Кому же еще как не ей, священной тайге нашей – Танды! – поспешно ответил Демир-оол.

– Вы слышали, парни? Что болтает этот человек. Не партии, не правительству кланяться, а только природе, родной земле. А может случайно еще и Танчаю и Чурмит-Дажы кланяться а, Демир-оол? – уже начал допрашивать его Боражык.

Демир-оол в ужасе замолчал. Он в мгновение ока представил себе все тяжкие последствия внезапной беды, которую сам только что на себя навлек по недомыслию. Страх охватил его с головы до ног. Он про себя начал лихорадочно нащупывать пути выхода из сложившейся жуткой ситуации.

– Ну, чего заткнулся? За глупцов нас держишь? Уж не последыш ли ты этих чуждых контрреволюционных элементов, которых мы только что задавили! – повысил голос до крика Боражык.

– Оршээ-азыра! Упаси помилуй! Нет, нет, дарга! Я их своими вот этими руками караю. У меня даже в мыслях такого не было. Я – арат, честно служащий своей партии и правительству. Кроме них, у меня нет больше святынь, которым надо поклоняться. Не так выразился, дарга. Простите меня, виноват! – взмолился Демир-оол.

– Прекрати нести эту свою чушь! Следи за языком. Пусть это будет в последний раз! И вы тоже зарубите себе на носу! Слышали? – уже тише проговорил Боражык.

-- Слышали, слышали, дарга! -- дружно ответили солдаты.

-- Тебе понятно, окаянный?! -- еще раз заревел Боражык при виде Демир-оола.

-- Да, да, дарга! Очень виноват. Больше такого никогда не повторится. Обещанное слово, что зарубка на дереве! -- заметно обрадованный тем, что, кажись, пронесло, торопливо заверил Демир-оол...

Но Боражык не забыл легенду о великой ночи-избавительнице. С тех пор он частенько ее вспоминал. Может легенда тому виной, но иногда его терзали мысли, столь ли справедливо и благородно дело, которому он так рьяно служил. Порой одолевали душу тяжкие сомнения, ведущие к неуверенности: «Может быть, я -- грешный человек, творящий зло и занимающийся несправедливым?» Кому высказать душевные терзания? Даже предположить страшно, что об этом кто-нибудь узнает.

А ведь они мучили людей. Чтобы сломить упорство подозреваемых и выбить из непокорных признания, они на работе не применяли все девять пыток, бытовавших в дореволюционной Туве, но методы, которыми пользовались они, работники правоохранительных органов, были не хуже, а иногда по жестокости превосходили мучения, придуманные дужуметами -- чиновниками в прошлые века. Растапливали до малинового пышущего жара печь, сажали рядом несчастных, укутав в тулуп. Конечно, это было бесчеловечно. А дальше -- еще хуже. Если кто эту пытку выдерживал, то сажали его на кол. Тогда даже у самых упрямых можно было получить какие только хошь показания, заставить подписать какое угодно признание. Мол, тогда-то ты от Чурмит-Дажы получил такое-то задание. Правда ведь? «Правда»... Основная часть признаний составлялась заранее, записывалась и была готова еще до допроса. Жертвам оставалось только прочитать и подписать.

«Когда же защитники народа, Кара-Хам и Ак-Албыс, восстанут и окунут врагов в холодные синие волны Улуг-Хема?» -- нет-нет, да и стал подумывать Боражык, вспоминая старинную легенду. Но вскоре сомнения бесследно исчезали, и вновь Боражык принимался без зазрения совести и без усталости бороться с врагами народа...

Однажды возвращаясь на рассвете с работы, Боражык вдруг почувствовал, как что-то словно порвалось и распустилось в груди. Внимательно прислушался к себе, вроде ничего, только голова закружилась и подташнивало. Он продолжал идти по берегу реки.

Улуг-Хем как-то несмело, тихонько катил свои воды. На реке уже появились забереги, тонкий несмелый ледок, который обещал с каждым днем наливать, наращивать силу и мощь, чтобы удилами, раздирая морду этого непослушного вольного жеребца обуздать его ледяными кандалами. Река привыкла к такой своей участи. Она будет терпеливо ждать наступления тепла, чтобы объединившись с жаркими солнечными

лучами, скинуть ледяные кандалы и освободиться. Поэтому Улуг-Хем пока не сопротивляется, а погружившись в глубокие думы, как выдавшие виды старцы, спокойно и тихо несет свое течение.

Зябкий хиус, несущийся с осенней реки, не смог освежить Боражыка. Он чувствовал, как мертвый узел, которым стянул душу, долго придававший ему крепость духа и твердость воли, вдруг ни с того, ни с сего развязался. Боражык своей рукой не убивал врагов народа, но, тем не менее и он к этому причастен, в их черной крови замараны и его руки. При этой мысли ему до нервной дрожи стало не по себе. Эта невесть откуда взявшаяся мысль, как холодный ветер, пробирающий со спины, прошивал сердце ледяной иглой.

Домой он пришел совсем больным. Тихо сняв сапоги у порога, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, он прошел осторожно на кухню. Покачав на весу чайник, убедился, что в нем есть холодный чай. Не стал открывать шкаф, искать стакан, шуметь, а попросту приложился к носику и начал жадно пить. Тишина все-таки нарушалась его глотающими булькающими звуками, которые в сонной квартире, казалось, раздавались особенно громко. Боражык сторожко посмотрел в сторону спальни, но никто не шевельнулся и кровать не скрипнула. Потом он из окна долго смотрел на улицу: утренним ветром срывало с тополей последние листья. Оголившиеся стволы деревьев показались ему бесстыдно убогими. Странно, но они напомнили ему недавно привезенного ими из Улуг-Хемского кожууна пожилого тощего ламу.

Лес редел на глазах. Листья все срывались и падали вниз. Ничего не менялось, время шло, но голые деревья также неуютно и сиромыслились и сгибались под сильным осенним ветром.

Боражык приоткрыл форточку и тихонько закурил, но не докурил. Привычный к горькому табачному вкусу, он почувствовал в груди кислый ком и его вновь затошнило. Недокуренная папироса полетела на улицу. Боражык разложил на стуле одежду и прислонился к остывшей печи спиной, словно пытаясь согреться. В его душе творилось что-то необъяснимое и невероятное: с одной стороны, будто он – это не он сам во плоти и крови, а какой-то незнакомец, с другой стороны, разум твердит: «да, вот он я». Полнейшее чувство раздвоения, словно в одном теле, в одной душе – два разных человека. И тут действительно от него отделился с головы до ног очень похожий на него человек, освободившись от тела Боражыка, подошел к окну, и словно умел летать, легко приземлился на подоконник. Черный человек смотрел на него, не отрывая глаз. У живого настоящего человека глаза даже в темноте мерцают теплой живой влагой, а это нечто, которое свесило с подоконника ноги и беззаботно ими покачивало, имело глаза красные и светящиеся дьявольским пламенем. Боражык от охватившего его с ног до головы ужаса начал оседать на пол. Из его широких трусов по ноге произвольно потекла теплая струйка.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не бойся! Боражык! Я твой друг; твой единокровный брат. Давай, напряги мозги, вспомни: ведь у каждого человека с момента его рождения в сердце живут темное начало – албыс и светлое – человек. Вспомни, как ты в эти дни мучился и терзался. Ты думал, что это боль твоей души, тоска, переживания. Нет, это я, твой албыс, мучился, сейчас мне стало наконец-то хорошо. Моя душа ликует – я теперь занял тебя полностью, завоевал твою душу. Твои сердце и разум принадлежат мне целиком. С этих пор у тебя никогда не будет сомнений, неверия, слабости и нерешительности. Теперь ты не будешь бояться крови и жестокости, не будешь знать жалости.

Если хочешь вкусить все прелести жизни и все то, что она может дать человеку, если хочешь добраться до вершин власти, будешь слушаться только меня и идти той дорогой, которую укажу я.

Не думай, что исполняешь приказы своего начальства, ими тоже управляют албысы, как и я, только еще злее, еще могущественнее, чем я. Мы, албысы, укрепляем власть и движем ее вперед. А вы – те, которые реально держат эту власть в своих руках, вы – наше орудие и наши посыльные.

Люди зряволнуются, переживают, день и ночь думают, как бы избавиться от других, вставших у них на пути, как препятствие. Если опоздаете, они вас опередят, и ваши шеи тотчас срубят острый меч. Помогая отнимать жизнь врага по велению кого-то, ты помогаешь ему возвыситься над другими. В твоем рвении выражение твоего уважения и глубокой любви к Правителю. Если будешь от души ему служить, он тебя никогда не забудет, не обидит, наградит выше головы.

Вы, думая, что живете в свободном обществе без гнета и порабощения, громко кричите об этом. Бедные, если вы беспокойны, если ваша душа не на месте и вы противитесь и гневаетесь, вы – несвободные люди. Людям свобода не нужна. Жить надо полнокровно. Испробовать всех благ жизни, над всеми возвыситься и испытать самое высшее наслаждение – найти своего врага и прервать его горячее дыхание. Если враг не будет найден, найди его в своем соседе, он день и ночь метит на твое место, кончики его пальцев горят от натянутой тетивы лука и пульсируют, его стрела неотступно следует за твоим сердцем, ни на миг не упускает из виду живую стучащую мишень, готовясь поразить цель.

А я тебя до такой беды не доведу, буду беречь твою жизнь. Ты – мой. Если вырвешься из-под моей власти, придется с другими албысами пить твою горячую лакомую кровь, прихлебывая, как ты любишь пить горячий чай с молоком.

Черный Албыс спрыгнул с подоконника, взял Боражыка за плечо, сильно встряхнул и приподнял его, оторвав от пола. Обжигая красным огнем светящихся глаз, всмотрелся в него, погладив его голову, вдруг

крепко обнял Боражыка. У того кровь застыла в жилах. В этот миг в окне засверкали солнечные блики и Боражык страшно закричал. Он успел позвать жену: «Се-вил!» и с грохотом упал. Лежа на полу, Боражык, как в тяжелом сне, урывками чувствовал, как его постепенно покидает сознание. Он не мог не то, что бы подняться, даже рукой пошевелить, словно его тело было забито до полусмерти, замучено страшными пытками. Еще немного и помутневшие глаза Боражыка закрылись.

– Что случилось, Бора?

– ...

Боражык не смог выдать ни звука, только губы едва заметно прошелестели что-то. В его уши ударил плач жены.

– Спаси и помилуй, оршэ! Халак-халак! Что с тобой, Бора?! – закричала Севил, изо всех сил попыталась его приподнять, но от спешки и волнения не смогла даже сдвинуть с места. – Что мне делать? – зарыдала в голос Севил. Собрав все свои силы, она ухватила Боражыка под мышками и поволокла в спальню. Кое-как дотащив до кровати, с трудом затащила его на кровать. Боражык приоткрыл потухшие глаза. Севил зажгла артыш – можжевельник, поднесла к лицу мужа, дала вдохнуть ароматный целебный дым и начала его окуривать. Боражык пошевелил губами и глухо прошептал:

– Воды.

Севил соскочила с кровати, налила в стакан воды и поднесла к губам, приподняв его за плечи. Боражык отпил всего немного. Туман, застилавший глаза, стал постепенно исчезать, как пар над рекой. Он начал приходить в себя, сознание постепенно прояснялось. Пуще всего Боражык боялся того, что опять перед его глазами появится черный человек. Он с опаской посмотрел на жену и протер глаза.

– У меня чуть сердце не разорвалось, Севил. Сердце! Кое-как выкарабкался из ямы, куда упал в беспамятстве.

– К врачу тебе надо. Это все из-за того, что день и ночь работаешь, не зная отдыха. Тяжелая у тебя работа, – говорила Севил, положив на лоб мужа ладонь.

– А у кого она легкая, Севил. У всех она трудная. Раз судьба такая, надо терпеть.

– Терпеть. Как терпеть, вот как сейчас что ли? Домой при смерти возвращаться? А если уйти с работы и найти другую, полегче, поспокойнее? Неужели нельзя?

– Это невозможно. Как я с работы уйду. Что подумают обо мне люди. Это невозможно. Даже опасно. Надо выполнять свой долг.

– Ладно, не будем об этом. Постарайся заснуть, отдохнуть и все забыть – сказала Севил и, укрыв Боражыка одеялом, закрыла дверь спальни.

Боражык уснул. Он спал до обеда и очень радовался, что во сне его не побеспокоил Черный Албыс. Боражык очень хорошо помнил, что с ним

произошло утром. Хотя он решил это странное происшествие больше не вспоминать, оно упрямо не выходило у него из головы. Он был рад тому, что не поддавался панике, не сошел с ума, взял себя в руки. Встал он уже заметно бодрым.

– Как себя чувствуешь? – спросила Севил.

– Хорошо. Мне лучше.

– Полежи. Я на твою работу ходила сказать, что ты болен, к самому Министру зашла.

– Зачем туда пошла? Да, ладно, что теперь. Что он сказал, Севил?

– Сказал, чтобы ты пошел: «Станет чуть получше, пускай завтра зайдет ко мне с утра».

Остальное время дня Боражык никуда не ходил и ничего не делал: не стал колоть дров, не ходил за водой, только пил горячий чай, лежал на кровати и покуривал. Немного прошелся по двору.

Вечером супруги легли спать намного раньше обычного. Боражык крепко обнимал жену, вдыхал родной запах волос, целовал. Ему захотелось забыть обо всем на свете, не думать, не переживать, забыть о работе и только лежать в мягкой постели, гладить нежную спину жены и наслаждаться любовью. Вместе с Севил они прожили полтора года, но детей за этот срок не нажили. Мыслям о детях в голове Боражыка не было места, его полностью занимали думы о работе, которые забирали его от семьи. В последние дни он иногда даже ночевал в министерстве, или же в середине ночи уходил на работу, а после возвращался домой такой измотанный, что падал на кровать и засыпал как убитый, какие уж тут нежности и ласки.

Теперь Боражык обнимал Севил и думал о том, что в их семье для полного счастья не хватает самого главного – малыша. Всю жизнь прожить вдвоем и не оставить после себя детей, это страшно. Севил молча таяла от радости в объятиях мужа.

– Севил?!..

– Что?..

– Ты счастлива?

– Да. Ты – мое счастье. Утром очень испугалась за тебя. Ты был на грани жизни и смерти. Не покидай меня раньше времени.

– Не оставлю, милая. Я тоже счастлив. Но только не полностью...

– А почему не полностью, Бора?

– Как ты думаешь почему?..

– Мы друг друга любим, а что еще нужно! – ответила Севил, не раздумывая.

– Это, конечно, так, но мы прожили вместе полтора года. За это время хотя бы одного ребенка могли бы родить, а у нас пока с этим пусто, – проговорил Боражык.

– А, ты вон про что, значит. А я-то голову ломаю. Мне-то что, «Если

женщина не хочет быть матерью, то она -- дьявол», -- говорила моя бабушка когда-то. Все зависит от тебя. Да хоть сколько детей тебе нарожаю. И все они будут на тебя похожи, -- обняла Севил мужа крепко...

Утром Боражык проснулся очень бодрый и в хорошем настроении, как давно уже не бывало. Рядом сладко спала Севил, распустив по всей подушке волну черных волос. Боражык смотрел на нее, и ему представлялось, что улыбка спящей женщины самая легкая загадка на свете, которую быстро можно отгадать. Конечно же, улыбка вызвана сном о любимом. Севил, наверняка, ласкалась к нему во сне...

...Цветочный луг. Где-то там, у лесочка, пасутся овцы. Между зелеными кочками, переплетаясь длинными серебристыми косичками, растекаются прозрачные родники. Парень и девушка плещут друг в друга водой. Их голоса раздаются эхом в окрестностях. Это Боражык и Севил. Прошлым летом они гостили на летнем стойбище у родителей Боражыка. Вполне может, что Севил как раз об этой поездке и видит сон.

Боражык тихо сел на край кровати, обвел взглядом статную фигуру жены. Ему захотелось взять в ладони мягкие груди Севил, положить на них голову, и лежать, не думая ни о чем. Преодолев это сладкое желание, Боражык осторожно встал, стараясь скрипнуть кроватью, чтобы не нарушить сон жены...

Боражык это место запомнил так крепко, что невозможно забыть. Оно словно клеймо, выжженное на гладком крупе коня, навечно впечаталось в его душу. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место...

По велению Министра Боражык приказал вырыть яму. В настоящее время из всех, кто знал про эту яму, он остался в живых один. Боражык стал единственным хранителем большой тайны. Покой этой ямы до сегодняшнего дня никто, кроме дочери Дагба, ни словом не потревожил. Боражык должен до самой смерти тайну преданно хранить и в могилу с собой унести.

Сегодня члены общества «Мемориал» стали активно поднимать тему репрессий. Изменилось время -- все архивы стали доступны, двери наводящего ранее страх на людей КГБ почти открыты. С этого все и началось. В газетах под рубрикой «Белые пятна истории» стали выходить в свет материалы о Чурмит-Дажы, Танчае, Хемчик-ооле и воспоминания их детей.

Наряду с возвращением доброго имени тем, кого без вины обвинили, объявив врагами народа, и расстреляли, искали главных виновников преступления и требовали установить памятник жертвам политических репрессий в городе Кызыле.

Вскоре дети некогда обвиненных «врагами народа», родственники и общественность начали требовать указать место захоронения

расстрелянных родных. И Болат, и Аргас упорствовали и стояли на том, что не знают это место. Да, это правда, они действительно могут указать это место только приблизительно, а саму яму, где она была вырыта, где на ее краю той осенней ночью прозвучали выстрелы и где были зарыты семь тел, они на самом деле не знали и не могли указать. О яме знает только Боражык. Если придут прямо к нему с требованием показать ее, другое дело, а пока его никто не беспокоит, почему он должен кричать и бить себя в грудь, мол, «я знаю, где расстреляли и зарыли «врагов народа».

Беспокойные настали времена. Раньше люди даже тени своей боялись, а теперь такое творится! И от всего этого старое сердце Боражыка время от времени накрывал страх. Хотя у него не было ни капли сожаления по поводу своей сложившейся таким образом судьбы. Боражык был уверен, что достойно прожил отведенное ему время и взял от жизни все, что только было можно. Он был всего лишь маленьким человеком, который выполнял приказы больших начальников. А кровавые дела творили, руководили такими, как он, другие: Тока, Товарищтай, Базыр-Сат, Намчак. Их сегодня нет в живых, но пускай их кости в гробу переворачиваются от каждого упоминания о них, от сегодняшних перемен в обществе и в стране. Их нет, зато живы Болат и Аргас, пускай они ответят за все содеянное, чего уж им теперь из всех сил защищаться и себя выгораживать! А если придут к Боражыку, он все выложит, ничего не скроет. «Да, правда, есть мое участие в этих делах, но я только выполнял приказ», – ответит он. Но пока его ни КГБ, ни прокуратура, ни общество «Мемориал» не трогали. Из газет он узнавал, что где-то проходили собрания и встречи, на которых перед Болатом ставили вопросы. Нехорошие вопросы. Оюн Болат о тех временах в газете от 18 июля 1989 года напечатал материал «Кто ты, Тывыкы?» Там он смело и отважно набросился на Тока, которого давно нет. Но, несмотря на такие ухищрения, и тот, и другой виноваты в равной мере. Хотя Болат и был министром только два года, все равно ведь был одним из руководителей организованных в Туве карательных репрессий.

«Дорогой мой наставник Министр, почему не расскажете откровенно о том, как мы работали в то время? И мы – те, которые работали под вашим руководством – сделав вас для себя примером, тоже все без остатка выложим, как было на самом деле. Сам я с большим удовольствием рассказал бы, как после расстрела группы Чурмит-Дажы в Министерстве внутренних дел состоялся большой праздник, из торжества переросший в гулянку. Вспомнил и в точности передал бы, как вы с Тока с треском раздирали жирные куски бараньих ребрышек, разрезали почетный бараний курдюк и с аппетитом поедали. На том торжестве я по глупости перебрал, и чуть было не стал из сотрудника МВД врагом народа. До сих пор помню, как вы, мои горячо любимые наставники и начальники, мне тогда чуть голову не снесли» – думал целый день Боражык.

29 октября 1938 года.

На столах в больших тарелках были щедро разложены дымящиеся пельмени и отварные куски мяса, свежо блестела в бутылках прозрачная водка, слюнки текли при виде лакомств: ааржы, чокпека и быштака. Столы просто ломились от еды. Зал оперативных заседаний Министерства внутренних дел заполнил затейливый аромат вкусных блюд. А ведь совсем недавно здесь до ночи стояла вонючая духота, от которой, казалось, щипало в носу и даже подташнивало.

Вкусный запах, вырываясь из помещения, распространялся по узкому темному коридору министерства и, не находя выхода, проникал во все кабинеты. И создавалось обманчивое впечатление, что это вовсе не место истязаний и мучений пойманных на преступлении, а столовая, где вкусно готовили и кормили.

На столах давно уже все было готово, оставалось только приступить к долгожданной трапезе, но сотрудникам ниже званием оставалось только сглатывать потихонечку слюну, да ходить туда-сюда, позевывая. Все ждали начальство. Никто никого не тормозил, мол, почему так долго ждем. В этом здании, честно говоря, опасно было высказывать свои мысли, задавать возникшие вопросы, делиться переживаниями. И даже одному в пустом кабинете опасно что-либо брякнуть – сразу подслушают и донесут. Начальство задерживалось. Руководство партии и правительства заседало на Политбюро.

«Сей неожиданный праздник – подарок Генсека аратской революционной партии товарища Тока», выдал подслушанную информацию Боражыку заместитель министра. Еще он узнал, что все расходы большого застолья берет на себя партия и правительство.

У каждого сотрудника МВД от предвкушения радость светилась на лицах. У всех хромовые сапоги, начищенные до блеска, отбрасывали зеркальные блики, на одежде ни складочки, ни пятнышка. Даже Кушкаш-оол пригладил свои вечно лохматые, и свалявшиеся как хвост бродячей собаки, волосы и молодецкато затянул солдатский ремень, что даже стал казаться статным молодецкатым.

Сотрудники МВД героически отрубили голову чудища Адыгыр-Амырга-Моос, который пытался воровским образом проползти в счастливую свободную жизнь народа и нес беду тувинским аратам. Поэтому правительство своим героям, спасителям, честным помощникам устраивает праздник, чтобы рука, держащая меч, была твердой и не слабела, взгляд был зорким, потому что враг еще не до конца уничтожен.

Боражык курил на крыльце, когда показались машины. Поднимая за собой пыль, они направлялись к зданию МВД. Тут же он выбросил недокуренную папиросу и забежал в здание:

– Едут! – закричал он.

Все сотрудники повыскакивали из кабинетов и проворно выстроились вдоль левой стены длинного узкого коридора стройной линией. Заместитель министра, как только начальство зашло в здание, громко скомандовал:

– Внимание, равнение налево!

По команде головы сотрудников в военной форме одновременно повернулись к левому плечу. Все проходило по-военному четко и дисциплинированно. Руководители во главе с Тока, Байыром, Базыр-Сатом, Болатом и Товарицтаем остановились перед строем.

Несмотря на официальность обстановки, на их лицах проступала нескрываемая радость и гордость за одержанную большую победу. Хотя высокие начальники для простых сотрудников казались чуть ли не небожителями, все же они были людьми из плоти и крови, и на их лицах тоже отражались живые чувства, заставляя блестеть глаза, розоветь щеки (не иначе как успели где-то поднять стопку за победу общего дела).

– Горячо любимый Учитель тувинского аратского народа, Генеральный секретарь революционной аратской партии, сотрудники МВД поздравляют вас! – по-военному четко отрапортовал заместитель министра МВД, молодежавато щелкнув каблуками сапог.

Тока прошелся вдоль строя и скомандовал:

– Вольно!

– Вольно!

Доносившийся из зала заседаний запах еды еще больше дразнил обоняние. Все за начальством устремились в помещение. Тока, Байыра и Болата провели на почетные места за накрытыми столами. Боражыку попалось хорошее место в непосредственной близости от начальства. Министр стоял в ожидании, когда все усядутся. Стало понятно, что открывать праздничное торжество будет он.

– Товарищи! Сегодня в истории нашего министерства незабываемый радостный день. Мы под руководством революционной аратской партии уничтожили бешеных врагов нашего – народа группу Чурмит-Дажы и Танчая. Поэтому наш горячо любимый Башкы, – Генсек Тока вместе со своими преданными соратниками пришел к нам, чтобы поддержать нас и вдохновить на дальнейшую борьбу с врагом. Это для нас большая награда, дорогие товарищи. С нижайшим поклоном прошу от имени всех нас, товарищи, нашего уважаемого Дарга сказать свое слово, – открыл вечер министр Болат.

Аплодисменты загремели со всех концов. Тока медленно и важно, словно солнце, встающее на рассвете из-за гор, поднялся со своего места. Боражык смотрел на него и Тока казался ему суровым и справедливым сказочным героем, которому только подвластна победа над девятиглавым чудовищем Адыгыр-Кара-Моосом. Тока правой ладонью сгреб солдатский ремень и поднял левую руку, чтобы остановить шквал рукоплесканий.

Народ тотчас же успокоился и, раскрыв рот, в ожидании слов горячо любимого Башкы. Тока расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

– Товарищи! От имени Центрального Комитета ТНРП, его Политбюро, Президиума Малого хурала ТНР, от аратского правительства, а также от своего имени передаю вам пламенный привет! – от его слов опять грянули рукоплескания. Большой Дарга ожидая, когда окончится шквал аплодисментов, смотрел на них по-отечески нежно и улыбался. – То, что вы под мудрым руководством своего министра Болата разгромили группу злейших врагов тувинского народа Танчая и Чурмит-Дажы, останется навсегда в благодарной памяти тувинского народа. Вы вовремя выявили, что враг хотел уничтожить ТНРП и вернуть тувинский народ в кровавый гнет феодализма. Народ Тувы и правительство высоко ценят то, что вы по-революционному ответственно и быстро выполнили решение III Пленума ЦК ТНРП, вынесенное в сентябре этого года, товарищи, – произнес Тока и обвел взглядом всех присутствующих. Вновь все захлопали. Большой Дарга поднял руку и все смолкло.

– Это день большой победы нашей революционной партии, товарищи. На Пленуме вы все слышали мой доклад о мерах по окончательному уничтожению жестоких врагов народа и о целях по усилению политической работы партии. Я не буду здесь долго и много говорить, еда остынет, да и не собираюсь вносить нескончаемые предложения, проводить заседание. Но в этот торжественный день и знаменательный час не могу не остановиться на главных моментах своего доклада.

Все члены партии и организации не должны терять революционную бдительность, ослаблять внимание. Мы должны быть начеку, и как только будут выявлены враги народа, безжалостно расправляться с ними. Без этого мы не сможем сделать шаг вперед в своем развитии. Наша первостепенная задача – вооружиться истинно преданными революционному делу людьми. Мы должны подготовить настоящие кадры, готовые отдать без остатка свою жизнь, ум и знания делу Тувинской национальной революции, посвятить себя борьбе за некапиталистический путь развития ТНР, товарищи. Вы сегодня находитесь в самой горячей точке этой ожесточенной борьбы, на передовом революционном рубеже. Мы сегодня уничтожили ненавистных врагов, феодально-теократическую контрреволюционную группировку Танчая и Чурмит-Дажы. Сейчас мы должны беспощадно бороться и расправляться с остатками этой группировки. Вы своим подвигом стали для нашего народа примером истинных революционных кадров, у которых рука не дрогнет перед врагом народа, глаза не испугаются крови, товарищи, – при этих словах сидящие за столом вскочили со своих мест, как один человек, и заглушили голос Тока рукоплесканиями. Кто-то крикнул с другого конца стола: «Да здравствует Тока – вождь тувинских аратов!» На этот раз в помещении загремело многократное «Ура-а!». Тока высоко

поднял голову и приосанился. Боражык смотрел на него, и ему казалось, что у Токи раздали плечи. Дарга как раньше не стал успокаивать людей поднятой рукой, а с мягкой улыбкой ждал, когда присутствующие сами успокоятся. Рядом с ним сидели новые молодые члены правительства и смотрели на него с восторгом и обожанием, как дети. У каждого из собравшихся радость, не зная границ, вырывалась через край, как речная вода во время наводнения рвется из своего русла. Тока в этот момент чувствовал глубокое удовлетворение, как человек, собравший вокруг себя настоящих соратников, преданных сторонников, которые думали как он, дышали как он, чувствовали как он. И это был их день, их праздник, их большая победа. Никто из присутствующих не смел даже слова против него сказать, вот только сидящий рядом с ним председатель Совета Министров Байыр смог бы ему перечить. «Это ничего, скоро будет подчиняться одному правилу, одному требованию, одной политике, не сможет обойти ни Партию, ни Политбюро, ни военную волю Генерального секретаря. Всем будет заправлять партия, и окончательное решение всегда будет за нами. Это должно стать для всех законом», – думал про себя Тока.

– Товарищи, прошу выпить за ваше здоровье, орлы, сыновья Тувы! – сказал он, и все встали с наполненными стаканами. Тока чокнулся с Болатом и Байыром и одним махом опрокинул в себя водку. Звон от чокающихся стаканов раздался по всему залу. Тока, вытерев рот носовым платком, призвал:

– Да здравствует вождь всех народов – великий Сталин! Ура-а, товарищи!

В зале мгновенно разнеслось «Ура!»

Теперь можно было начинать праздник. Наконец-то все уселись за столы, и вскоре послышались самые разнообразные звуки: где-то чавкали, где-то сопели, некоторые шумно прихлебывали. Все занялись поглощением пищи, как будто голодную толпу держали-держали на привязи и вдруг пустили к щедрому столу.

– Ешьте, пейте, что душа пожелает, не стесняйтесь, парни, – говорил Тока с широкой улыбкой на лице.

После первого тоста Генсека дружно чокнулись еще парочку раз. Боражык сидел рядом с Маадыр-оолом. Тот уже вовсю разливал водку и вместе они даже по лишней хватили.

Вскоре хмель ударил в голову Боражыка. Он сидел и с умилением глядел на всех: какие все здесь дружные, спаянные одной мыслью, помыслами, единым стремлением, одним делом. После неоднократного «принятия на грудь», все стали больше внимания уделять выпивке, чем богатому столу, предпочитая водку аппетитному мясу.

– Боражык! За твоё здоровье! За твои успехи! – протянул ему Маадыр-оол полный до краёв стакан.

Боражык молча взял, и ударив краем стакана о стакан товарища, неспешно выпил водку, словно это был вкусный свежесваренный чай. Министр Болат, чтобы унять нарастающий шум, звонко постучал ложкой по стеклу. Несмотря на изрядно выпитое и ударивший в голову алкоголь, привычные к военной дисциплине сотрудники как один повернули головы в сторону своего начальника и все свое внимание обратили на него. Некоторые про себя даже испугались – что же такое могло случиться? Боражык, чувствуя, как у него жжет в желудке, с трудом подавил в себе желание вскочить и что-то такое хорошее и умное сказать. Кое-как унял свое бьющееся сердце. «Что это со мной?», – подумал он, едва сдерживаясь.

– Товарищи! Мы от всей души приняли теплые слова нашего горячо любимого наставника, старшего брата, отца народа, товарища Тока. Наша партия и особенно лично товарищ Тока высоко ценят нашу работу. С нашей стороны разрешите отметить и наградить отличившихся при раскрытии заговора, а также уничтожении заклятых врагов народа Танчая, Чурмит-Дажы, Хемчик-оола и других! – сказал Болат и захлопал. «Правильно, так будет справедливо!» – слышались одобрительные возгласы и с разных сторон раздались аплодисменты.

– Маадыр-оол!..

– Я, товарищ министр! – по-военному быстро вскочил тот со стула, пошатнулся, и чуть было не упал. Боражык успел ухватить его за руку.

– Награждается наручными часами и денежной премией!..

Маадыр-оол откинул волосы назад и, оправляя на ходу гимнастерку, медленным шагом, стараясь не шататься, пошел к министру. Получив из рук начальника награду, он шелкнул каблукми напротив Тока и громко, чтобы было слышно всем, отрапортовал:

– Всегда служу Тувинской аратской партии и Вам, дорогому любимому башкы!

Тока вскочил с места, крепко обнял Маадыр-оола, наполнил два стакана, протянул ему один, чокнулся с ним и жестом показал, чтобы тот выпил. Словно ему поднесли бесценную драгоценность, у Маадыр-оола радостно заблестели глаза. «Ах, если бы это была вещь, которую можно за пазуху положить, в карман спрятать и сохранить», – подумал он с жалостью и одним махом опрокинул в себя стакан горячительного напитка. Загремели рукоплескания...

– Борбай-оол!

– Я...

– Данзын-оол!

– Своей Туве, партии, уважаемому башкы Тока служу!..

Награждаемые сменяли друг друга. Боражык сидел и ждал с нетерпением: «Когда же меня позовут?» В его голову то влетало, то вылетало мимолетное сомнение: «А вдруг не позовут?»

– Боражык!

– Я, – не успев даже оправить форму, он почти побежал.

Небольшое расстояние от его места до стола начальства, от силы в десять шагов, ему показалось огромным. Он даже вспотел, и ладонью утерев пот со лба, встал перед министром.

– Наручные часы, денежная премия. Десять дней отпуска вне очереди! – объявил министр Болат.

Приняв из рук министра награду, он своей огромной ладонью крепко пожал руки начальства. Когда он схватил ладонь Тока, внутренне вздрогнул, казалось, будто его горячую ладонь пронзил ледяной холод. Боражык своими мутными пьяными глазами взглянул в лицо начальнику, и ему показалось, что Тока очень похож на недавнего черного человека, который чуть было не свел его с ума. «Что такое? Тот черный образ ведь на меня был похож один к одному?», – в мгновение ока пришла в голову мысль.

– Рука у тебя крепкая, сильная, парень. Молодец! – сказал Тока и похлопал его по плечу.

– Туве, народу своему, правительству, Вам всегда готов служить! – почти прокричал Боражык...

Боражык вернулся на место. Маадыр-оол пожал ему руку и протянул ему вновь наполненный стакан.

– Давай, герой! Опрокинем! – сказал Маадыр и влил водку в себя словно в бездонный сосуд.

Боражык наконец-то расслабился. Его душа стала легкой, словно конь, выпущенный на свободу в степь. Он поднял стакан, и не пролив ни капли, выпил до дна. Теперь он уже не чувствовал ни горечи, ни вкуса того, что пьет. Боражыку захотелось петь, но как назло ему в голову не приходили слова. На языке только вертелась одна частушка про девушек. И то, только слова двух последних строчек у него перекатывались в голове: «Девушки, не рожавшие, красивы, тугие груди у них красивы...». Дальше слова, хоть убей, не вспоминались. В голове только покачивались налитые женские белые груди и все. Боражык взялся за голову и начал изо всех сил искать по закоулкам памяти пропавшие слова частушки. Ничего не вышло. Вдруг ему, только что хотевшему петь, веселиться, радоваться, стало отчаянно грустно. Это водка полностью завладела разумом Боражыка и начала им управлять. Он уже начал терять человеческий облик.

– Ыы-ыы, ыы-ыы! – заревел он.

Маадыр-оол постарался его успокоить: «Ты чего это, аал, ну-ка перестань!»

Но Боражыка теперь было не остановить. Он ревел и плакал так, что никому его нельзя было успокоить. Сам министр подходил и тряс его за плечо, Боражык на это никак не прореагировал, посмотрел на него мутными глазами и заревел пуще прежнего. Присутствующие явно забеспокоились.

Глаза каждого устремились в сторону генерального секретаря Центрального Комитета Тувинской народной республиканской партии товарища Тока. Только что светлый и радостный лик начальника помрачнел, словно туча надвинулась на недавно только ясное небо. Тока повелительно махнул Болату, чтобы тот подошел к нему. Министр с повинной головой подошел и молча встал перед ним, ни дать ни взять – мальчишка, натворивший дел.

– Болат, быстрее гоните взащей этого никудышного субъекта! Хорошее веселье испортит. Дай приказ домой его отвезти. Завтра же, как проспится, с Боражыком ко мне. Чего это он так рыдает?! Пусть расскажет, – сказал Тока с затвердевшими чертами лица.

Два сотрудника Боражыка подхватили под руки и потащили его из зала. Там, уже с улицы, еще раз послышался плач Боражыка и его рев: «Девушки, не рожавшие, красивы, тугие груди у них красивы...».

– Вставай, Боражык! Вставай, говорю! – по голосу Севил было слышно, что она в ярости. Она нещадно трясла его за плечо. Боражык произнес нечленораздельное:

– Ыы-ыы, – повернулся на другой бок и накрылся с головой одеялом.

– Вставай, я сказала! Вставай! – Севил вырвала одеяло и бросила его на пол.

– Немного посплю, имей жалость. Голова трещит, – взмолился Боражык.

– «Посплю» говоришь. Что ты вчера натворил? Парни, которые тебя вчера притащили, сказали, что тебя сегодня с министром твоим к Тока вызывают.

Боражык сначала эти слова жены всерьез не воспринял, ему ж вчера принародно дали десять дней отпуска.

– Что я мог натворить! Я же не пьянь задиристая, не драчун буйный. Ничего не было, только напился до беспамятства и все, – объяснил Боражык невинным тоном.

Боражык никогда до потери сознания, да так, чтобы отца и мать не узнавать, не напивался. Не мог понять, что это на него вчера нашло. Словно сосуд бездонный вливал в себя до краев водку, да так, что уже не лезло и по краям текло. Он в самом деле не помнил как плакал и пел непристойную частушку. А то, что его плач, начиная с Тока и его начальства, заканчивая его же сотрудниками, очень удобная причина навлечь на него страшные подозрения, оговорить, додумать и облечь в правдоподобный вид все, что угодно, мучившийся от похмелья Боражык даже не подозревал. Севил же уже расспросившая парней, доставивших ее мужа домой, от нагрывшего страха за свою судьбу и судьбу Боражыка всю ночь не сомкнула глаз. «Когда же за ним придут?» ждала она с ужасом, но вот страшная ночь мучительных раздумий и страха прошла, наступил рассвет.

– Почему это ты так плакал? – жалеючи про себя мужа, спросила Севил.

– Ничего не помню. Да было ли такое?

– Поэтому Тока приказал тебе явиться сегодня. Почему ты заплакал, Бора? Тебе было жалко тех проклятых нелюдей? – спросила Севил.

– Как у тебя язык повернулся сказать такое? Это я-то их жалею. Обязательно из жалости к врагам плакать что ли? А что нельзя по пьяни плакать, мало ли о чем вспомнится. А может сердце зашло и забуянило. Бывают же люди, которые когда напиваются, хватаются за сердце, буйствуют и режут. Значит я тоже такой, когда память отшибает. Что тут непонятного. Если уж человека так по такому пустяковому поводу подозревать, то во всей Туве не останется ни одной головы, всех казнят, друзья мои, – вскочил с кровати Боражык, от злости даже позабыв о трещавшей голове.

– Начальник тебя понял так. Кто скажет: «Бедный, напился до беспамятства и сам не знает что чинит». Если бы я была на месте Тока, да и ты сам при виде того, кто будет на весь зал реветь и плакать, так и подумает, что жалеет о казненных врагах, вот и плачет, мол. Ты, прежде чем мне перечить, подумай что скажешь своим двум большим начальникам. И не вздумай вот эти вот слова, которые мне высказал, им сказать. Думай о себе, о нас, о нашей родне – твоей и моей, – тихо почти прошептала Севил, как будто стены могли подслушать их разговор и донести куда надо.

Горячку и злость Боражыка как рукой сняло, только теперь он начал осознавать своей головой, полной не до конца выветрившегося алкогольного дурмана. Он ясно понял, какая над ним надвигается грозная опасность и страх пробрал его до костей. Тяжелая голова, гудевшая все утро, тоже начисто забылась. Боражык тяжело, как куль муки, осел на кровать. Ни он, ни Севил ничего не вымолвили больше. Боражык начал лихорадочно думать про себя, как спастись, какие пути найти от этой неожиданной напасти. Он в самом деле ни грамма не жалел о загубленных жизнях заклятых врагов народа, Боражык не из тех, кто будет оплакивать их никчемную, висевшую на волоске, жизнь. Он человек, не знающий жалости. Даже министр Болат, Намчак, Мандараа, Барчын знают о его несокрушимой железной выдержке и непримиримой ненависти к врагам партии, хорошо знают, на что он способен. Только вот начальник Тока не знает его таких качеств, вот в этом-то и главная трудность. Боражык – солдат партии, он всегда идет туда, куда бы она его не направила, и со всей добросовестностью и преданностью выполняет свой долг, никогда не ставит под сомнения ее решения, и если надо, с радостью отдаст в жертву свою жизнь во имя партии. Ему бы и дальше неустанно бороться с врагами народа, если они где-нибудь будут отлеживаться в берлоге, его задача выкурить их из норы или там же уничтожить.

– Если скажу, что ничего на самом деле не помню, кто мне поверит! Скажут, что таким образом оправдываюсь, прячусь за такой причиной, мол. Как же мне теперь перед моими руководителями ответ держать, как вымолить их прощения, Севил? Посоветуй что-нибудь. Почему, дорогая, молчишь? – почти взмолился Боражык.

– Что же тебе надо сказать? «Что поделаться, это у меня душевная слабость, нервный срыв случился. Не из жалости к врагам, а от того, что пришлось руки мारать в их черной крови, переживал, несколько дней не спал, потому-то и случилось, что водка подействовала расслабляюще, вот и показал душевную слабость», – может, так придется тебе ответ держать. – «Впрямь такого не повторится. Буду держать себя в руках, не буду пить водку, неукоснительно буду исполнять то, что прикажет моя партия». Будешь давать клятву и умолять больших начальников тебя простить. Они поймут тебя. Ведь знают твое активное участие в поимке и казни врагов народа. – советовала Севил...

Рабочий кабинет Генерального секретаря Тувинской народной революционной партии товарища Тока. Боражык с министром Болатом вместе зашел в кабинет. До того не то, что в кабинет большого начальника заходить не приходилось, ему никогда раньше не доводилось даже приблизиться к дверям здания. А сейчас из-за водки, которая заставила его ревмя реветь, до дрожи в коленях будет здесь допрошен с пристрастием и наказан, и не-понятно, что его ожидает еще. Боражык хорошо знает, что такое проводить допрос человека. Это его единственная работа, в которой он хорошо поднаторел. А руку подозреваемому вывернуть, чтобы выбить нужные признания, это для него проще простого. Да есть и другие приемы. Он про себя очень боялся и робел, как виноватый человек, но в душе крепко верил в то, что два больших начальника руки ему выворачивать и пытаться, уж точно не будут. Особенно он верил Тока. Он даже, скорее всего, как следует и оплеуху не даст, но может гораздо хуже, до мороза в костях пробрать страшными словами и хлесткими фразами ударить больнее. Попытки можно выдержать, перетерпеть, раны от них со временем затянутся и зарубцуются, а слово останется саднить в душе всю жизнь и будет рвать сердце, сколько времени не пройди.

Тока писал за столом. Подняв голову, жестом приказал садиться. Болат сел. Боражык остался робко стоять.

– «В ногах правды нет», говорит русский человек. А тувинцы говорят «деревянные штаны надел что ли». Садись, – сказал начальник сурово.

– Ничего, мой начальник. Я постою, – ответил Боражык.

ТОКА. Если не хочешь садиться, так и быть, стой. Ну-ка, давай выкладывай, с чего это ты вчера плакал навзрыд? Причина в чем? Или заклятых врагов, Танчая, Чурмит-Дажы, Хемчик-оола пожалел?

БОРАЖЫК. Большая вина на мне, дарга, совершил я большую ошибку. Слишком много выпил. У меня нет ни капли жалости к банде Чурмит-Дажы. Они – мои самые ни на что есть заклятые враги.

БОЛАТ. Но то, что ты перед партийным начальством ревел, испортил большое правительственное торжество, ведь правда. Твою выходку следует считать противостоянием решению партии. Если они твои заклятые враги,

почему же ты ревел?

БОРАЖЫК. В беспамятстве был, дарга. С детства не переношу вида крови. С мышинного носа ни капли крови не пролил. Помните, сидел, все было хорошо, и вдруг весь стол покрылся кровью и кровь на меня пролилась. Тогда я и забылся и, видимо, начал плакать. Это я расслабился, свою слабость показал. Очень виноват, начальники мои. Больше с моей стороны таких проступков постыдных не будет. Даю клятву. Буду верой и правдой служить своей партии, народу, милосердному правительству. Больше не буду напиваться до такого состояния. Эта горькая жидкость, которую даже собака не лакает, больше в мое горло не полезет. Слово даю, дорогие мои начальники, ни капли больше в рот не возьму.

ТОКА. Это, товарищ Боражык, только начало борьбы. Только начало. Мы объявили войну своим врагам. Сегодня только уничтожили их верхушку. Они несколько лет по всей Туве создавали секретную сеть заговора. Те, кто остался жив, сейчас все схоронились, поджали хвосты, и притаились. Контрреволюционные враги еще не уничтожены полностью, не сломлены, они и дальше будут вредить нашей партии, власти, народному государству, будут выступать против, будут и дальше распространять свою отраву. Танчай, Чурмит-Дажы уничтожены, но остались их близкие люди, соратники, семьи, родственники. Они все живы, здоровы, сейчас предстоит борьба с ними. Враг еще не сдался полностью, и мы должны его уничтожить.

А вы, товарищ Боражык, в самом начале борьбы уже начали расслабляться, плакать, тосковать. Мы считали вас надежным бойцом, нашим преданным другом, доверяли полностью. Но, как говорится, «Тороку седла огонь пожрал, а то, на что надеялся, собака съела!» Так вот получается, товарищ Боражык?!

БОРАЖЫК (дрожащим голосом). Не говорите так, мой любимый, уважаемый дарга. Я признаюсь в своей слабости. Осознаю свою вину полностью. Да, принимал участие в их казни, и в решении суда, вот моя правая рука, когда взял ружье, она не дрогнула. Это только водка попутала. Честно признаюсь, несмотря на то, что мы расстреливали врагов, все-таки тяжело лишать жизни живого человека. Поэтому видя все это, в беспамятстве заплакал, видимо. Больше не будет за мной такого греха, любимый, уважаемый мой дарга. Ваши истинные слова зарублю себе на носу. Данное слово, что зарубка на дереве, мои начальники.

ТОКА. Товарищ Болат! Это ваш работник. Можно верить его обещаниям? Стоит ли ему теперь доверять?

БОЛАТ. Это один из наших лучших сотрудников. Можно верить, товарищ Тока.

ТОКА. Только вы знаете, товарищ Боражык, где закопали расстрелянных врагов народа. Это государственная тайна. Если кому-нибудь станет

известно это место, сторонники врагов могут их откопать. Вы осознаете всю большую ответственность и тяжесть вверенной вам тайны, товарищ Боражык?

БОРАЖЫК. Понимаю со всей ответственностью, дорогой мой начальник. Осознаю, что никому об этой тайне говорить нельзя даже под страхом смерти. У этой падали не должно быть могил, они не должны быть похоронены на кладбище.

ТОКА. Ладно, хорошо. Если товарищ Боражык осознает полностью свою вину и просит прощения, то, учитывая его заслуги перед партией, может, ограничимся строгим предупреждением, товарищ Болат? Как вы думаете?

БОЛАТ. Я тоже присоединяюсь к вашему решению.

ТОКА. Тогда, товарищ Боражык (взяв со своего стола бумагу, карандаш, прошел в конец длинного стола заседаний и положил там), напишите здесь объяснительную.

Два начальника разговаривали. Боражык даже и не прислушивался к их разговору, не до того было. Он радовался, вытирал со лба пот, выступивший от страха, хлюпал носом, который так внезапно заложило и от души радовался, что неминуемая беда, неотвратимо надвигавшаяся на него, уже сошла на нет. Написанием объяснительной он не затруднился. Вскоре она была у него уже готова. Тока громко прочитал его каракули:

*Генеральному секретарю
Тувинской аратской революционной партии
товарищу Тока
от сотрудника Министерства внутренних дел ТНР
Боражыка*

Объяснительная.

Правда, что я 29 октября этого года на торжественном правительственном мероприятии напился без меры, до потери сознания и плакал. Я самолично участвовал в казни ненавистных врагов тувинского народа контрреволюционной падали Танчая, Хемчик-оола, Чурмит-Дажсы. Отнимать жизнь даже у самого ненавистного врага – очень большое трудное испытание, и потому под впечатлением расстрела был в таком состоянии, что не контролировал себя и ревел.

Обещаю, что впредь такой слабости не допущу. Клянусь, уважаемый, любимый начальник, бороться, не жалея себя, с остатками врага, посвятить себя непримиримой борьбе ради святого дела и счастливого будущего тувинского народа.

Объяснительная написана мною, Боражыком, и верна.

30 октября 1938 года.

– Ну что, товарищ Болат! Примем его объяснение? – спросил Тока. Болат только кивнул головой.

– Так вот, товарищ Боражык, – произнес Тока, накладывая резолюцию на объяснительную, – преданного человека партия никогда не забудет. Ну что ж, до свидания, товарищ Боражык! Мы вам верим. Работайте старательно.

– Дорогой, любимый дарга! Никогда не забуду вашей милости! Ради партии, правительства и Вас я отдам без сожаления свою жизнь. Спасибо! Благодарю вас, мои начальники! До свидания! – обрадовано заговорил Боражык.

– Отдохни хорошенько во время отпуска. Работы невпроворот, сам знаешь. До свидания! – закончил Болат.

Боражык прибежал домой, ног под собой не чуя, прилетел словно на крыльях. Он стоял на самом краю бездны, на самом острие лезвия. Еще одно движение и он бы рухнул вниз, но пришло спасение. Боражыка никто не подсиживал, не стучал на него втихаря. Он сам по своей глупости, по пьяному делу шею в петлю добровольно засунул. Сегодня он поверил, что человек сам себе может стать самым страшным врагом. Да что верить, собственными глазами видел. С этого момента он решил твердо больше в рот не брать эту коварную горькую водку.

Распахнув дверь, он сразу позвал жену:

– Севил! Се-ви-ил!

Севил сразу услышала бодрый голос мужа и поняла без лишних слов – беда миновала. Когда Севил крепко обняла за шею Боражыка и повисла на нем, он словно ребенка поднял ее на руки и закружил.

– Поклонимся ему до земли, Севил! – сказал Боражык радостно.

– Кому это мы должны поклониться, Бора? Бургану? – спросила Севил радостно.

Боражык не опуская жены с рук, поцеловал ее в щеку и иноходью поскакал в спальню. Осторожно, словно большую драгоценность, опустив жену на кровать, он скинул сапоги и лег рядом.

– Нашему Большому Дарга, горячо любимому Учителю, Севил! Достаточно одного его слова. Если бы он только захотел, мог бы меня бросить в пасть Болата. Если бы он сказал: «Нате, разорвите эту смердящую падаль», мы бы больше уже не лежали бы как сейчас рядом друг с другом. Ты же знаешь наших людей, как они проводят допросы, выбивают признания. Они любого быстро заставят говорить то, что надо. Да ладно, это к нам не имеет отношения, это только наши внутренние дела. Дарга в мою глупую башку, можно сказать, вбил всю важность нашей работы: «Сейчас как никогда обострилась борьба враждующих элементов, это только начало битвы, этого забывать нельзя» – сказал он мне.

– Прости, хайыракан! Пусть плохое нас обходит! Из-за чего ты плакал, скажи мне честно? Даже пьяному разве можно так расслабляться? Еще

немного, и на свою беду вылил бы воду себе на голову. Больше ничего не делай, не подумав. Всегда думай, прежде чем что-то сделать, – наказывала Севил мужу.

– Вне себя я был тогда. Жалостливая у меня душа оказывается. Сегодня только понял, что такой человек на нашей работе не задержится. Да ладно, не будем ворошить прошедшее. Давай забудем. Пусть этот разговор останется между нами. Запомни, Севил, если обронишь хоть малюсенькое слово, из-за него хребет запросто могут переломить, – сказал, посерьезнев, Боражык. В его голосе даже послышалось раздражение.

– Да что ты говоришь, милый! Что же ты за человек такой, даже жене своей не доверяешь. Мы с тобой на одной привязи, кому, что я могу сказать. Даже на работе своей никому ничего не говорю. Ты сам будь осторожен. Я-то что, баба пустоголовая, которая только и умеет, что посудой звенеть и очаг разжигать, – рассердилась Севил.

Боражыку стало стыдно из-за того, что обидел жену. Севил отвернулась от него. Боражык робко обнял ее и поцеловал в затылок.

– Севил, прости меня. Неужели от такой малости так рассердилась, любимая. Нельзя же так. Полностью признаю твои слова. Ты права как всегда. Все зависит от меня самого. Я тебе говорил, что мой министр дал мне десять дней отпуска? – сделал он хитрый ход.

– Правда?! – села на кровати Севил. Она прижала голову мужа к груди. – Отдохни, ты устал. Я тебе каждый день буду готовить вкусную еду. Посмотри на себя, как исхудал, щеки ввалились, – погладила она лицо мужа. – За десять дней я откормлю тебя как следует. Ты только будешь лежать на кровати и рот открывать. Я тебя с ложечки кормить буду. Ничего не будешь делать.

– Севил, как ты думаешь, может съездить мне на день к маме?

– По маме соскучился да, ласковый мой. А почему бы тебе здесь не побыть? В последнее время только по ночам и встречаемся. Ты как квартирант стал в своем доме. Без тебя одной ночевать в пустом доме очень страшно.

– Работа у меня такая, сама знаешь. Поздно ночью или под утро прихожу. А теперь ее станет еще больше, так и знай. Но пускай будет по-твоему. Во всем Кызыле у меня нет человека ближе и надежнее тебя. Я тебе верю больше, чем самому себе. Я тебя никогда не брошу, ни на кого не променяю, любимая... Только ты меня не бросай...

Боражык и Севил вместе прожили больше пятидесяти лет. До преклонных лет Севил берегла его покой и была всегда рядом. «Есть ли кто-нибудь преданнее Севил на всем белом свете, наверное, нет», время от времени думал Боражык. И в жизни и по работе он видел немало женщин, которые обманывали мужей, особенно, когда выпьют, не могут усидеть на месте, становятся развязными и не прочь с мужиками заигрывать. Севил его

ни на кого не променяла, в трудные времена не бросала, всегда была рядом. Дети выросли сытые, одетые, обутые только благодаря Севил. А Боражык всю жизнь провел только на работе, то боролся с «врагами» народа, то ловил воров и скотокрадов, всю Туву объездил. Иногда по нескольку дней дома не появлялся. Севил до сегодняшнего дня ему только одного простить не может. Эту обиду она хранит в самой глубине своего сердца. Боражык когда-то в конце сороковых годов нанес ей незаживающую рану. Она до сих пор нет-нет да и напомним о себе саднящей болью. А сейчас из-за того, что Конгар-оол вошел в их дом, старые раны на сердце Севил вновь раскрылись.

Конгар-оол вихрем ворвался в их размеренную налаженную жизнь, в которой, к слову сказать, и не так уж много осталось. И терзал Боражыка также, как некогда Черный Демон – Кара Албыс, неожиданно появившийся в одно жуткое утро в жизни Боражыка и смотревший в его глаза с подоконника. Дьявол был точной копией Боражыка, а Конгар-оол тоже его копия...

...Мужа Минчеймы Ужар-оола арестовали из-за буржуазно-националистических настроений. Они тогда жили в районном центре Барун-Хемчикского кожууна, в селе Кызыл-Мажалык. Ужар-оол работал переводчиком в школе, а Минчеймаа учила детей в начальной школе. Подвыпив, Ужар-оол хвалил поэта Сергея Бюрбю: «Его посадили ни за что, причина в черной зависти писателей и клевете», – часто говаривал он. Запрещенные стихи Бюрбю он знал наизусть, в интернате читал детям, утверждая: «Самый чистый и красивый на свете язык – это тувинский язык». Все это стало вскоре известно соответствующим органам. Боражык не стал участвовать в расследовании этого дела, отказался от предложения вести его, сказав: «У меня есть другие незаконченные дела», что было чистой правдой. Да и начальство ждало, когда он закончит свое расследование. Поэтому, понимая, что в деле Ужар-оола нет никаких трудностей и все видно, как на ладони, поручил его молодому следователю...

Минчеймаа была моложе Боражыка на семь-восемь лет, кроме того, что они из одной деревни, их ничто не связывало, но вскоре они стали близки друг с другом. Очень близки.

В то лето Севил уехала отдыхать на Черное море. В школах только что закончился учебный год. Севил отвезла детей к своим родителям на чабанскую стоянку – Боражыку некогда за ними присматривать, все время в отъездах, в командировках мотается – и уехала.

Боражык остался дома один. Какое-то время он не мог привыкнуть к пустому дому. По вечерам гулял в парке, иногда играл в волейбол, старался как-то себя развлечь.

Как-то вечером выходя из парка, он повстречался на мосту с Минчеймой. Его сразу потянуло к красивой молодой женщине, не хотелось ее отпускать. «Как ее уговорить пойти со мной домой? Что же сказать такого, чтобы она

сама за мной пошла?» Вдруг в его голове промелькнула хитрая мысль, и он сразу же выпалил:

– Ваш отец через меня отправил вам двести рублей, дунмам.

– Ой, как хорошо! Как раз у меня заканчивались деньги.

– Только их у меня с собой нет. Минчей. Дома оставил, если есть время, может, пойдешь со мной, я тебе их передам? – спросил Боражык.

Минчеймаа согласилась. Дома Боражык начал тянуть время, делая вид, что ищет деньги, рылся в шкафах и ящиках.

– Что-то я запамятовал, куда их положил, Минчей. Подожди, сейчас приготовлю что-нибудь, а там и вспомню, куда деньги положил. Не торопись?! – спросил Боражык с притворной заботой.

Пока еда готовилась, стемнело. Минчеймаа засобиралась.

– Куда ты пойдешь, на ночь глядя. Переночуй здесь. Опасно же расхаживать одной, – не отпустил Боражык молодую женщину. – О, вспомнил, под матрасом спрятал.

Боражык вытащил из-под кровати паспорт, вытащил деньги и отсчитал триста рублей и вложил купюры в ладонь женщины. Минчеймаа, пересчитав деньги, удивленно спросила:

– А почему здесь триста рублей, акым?

– Правда, триста рублей и должно быть. Ты же учишься. Пусть будет тебе моим подарком. Сто рублей от меня лично. Минчей, давай с братом садись за стол, поедим, поговорим, чай попьем, – сказал Боражык, и накрыл стол, вытащил из кухонного шкафа шампанское и красное вино. – Сегодня у меня день рождения. Будь моей гостьей, Минчей.

Боражык уговорами и лестью заставил женщину выпить. Она поддавалась уговорам хитроумного опера и сама же доверчиво попала в искусно расставленные силки. Боражыку только этого и надо было. Когда Минчеймаа стала позевывать, стало ясно, что женщину клонит ко сну. Боражык постелил ей постель в общей комнате. Минчеймаа раздевалась, и он в этот момент, будто нечаянно, зашел в комнату. Минчеймаа закрыла руками грудь. Боражык обнял ее, девушка какое-то время сопротивлялась, а потом перестала...

Боражык стал забирать Минчейму из общежития ее училища. Минчеймаа сначала упрячилась, противилась, отказывалась, а потом постепенно стала привыкать к своей так странно повернувшейся судьбе, поддавалась Боражыку и сама шла вместе с ним. В душе он ей не нравился, но странное дело, как только он появлялся, она невольно подчинялась ему и покорно уходила с ним. Минчеймаа даже забыла о грубом насилии в первую ночь, ей иногда было удобно думать, что Боражык взял ее не силой, а завоевал своей любовью. Теперь ее уже не надо было уговорами забирать из общежития, она частенько как собака, ждущая хозяина, сидела на пороге его закрытого на замок дома.

Но ведь Минчеймаа не крохотная пуговица, которую можно спрятать, не иголка, которую можно приколоть за воротником костюма. Когда в дом, где временно отсутствует хозяйка, как к себе домой приходит молодая женщина в самом соку, естественно, только слепой не увидит, все соседи замечали это. Тайная, но со временем уже открытая для других любовная связь продолжалась до самого приезда Севил.

Только в те страстные и знойные дурманящие ночи Боражык зримо ощутил истинное значение и соблазн частушки «Девушки, не рожавшие, красивы, тугие груди у них красивы...», которую так силился спеть когда-то в самый разгар правительственного банкета. Хотя он ясно осознавал, что людская молва все равно доведет до ушей Севил его предательство, что придет время и выметет метлой его тайный грех за ворота на обозрение всем, и по-настоящему этого боялся, но не мог отказаться от привалившего к нему нечаянного счастья. Тонкая талия Минчсймы, черная родинка на ее щеке, горячие поцелуи, крепкие объятия забрали без остатка его разум. Боражык окончательно забыл о своей семье, о стыде и о том, что вокруг него есть люди.

К приезду Севил, Боражык начал высвобождаться от закружившего сумасшествия «любви», начал выходить и трезветь из хмельного состояния между небом и землей, снова начал постепенно входить в свою прежнюю размеренную и спокойную жизнь. И Минчеймаа понимая, что она только временное увлечение, и не желая разрушать семейное гнездо Боражыка, однажды на рассвете без лишней обиды ушла и исчезла из его жизни.

Севил вернулась, и через три дня все тайное стало явным. Когда Боражык пришел обедать, он увидел, что против обыкновения дома едой и не пахнет. Заглянув во все кастрюли и сковороды, увидел только отмытые и насухо протертые доньшки. И Севил самой дома не было. Боражык направился к столовой... В тот вечер он задержался на работе, и придя домой поздно, снова обнаружил, что ужин здесь и не думали готовить, Севил спала на кровати. Боражык разделся, откинул одеяло, и только хотел было лечь рядом с женой, как Севил изо всех сил пнула его в самое уязвимое место ниже живота. То ли оттого, что Боражык не ожидал такого нападения, то ли она так сильно его ударила, он упал на пол и перекатился. От боли сунув руки между ног, он корчился и катался по полу.

– Ты что это? – злобно заорал Боражык и только начал приподниматься, как Севил словно хищная рысь, нападающая на жертву, прыгнула на Боражыка и на этот раз пнула его в живот.

– Перестань! – простонал Боражык и встал на ноги.

– Кобель! – закричала Севил во весь голос.

– Что это ты такое говоришь? – промычал Боражык, будто ничего не понимая.

– Похотливое животное, – голос Севил задрожал.

– Закрой рот. – уже увереннее потребовал Боражык.

– Ишь чего! С какой такой шлюшкой тут миловался? – Севил чуть не выцарапала ему глаза.

– Ты что такое говоришь? Что за шлюха? Что ты несешь, Севил? Перестань! Чего орешь? Соседи услышат, хватит. Хватит, сказал! – потряс он Севил за плечо.

– Ха! Тихо говоришь! Говоришь, соседи услышат? А то, что они двух собак, прилипших друг к другу, здесь видели, это ничего? Что за суку ты сюда приводил, женой себе сделал?

– Один я был. Тебя с нетерпением ждал. Кто это на меня такую напраслину возводит? Кто этот человек? Пусть перед законом ответит! – Боражык даже начал икать.

Севил вдруг схватила Боражыка за волосы.

– Ты тут еще и закон вспомнил? Ждал, говоришь, с нетерпением? Бессовестный кобель! Как только я уехала, начал бегать по улицам, выискивать шлюх! Пока я по-настоящему этому похотливому самцу не покажу, что такое настоящий закон, не перестану! Перестань тут мне сотрудника органов строить! Это тебе не тюрьма твоя! Правду говори, так ведь было?

– Нет! Нет! Это клевета. Найду этого клеветника и все равно в тюрьму упрячу. Он у меня мерзлую землю ногтями царапать будет, песок жрать будет. Заставлю! – с этими словами, он, изловчившись, вырвался из рук жены.

– Посмотрим, как ты это сделаешь! Не пришлось бы самому землю горстями глотать!

– Я этого просто так не оставлю. Если не назовешь сейчас же клеветника, пойдешь со мной сейчас в НКВД. Там не посмотрят, что ты моя жена, ты там быстро заговоришь.

– Очень хорошо! Давай, пошли! Меня не пугаешь. Я сама посмотрю, как ты сам запрыгаешь. Пошли, что стоишь. Не заставляй ждать.

– Тихо, Севил, успокойся, – Боражык вдруг сменил тон. – Ладно, погорячился я. Мы же семейные люди, давай не будем ссориться. Это так некрасиво. Мы же с тобой служащие люди. Давай перестанем, дорогая.

– «Дорогая», ты тут вспомнил еще, что ты служащий? Прежде чем встретиться с сучкой своей, надо было думать об этом. А сейчас вон отсюда! Иди к своей шлюхе!..

Севил бросила пустой чемодан на пол, начала вытаскивать из шкафа одежду Боражыка и кидать их в него.

– Собери свою одежду и уходи! Своих детей сама на ноги поставлю. Твои грешные, кровью замаранные деньги нам не нужны. Лучше на них свою сучку содержи.

Боражык из-за упрямоты не стал собирать свою одежду. Не оглянувшись,

ушел, хлопнув дверью. Вечером вернулся пьяный, Севил его не пустила, и он ночевал на пороге собственного дома. Боражык не смог зайти домой три дня подряд. А когда он на неделю уехал в командировку в Улуг-Хем, гнев Севил улегся. Но отношение жены осталось таким же непримиримым, и стало даже казаться, что на примирение нет никакой надежды.

Боражык опять оказался на краю бездны – если не помирится с женой, семья расколется, он сам с работы покатится, из партии с треском выгонят, а потом упадет на самое дно жизни. Такая судьба для него сродни смерти. Он лучше всех знает, как можно при жизни умереть. Один раз он решил со всем этим покончить, поднес дуло пистолета к виску, и у него задрожала рука. Не может он сам себя убить. И без того больное сердце начало колоть и ныть. Несколько дней он промучился сердечной болью, и как-то возвращаясь с работы, упал на улице, потеряв сознание. Хорошо, что люди попались. Боражыка с улицы увезли в больницу. Так его болезнь сердца спасла его семью. Севил тем же вечером прибежала в больницу. Боражык уж пришел в себя, но ее к нему не пустили, сказали, состояние тяжелое, больной еще слишком слаб и его нельзя волновать. Лишь через несколько дней Севил стали пускать к мужу.

О, Боражык не тот человек, который упустит удобный момент, он всегда создававшиеся обстоятельства обращал в свою пользу. Прекрасно зная, что Севил теперь не будет сердиться и ссориться с ним, под видом глубокого раскаяния и чувства вины, выложил ей всю правду.

– Теперь все в твоих руках, сама знай, прощать или нет, казнить или миловать. Мне все равно недолго осталось, не выкарабкаюсь мне из этой болезни, Севил! – проговорил в конце Боражык.

– Самое главное, чтобы ты выздоровел. Пускай произошедшее останется в прошлом, – печально сказала Севил и пожала руку мужа...

... Минчеймаа в следующем году родила мальчика. Потом через два года она вышла замуж за Ужар-оола...

В полдень Боражык и Севил сели пить чай. Зазвонил телефон. Боражык взял трубку.

– Алло! Слушаю вас.

– Здравствуйте! Это Иннокентий Чоодуевич? У меня к вам важное дело, – послышался мужской голос.

– А по какому делу спрашиваю? И с кем я разговариваю? – уточнил Боражык.

– Это не телефонный разговор, да и долгий. Разрешите к вам домой прийти. Можно? – продолжил голос.

– А вы знаете, где я живу?

– Да. Знаю... – тут мужской голос прервался, Боражык подержав некоторое время трубку у уха, положил на место.

– Кто это, аказы (отец детей)? – спросила Севил.

– Не знаю. Сказали по важному делу. Это скорее всего, человек Достак-оола. Из общества «Мемориал». Кому еще в такое время меня беспокоить? – сказал Боражык без тревоги в голосе.

– Мне быть дома или уйти на улицу, Бора? – спросила Севил.

– Нет, сиди, конечно. Что тебе на улицу выходить, секрет какой что ли? – попросил Боражык.

Супруги продолжили пить чай. Сидели молча. Они теперь уже перестали волноваться по поводу репрессий. Хотя на газетных страницах, по радио и на собраниях все шумят и галдят об этом, Боражык к этому уже привык. Даже сердце не дрогнет.

Раздался звонок в дверь. Севил, махнула мужу, мол, сиди и пошла сама открывать дверь. За дверью стоял смуглолицый мужчина среднего роста. лет сорока. В знак приветствия он кивнул ей головой. Севил от удивления застыла на месте, словно пень в воде. Сквозь черты незнакомого мужчины, его еле заметную улыбку проглянуло чье-то очень знакомое лицо. Молодой человек в сером костюме был явно похож на Боражыка, то же телосложение ее мужа в молодости, та же на правой щеке ямочка.

– Можно войти? – спросил гость.

Севил открыла дверь и пропустила мужчину в квартиру. Гость разулся, и поклонился Боражыку, увидев его в открытую дверь кухни.

– Можно ли пройти? – спросил он, обернувшись к Севил.

Севил прошла на кухню, поставив для гостя стул в углу стола, сама встала за спиной мужа, и начала пристально разглядывать мужчину перед собой. Она хорошо знает, что среди молодой родни мужа и его племянников нет ни одного такого, хотя бы издали похожего на нечаянного гостя. Внезапно на нее нахлынуло волнение. А гость сидел неподвижно и пристально рассматривал Боражыка.

Воцарилась мертвая тишина. Боражык был очень удивлен. Он клял себя, что допустил до своей квартиры незнакомца, чувствуя сердцем, что предстоит нелегкий разговор. Ему тотчас в душу впрыгнул тот самый Албыс. Боражык не поверил такому наваждению, закрыв глаза, открыл их через какое-то время – мужчина сидел по-прежнему перед ним. Это не плод воспаленного разума, а живой человек.

ГОСТЬ. Ча-а! Насмотрелись друг на друга сколько влезет. Я знаю, как вас зовут. Хозяйку квартиры зовут Севил Кыргызовна, а вас Иннокентий Чоодуевич. До 1953 года вы назывались Лаврентием. Общая ваша фамилия Боражык. Поэтому не будем тратить время на знакомства. Только осталось вас познакомить с собой. Зовут меня Конгар-оол Тюлюшевич. Фамилия Ужар-оол. Но на самом деле... Вот об этом я расскажу постепенно.

Боражык словно воды в рот набрал, он даже не придумал, что сказать в ответ. Сидел, еле дыша, словно получил короткий и сильный удар под дых. А человек, который назвался Конгар-оолом, вел себя нагло, по его

выражению лица и вольному поведению видно, что пришел не с просьбой, а с требованием. По сравнению с Боражыком, Севил не растерялась. Она быстро взяла себя в руки и стояла полностью готовая отразить все нападки незваного гостя, и заткнуть ему рот нужными словами, если уж на то пойдут.

СЕВИЛ. Что за дело тебя к нам привело? Откуда ты, где твой дом?

КОНГАР-ООЛ. Пока мы не очень близко знакомы. Поэтому вам лучше обращаться ко мне на «вы». Вы уже люди в возрасте и к тому же интеллигенты, знаете, что такое этикет. Попробую ответить на ваш вопрос. Живу я в городе Шагонаре, в общежитии, если поконкретнее. А по какому делу пришел, услышите чуть позже. Если по-русски сказать, то это с моей стороны визит вежливости, а если попробовать объяснить по-тувински, то это, наверное, знакомство. Если коротко сказать о моем деле, будет так, Севил Кыргызовна.

БОРАЖЫК. Перестаньте говорить загадками, блистать красноречием, говорите по существу, дунмам!

КОНГАР-ООЛ. «Дунмам» это теплое, ласковое слово. А есть еще одно слово «оглум» – «сынок», которое еще нежнее и милее. Сы-нок!.. Иннокентий Чоодуевич!

СЕВИЛ. Что-о-о! Сы-нок?!

КОНГАР-ООЛ. Да-да. Вы правильно поняли. Иннокентий Чоодуевич, Севил Кыргызовна. А сейчас посмотрите на меня внимательно, не улавливаете сходства?

БОРАЖЫК. Вон! У нас нет такого сына. Ты албыс – нечисть! – он даже вскочил со стула.

КОНГАР-ООЛ. Успокойтесь, Чоодуевич! Дверь для выхода никуда не денется. Пускай я буду нечистой, пусть это останется на вашей совести. А сейчас слушайте внимательно. Вы помните молодую женщину по имени Минчеймаа Чооду? Это правда, я не ваш с Севил Кыргызовной сын, а сын, который родился от вашей связи с Минчемой Чооду. Су-рас – безотцовщина! Вы слышали такое слово?

Боражык медленно сел на стул. Севил смотрела то на мужа, то на Конгар-оола и не знала, что сказать. Неожиданные слова Конгар-оола тяжелым бревном ударили обоих под дых, да так, что дыхание перехватило. Муж с женой не знали даже что делать и говорить, не то, что гневаться. Тишину вновь нарушил Конгар-оол.

КОНГАР-ООЛ. Я за всю свою жизнь ни разу не сказал слова «ачай» – «отец». Счастье произносить это слово отняли у меня вы, Иннокентий Чоодуевич. Вы, Боражык, всю нашу жизнь разрушили, и тяжесть своего греха наслали на нашу семью. Я мог бы иметь отца, но опять вмешались вы. Мне был только год с небольшим, когда для меня отцом стал некто по имени Ужар-оол Тюлюш Сономович. Я ласкался к нему, называл его папой и тут, словно позавидовав счастьем моей матери, вы моего отца по ложному

обвинению посадили как буржуазного националиста.

БОРАЖЫК. Нет! Я не сажал его!

КОНГАР-ООЛ. Прошу меня не прерывать! Может, в этом и не было вашей вины. Но вы тогда были на стороне тех убийц, Лаврентий Чоодуевич! Да, Лаврентий, только не Павлович Берия! У вас тогда было имя Лаврентий. Тюлюш Ужар-оол сложил свои кости на севере. А вы до сих пор живете в неге и холе, не зная, что такое страдание...

СЕВИЛ. Уходите вон, если не уйдете, вызову милицию. Что ты за бродяга, который пришел издеваться над стариками!

КОНГАР-ООЛ. Да, я бродяга. Меня вырастили чужие люди, родственники Ужар-оола. Слушайте! Вы, Лаврентий Чоодуевич, поймали мою маму, когда она выходила из парка и угрозами привели в свой дом и изнасиловали. До приезда вашей супруги вы запирали ее на замок, никуда не выпускали и вдоволь тешились. Если быть справедливым, то вот она – вся ваша жизнь, вы ловили неугодных людей и сажали, красивых девушек не пропускали мимо и утоляли свою похоть. А сейчас вы видите плод ваших грехов и бесчинства. Они породили меня, человека, который стоит перед вами и обвиняет вас во всем содеянном. Лаврентий Чоодуевич, не опускайте глаз, имейте смелость смотреть мне в глаза. А вы, Севил Кыргысовна, не тряситесь так, не бойтесь. Я скоро уйду. Вы просто героиня, потому что всю свою жизнь прожили с этим страшным человеком.

Лаврентий Чоодуевич, вы знаете, какая статья полагается за изнасилование? В этом году в Туве произошло сто семьдесят изнасилований. Вы начали это грязное и подлое преступление и стояли у его истоков. Вы, последователи Берии, насильники. Лаврентий Чоодуевич, алименты на ребенка полагается выплачивать до достижения им восемнадцати лет. Допустим, в среднем это будет пятьдесят рублей в месяц. За восемнадцать лет вы мне задолжали почти одиннадцать тысяч рублей. Но я не буду с вас их требовать, мне не нужны ваши деньги, заработанные на слезах и крови невинных людей. Зачем мне такие деньги.

Вы даже не спрашиваете: «Как твоя мама?» Надеюсь, что просто не осмеливаетесь спросить. Сам расскажу. Про мою маму говорили знающие ее люди, что она была очень красивая. Когда после ареста Ужар-оола милиционеры пришли делать обыск в доме, они, увидев привлекательную одинокую молодую женщину, хотели ее изнасиловать. Поняв, что не сможет защитить свою честь от группы озверевших самцов, мама ножом полоснула себя по шее и перерезала жизненно важную артерию. Так я остался на свете один. Но не умер от сиротства, а вырос, чтобы когда-нибудь к вам прийти и высказать эти слова. Вот такой вы закосневший в грехе человек, везде сеющий смерть и страдание. Ваши руки по локоть в крови, не знаю как вы этими руками убийцы и садиста гладили по головам своих детей, лаская их. Я не пришел мстить вам, я пришел только потому, что в моих жилах течет

ваша кровь, я ваш сын, которого вы воспроизвели на этот жестокий свет.

Вы тот, который загонял сыновей своего народа в глубокую яму и до смерти забивал дубинкой несчастных, когда они карабкались вверх, чтобы спастись. Все равно народ выбрался из черной ямы страха. Вот то, что я хотел вам сказать, Иннокентий Чоодуевич.

Во мне течет ваша кровь. Я тоже замаран в ваших грехах и преступлениях. Несмотря на то, что вы меня никогда не сажали на колени, не гладили меня по голове, не нюхали мне с лаской темечко, я все равно ваш сын, который рожден вами.

Поэтому у меня к вам одна просьба – вы знаете, куда закопали казненных без вины людей, вы должны знать это страшное место, укажите его народу! Прошу вас, под старость лет, когда смерть дышит вам в затылок, сделать хотя бы одно доброе, благое дело! До свидания, Иннокентий Чоодуевич! До свидания, Севил Кыргысовна!..

Конгар-оол с треском вломился в их убывающую с каждым днем жизнь, словно Кара Албыс – Черный Демон, отделившийся от Боражыка и мучивший его в том далеком тридцать восьмом году. Он нарушил размеренный ритм их старческого покоя, словно внезапный и яростный вихревой ветер, и исчез...

Севил не знала что делать, сердиться на мужа или нет, только тяжело передвигая ногами, прошаркала в спальню. Боражык потерял дар речи, только его глаза уставились в одну точку, словно неподвижная зеленая муха на стене завладела всем его вниманием.

Боражык это место запомнил так крепко, что невозможно забыть. Оно навечно впечаталось в его душу, словно клеймо на гладком боку коня. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые только одним обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место...

«Прошу вас под старость лет, когда смерть дышит вам в затылок, сделайте хотя бы одно доброе, благое дело!» – несколько дней звучали в его ушах слова Конгар-оола. Через какое-то время у него возникло сначала слабое, а потом стойкое желание встретиться со своим нечаянным сыном, чтобы поговорить как следует, посидеть, объясниться, но его незаконорожденный сын больше не звонил, ни разу не постучался в дверь их квартиры. Они теперь никогда не встретятся, о чем Конгар-оолу теперь говорить с ним, да и что Боражык ему скажет? Просить прощения и оправдываться, валить все на время, которое было таким? После яростных слов Конгар-оола Севил слегла, подскочившее давление чуть не довело ее до удара...

А Конгар-оол недавно о себе заявил со страниц газеты. В газете «Тыванын аныяктары» было напечатано его стихотворение «Сектер ышкаш бисти хооп каан» – «Нас зарыли, как падаль». Под стихотворением стояла подпись «Конгар-оол Ужар-оол, строитель». За живое зацепили строки «На

наших могилах нет памятников, как падаль, нас зарыли!»

«Ты нас, как падаль, зарыл, Боражык! Ты нас, как падаль, зарыл, Боражык! Боражык...Бора-жык, Бора-жык!» – слышались, давно забытые знакомые голоса... Боражык явственно увидел, как на краю ямы стоял, крепко расставив ноги, могучий гордый человек...

Боражык это место запомнил так крепко, что невозможно забыть. Оно навечно впечаталось в его душу, словно клеймо на гладком боку коня. Даже если ему завяжут глаза, ноги, ведомые только одним обостренным сознанием, словно собака, идущая по следу, приведут его на то место...

Боражык начал набирать номер телефона Комитета госбезопасности.

– Говорит Иннокентий Чоодуевич Боражык. Передайте заместителю начальника, я готов показать место захоронения репрессированных. Он знает, где я живу. Пускай возьмет машину. Все...

1989 – 1990

Перевод на русский язык С. Ондур

Эдуард МИЖИТ,
Народный писатель Тувы

Цикл «РАЗВЕ НЕ ЧУДО?...»

Одарив своим
высочайшим вниманием
и царственно выделив их
из толпы других вещей и существ,
лишь мимоходом
погладила осень
листву немногих деревьев
и траву,
склонившуюся в нижайшем поклоне –
и вот они все
уже блещут всюю
золотом всех оттенков и проб
от этого прикосновенья
Мидасовых пальцев.

* * *

Несколько дней
рыжим осенним пламенем
поыхал этот лес,
пока не остались чернеть
лишь ветки и стволы деревьев,
как обугленные кости
без перьев,
ставших пеплом и прахом, взметаемыми ветром...
чтобы вновь
оперением новым
нежно-зеленым
покрыться весной
и, махая ожившими крыльями-ветками,
на все птичьи голоса
Фениксом снова
звонко запеть.

* * *

Каждую ночь
мы входим в темные воды,
ныряем, насколько хватает дыхания и отваги,
в ее черные
кошмарно-тягучие глубины
или, перевернувшись на спину,
качаемся на волнах
в то время как, орлиными кругами,
все выше и выше
взмывает в небо наш взор...

Каждую ночь
этой водой мы смываем с себя
всю пыль
земных дорог и забот
и липкий пот
своих вожделений и страхов,
отчаянья и суеты...

Каждую ночь
мы пьем эту воду забвенья
и хоть несколько часов мы не помним себя,
а тех, кто навеки остался
в этих летейских водах,
живыми, как прежде,
видим мы здесь...

* * *

Почами
под покровом тьмы
угрожающе близко к земле
опускается небо,
ведь слабому свету бледной луны
и далеких-далеких звезд
нелегко удерживать эту махину
от паденья.
Но всякий раз,
приподняв его край на востоке
и вставая во весь исполинский свой рост,
ставит небо на прежнее место
передохнувший за ночь светлейший Атлант –
солнечный свет...

* * *

Я бы этому ни за что не поверил,
если бы сам не встретился с ней –
со своей мыслью,
которую я
в одежду стиха когда-то облек,
правда, за это время
она подросла и слегка изменилась,
так что я не сразу ее узнал –
ведь она проходила в толпе других мыслей,
исходящих из речи одного моего знакомого –
как не сразу поверил,
что она живет
точно такой же жизнью, как все –
кому-то нравится,
а кому-то не очень,

заводит друзей, наживает врагов,
с кем-то воюет,
с кем-то песни поет,
а с кем-то и плачет...
У нее у самой уже куча детей,
правда, таких же
невидимых, как она,
как Афина Паллада, что родилась
из головы отца.

* * *

Тёплый ветер,
невидимый танец весны,
улыбка солнца,
заглядевшегося на неё –
аж рот до ушей...

Деревья
тянутся к ней
своими руками-ветвями
и стряхивают с них
последние метки
зимы...

Всё больше и больше
проталин –
следов ног
танцующей весны...

И вот уже
проворно бегут ручьи –
серебристые пальцы весны,
ласкающей землю,
и пробиваются первые
нежные ростки травы
ответом земли
на её поцелуи.

* * *

Разве не чудо,
что в пустоте
невообразимо бескрайнего космоса
ни на чем не покоясь,
ни за что не держась,
не падая и не разбиваясь вдребезги
носится шар
земной?

А вы говорите:
«Нет чуда на свете!»

Разве не чудо,
что на этом шаре
есть и цветы, и деревья,
и птицы, и люди,
и мысль, и слово,
и вы,
пусть ненадолго?

А вы говорите:
«Покажите нам чудо!»

Разве не чудо,
что вы родились –
вот не было вас,
не было, не было
не было, не было,
и вдруг – раз ... и нате –
вы родились –
разве не здорово?

А вы говорите:
«Нет счастья под солнцем!»

И разве
не самое дивное чудо,
что вас, такого одинокого,
такого крохотного и мгновенного
в этом безбрежном космосе,

кто-то ещё и любит,
вы представляете,
вас, только вас
Любит?!

А вы говорите...

**Из неизданной книги
«СУРОВОЕ ЧУДО ЗЕРКАЛ»**

* * *

Дни и ночи, дела и заботы,
Выйдешь из дому, те же места,
Тот же самый маршрут до работы,
Так же – мылом в руках – суета.

Так же все наперед нам известно,
Хоть и кажется всем, что не так.
Так же сизо, как дым сигаретный,
Зыбко тянется дней пустота.

И все те же друзья, анекдоты,
Да все та же в душе немота.
И молчат все слова и все ноты,
Да незримая ближе черта.

Лишь успеть бы вот это и это,
И какая там, к черту, мечта, –
Лишь порой ослепительным светом
В душу стрельнет невинность листа.

* * *

Что оптимисты пишут плохо,
Давным-давно известно нам,
И что ребячливость их слога
Худым тряпьем трещит по швам.

Обмана иль самообмана
Чего в них больше, не понять,
Но есть, как в пасах шарлатана,
Лишь свойство спячкой соблазнять...

Да, жизни зыбь тонка до боли,
А водам смерти нету дна.
Да, в этом мире пленной воли
Не изменить нам ни рожна.

Все те же будут устремленья
Людским умом повелевать,
И так же будут поколенья
На те же грабли наступать...

Но все же, все же дух мятежный,
Сердца дерзая пробуждать,
На путь ступает безнадежный
С извечной тягой восставать.

Ведь лишь души незримой раны
Всей кровью движется строка,
И лишь борьбы духовной драмы
Сердца разят наверняка.

И потому искусство живо
Мечты трагической судьбой,
И тем, что все ж она строптиво
Встает, чтоб жертвовать собой.

И тем, что нам дает надежды
Хоть нежный крохотный росток...
Но этот мир живет, как прежде,
Не сдвинувшись ни на вершок...

...Что, оптимисты пишут плохо,
Давным-давно известно нам,
Но и трагические строки
Есть лишь рефрен всем временам.

* * *

Ты, мое детство, суровое детство,
Мне от тебя никуда уж не деться?
Ведь уж поземкой холодной, колючей
Жизни ветра меня многому учат.

Многое я повидал в этой жизни –
Злобу и ложь – как чужих, так и ближних, –
Но и добра, – как судьбы мне сюрпризы, –
Капли спасали меня от циннизма.

Видно, их редким теплом запасался,
В людях поэтому я ошибался,
Редко, но верил и вновь обжигался,
Будто я с детства в масле катался.

Хоть и холодными были те ночи,
Но заставляли ведь, хочешь, не хочешь,
Все же мечтать о тех высях заветных,
Глядя на звезды сквозь темени бездны...

Так вот теперь я не тот, что был прежде.
Все растерял я мечты и надежды.
С тех самых пор, как с тобой разлучились,
Годы меня жить мечтой отучили...

Хоть и смотреться сегодня мне страшно
В зеркало глаз твоих так беспристрастных,
Мне от тебя никуда уж не деться,
Детство мое, хоть какое, но детство...

* * *

Тихо-тихо догорает в седловине гор закат,
Без печали, без претензий и без всякой суеты
Свет лучей своих прощальных всем раздаривать лишь рад –
Это, видимо, творенья миг священной полноты.

Грусть о том, что не достигли всех желаемых высот,
Или гордость от того, что стал богат и знаменит,
Мысли, что от этой жизни взял, не взял ли всех щедрот –
Это все мертвящим духом все гниет и все смердит.

Страхом адских наказаний краткий срок свой не травить,
Не волнуясь о ступенях то ль в nirвану, то ли в рай,
Лишь по совести и правде постараться жизнь прожить,
Ведь пронзительно все просто, словно пенье птичьих стай.

Так и ты, душа, не майся, подводя всему итог,
Лишь на волю высшей силы положишься, как в старину
Люди жили и из мира уходили без тревог,
Без гордыни и унынья, прежде чем навек уснуть...

* * *

Прощать себя? – да что за вздорная идея?!
Кому, с какого богуна вдруг в голову могла
Придти нечистая такая ахиня?..
А ведь пришла – и стала всем с порога так мила.

Вначале лишь за то, что промахнулся где-то,
За слабости свои, за все, что в жизни не сбылось,
А там и все подряд: солгал, украл и предал –
За все простить себе, чтобы спокойнее жилось?

Прощения просить у тех, кого обидел,
И ждать – простят ли, не простят – к чему вся маета?
Не говоря о том, чего никто не видел, –
Вот здорово! Да это же не жизнь, а красота!..

О, порождение лукавое ехидны,
Слова твои от совести навечно не спасут!
Ведь истины просты и все так очевидны –
Лишь те, пред кем ты виноват, прощение дают.

Нина ЧЫРГАЛ

ГОТОВ РАДИ НЕГО НА ВСЁ

В сорокаградусный мороз больше часа молотит машина, а ребята изнывают от неопределённости, когда же освобожусь я. И тут, когда давал наставление дежурным в отношении последних прооперированных, привезли мужчину из исправительно-трудовой колонии строгого режима. Диагноз установили сразу – инородный предмет в желудке, по симптоматике – повреждены и другие органы, пришлось с дежурной бригадой идти на операцию. Уже в машине мысленно еще раз прокручиваю последнюю операцию: сделано все, у этой категории людей и живучесть необычайная, должен быстро выздороветь, видимо, организм в экстремальных условиях любое позитивное поступление распределяет настолько рационально, что эффект поражает врачей.

Не справился с любопытством и Шуба:

– Из-за кого же мы тут битых три часа жгли бензин и время теряли? Кого вы там спасали?

– Заключенного из зоны привезли. Как иногда у них бывает, гвоздей наглотался, да не просто гвоздей, а перевязанных так, чтобы в желудке они особым образом расправились. Видимо, мужику неведомо стало жить... – без особого желания продолжать разговор промямлил я. После мощного выброса адреналина мой организм, видимо, начал расслабляться, и мне хотелось подремать под гул мотора.

– А по мне, так их и спасать не надо. А вы, наверное, как для нормального человека старались? – продолжал возмущаться Шуба.

– Естественно, мы всегда стремимся все сделать нормально. А кто

лежит на операционном столе, нас мало беспокоит.

– Неужели совершенно одинаково отнесетесь и к министру, и к тому из зоны, попадись они в схожую ситуацию? – задал лукавый вопрос водитель.

Я знал, кого он представил в министрах.

– Совершенно одинаково. Для нас это работа, притом с четко выверенной системой, как и что делать. Перед операцией думаешь о предстоящей работе, а не том, кого предстоит оперировать. Это просто труд, но никак не событие. Для больного и его родственников, может, событие. И когда работаешь за операционным столом, видишь только операционное поле, там столько дел и нюансов, что даже забываешь о существовании другого мира. Там нет места даже личным проблемам. Сколько раз замечал, стоит только зайти в операционную, и все, что тебя волновало минуту назад, разом снимается с души. Это такое место, где ты наедине со своей душой и с болью другого человека. Возможно, истинно верующие с таким же чувством отрешенности от суетного мира молятся в церкви.

– Не скажите, видел я, как все хирурги потные и усталые выходят после операции. Где вы видели, чтобы кто-то еще до пота работал, кроме вас да землекопов? – не унимался водитель. – Вы не правы. Этот нарочно себе навредил, а с другим несчастье произошло. Кто-то для людей живет, а от этого только морока одна.

– Да бросьте, – начал я распалаться, – каждый из нас работает для реализации собственных амбиций и удовлетворения финансовых потребностей. Одни профессионально, а иные, разобравшись, что ошиблись в выборе профессии, вынуждены всю свою жизнь тяготиться работой. Жаль их, не испытавших радости от труда. Со временем зависть, интриги всю их душу разъедают.

– Опять не правы. Каждый должен по заслугам получать блага или хулу. Не будет порядка, если ко всем одинаково будем относиться. Устои государства заложены так, чтобы люди стремились работать лучше, чтобы жить хорошо.

– А для того, чтобы людей по полочкам расставлять, есть другие профессионалы, их подменять нам незачем. И в свою область их не пустим, чтобы не указывали, как к кому относиться. В конце концов, каждая операция – это дело нашей профессиональной чести, – почти грубо оборвал я его тираду и нарочито шумно стал поудобнее устраиваться для сна.

И зачем только согласился я сегодня ехать на охоту? Вскоре голоса моих спутников стихли.

Проснулся только тогда, когда начали выгружаться из машины.

Вот радость – дым над трубой, свет в окошечке. Не придется растапливать печь в избушке, бежать за водой да возиться с едой.

Почти по-домашнему тепло, просторно, но только лиц не разобрать из-за тусклой лампы – «летучей мыши». Один хлопотал у буржуйки, другой

что-то чишил.

Шуба шумно поздоровался с мужиками и представил нас друг другу.

– Михаил Камзалаков, – кивнул он на кашевара у печи, – он у нас тут в роли постоянного жителя.

– Иван Самбуу, – представил он другого, – хозяин здешних охотничьих угодий, и избушка его, и леса, и горы его, и звери, каких увидите.

– А этот, – указал он на меня, – тот самый фартовый охотник, про которого я рассказывал. Он же и хирург, и балагур, и шутник, и вообще, баловень судьбы.

– Не бывает фарта в охоте, а есть труд и знание. А об остальном не знаю, не буду спорить. Меня можете звать Иваном, вроде мы одних с вами годов, – промолвил Иван и протянул мне руку для пожатия. Он был невысокого роста, жилистый, неторопливый. Видимо, знал себе цену, и перед приезжими держался достойно.

– И ты туда же, – обращаясь к Ивану проворчал Шуба, – все сегодня про профессионализм толкуют. А их всех государство профессионалами взрастило.

После нехитрого ужина и распланировки, кому, куда с трех часов утра подаваться, мы уснули. В темень и мороз выходить, ох, как не хотелось. Но знал, что только выйти из тепла в мороз жутко, а когда втянешься в ходьбу, а еще почувствуешь первые лучи солнца, чистый снег, просторы и дальние дали, знакомые следы на снегу, молодые редкие сосенки, любопытные птахи на заре – все радует глаза, все мило и дорого, неповторимо и неделимо. Это вижу только я, и понимаю только я. И это только для меня сегодня предназначено.

Пешая охота по гористой местности в декабрьские морозы требует подвижности. Одеваемся легко, то есть без верхней зимней одежды, а на ноги – кто во что горазд, только чтобы снег не забивался в обувь. Я по причине своей неорганизованности по этой части ходил в суконных коротких сапожках, их еще называют – радость пенсионера, а чтоб снег не забивался в обувь, еще голенище сверху приспособил.

Иван успокоил, что скоро рассветет.

– Избушка стоит в ложбинке, – объяснял Иван. – Идешь в эту сторону, идти придется долго, когда подойдешь к подъему, по этой же стороне поднимайся как можно выше, не торопись переваливать на ту сторону, с этой стороны косогора обдув, снега меньше, к пяти часам начнет рассветать, там увидишь, что к чему, часам к двенадцати пойду к тебе навстречу, – тихо сказал Иван.

– Ну, пока, ни пуха. . – С этими словами Иван исчез из вида.

Мороз почти сковывал движение, легкая одежда обжигала тело. Надо идти быстрым шагом, чтоб мороз отступил. Снег еще не твердый, хотя глубокий в низине, местность открытая, без камней и чащобы, дыхание

выровнялось быстро и с ритмом шага совпадало в унисон. Чувствую каждое движение мышц и их радость от нагрузки. Люблю состояние своего организма в движении, поражаюсь его совершенству. Кто не испытал, ему не объяснить, какой чудный механизм это – наше тело, как он работает согласованно с заданным ритмом, обстоятельством, как он включает постепенно и рационально все резервы. Только что шел и задыхался, и в глазах темно, а через минуту дышится легко, куда-то уходит свинцовая тяжесть из мышц, несешься, словно не ты изнывал минуту назад от невыносимой трудности. В своем физическом развитии человек, наверное, уже достиг совершенства, жаль, что не все в полной мере используют возможности своего тела, не наслаждаются его уникальностью. Вообще-то нет предела совершенству, но чтобы продолжать движение вперед, требуется острая и продолжительная необходимость, и через этот фильтр должно пройти не одно поколение, тогда будет результат.

Наслаждаясь одиночеством и простотой своей задачи – тихо взобраться высоко по склону горы, иду размеренным шагом, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к тишине.

Чаше стали попадаться старые и свежие следы крупных и мелких копытных и, конечно, их спутников – волков. Впереди замаячили крутые склоны противоположного пригорка, рассветало. Постоял, чтоб унять бешеное биение сердца. Мне всегда казалось, что зверь может учуять и пристальный взгляд человека, и стук его сердца. Дальше я пошел еще тише и медленнее. Ветра почти не было, видимо, Иван уважил, хотел, чтоб повезло мне сегодня, направив в самое удобное место.

А Шубе можно было выйти позже, его путь не долгий. Он должен, подъехав к подножию горы, подняться на вершину часам к двенадцати, где договорились встретиться мы с Иваном.

Вот они. Вот они красавцы, чуткие и быстрые, ни на одну минуту не бывает, чтобы они потеряли бдительность. Каждое мгновение один из маралов обязательно с поднятой головой ловит запахи, осматривает местность. Мне казалось, что у зверя зрение хуже, чем обоняние, из боязни их «шестого чувства опасности», я скатился обратно к своему следу, где ни я их, ни они меня не видели, и лихорадочно начал готовить ружье. Сколько ни убеждал себя не волноваться при встрече со зверем, адреналин бьет ключом, притом независимо, заяц это или марал. Уговорил себя наглядеться на них, свободных и диких, и только потом стрелять, медленно начал высовывать голову из укрытия. Так и есть, хоть и ветер в мою сторону, и смотрел на них вполглаза, и стук взволнованного сердца унял, они пошли явно встревоженные. Впереди самый могучий, седые пряди на груди почти до земли, спина пологая и мощная, это он всех водит, спасает от врагов. Это он, познавший все превратности свободной жизни, знает, что промедление смерти подобно, это у него то самое, непознанное мною,

обостренное чувство опасности. Все, ушел за горку. Один из них, видимо самый неопытный, остановился прямо на гребне, тут я вспомнил свою задачу и, почти не целясь, попал в него. Попал. Я видел, что попал. Бегу в ложбинку из ложбинки, а они уже на другом склоне, опять выстрел, чтоб остановить того, раненого. Вроде, попал. Я опять вниз и вверх по склону, а они – на другом, уже всюду бегут, в такой гонке их прыжки могут достигать метров девять, а то и больше. Опять, в который раз стреляю и удивляюсь, что не могу добить. И только тут определяю, что бегут только двое. И вожак, как всегда, впереди. На этот раз не попал. А где еще двое, вроде их было четверо или трое, а может, два? Вижу, один подался вниз по склону, наверняка, тот самый, первый, раненый. Стоп, нельзя бежать за ним. Этот урок усвоил после почти суточной гонки за косулей, а за мной гнались местные охотники, чтоб не потерялся я, и догнав, популярно объяснили, что надо ждать, когда заляжет зверь, а догнать зверя невозможно...

Наметив место, пошел искать варежки да шапку. Правая рука почти утратила способность мерзнуть и шевелиться, спрятав руку подмышку, неуклюже оттираю уши одной рукой. Мороз перед восходом жалит так, что снег шуршит, как сухая трава. Надо идти энергично, одежда не должна стать как у джентльменов удачи из известного фильма Эльдара Рязанова. Вижу, в ложбинах снег местами даже не проваливался подо мной, когда я бежал в первый раз, а сейчас, увязая в снегу, подбираю драгоценные предметы своей одежды один за другим. И тут вижу еще один след в сторону, все-таки их было четверо. Вот дурак, дурак я, не могу совладать со своим азартом. И этот ранен, ранен основательно, это я определяю безошибочно. Так и есть, через несколько прыжков по склону обнаружил марала. Со всей тяжестью, помноженной на инерцию крутого склона, зверь завалился под большую валежину. Как всегда, когда обнаруживаю уже убитого зверя, а еще хуже раненого, наступает апатия. Добить раненого для меня мука, а разделять – тяжкий труд. Но делать нечего, разгребая тонну снега, обламываю сучья с валежины, благо мороз такой, что мелкие сучья разбиваются от удара. С трудом достал добычу, к которой уже охладел. Еще минутный интерес – куда же я попал, а дальше работа. Направил тушу ростом ворса по склону вниз, благо лететь не далеко. Без больших приключений достаточно близко к подножью склона доскатился. Разделал тушу. Подмерзшие куски мяса собрал в шкуру, снег теперь обратно сгреб. Воронье да сороки не достанут.

Надо идти назад по следу, предстоит еще такая же невеселая работа. А есть хочется, был бы рад самому черному, самому черствому кусочку хлеба. Для такого случая в кармане обыкновенная карамель. Настолько вкусна, настолько питательна, что раньше такого наслаждения не испытал, я в этом уверен. На моем следе, высоко, чтоб я увидел, стоит Иван. Как я рад, что не придется одному корячиться со второй тушей. Сам не заметил, как стало легко идти. Столько чувств испытал, поделиться было не с кем.

Иван помаячил и перевалил за увал, прав он, на ветру нельзя стоять, хоть догадался дожидаться, чтоб я заметил его. Конечно, по следу, без моего объяснения, все узнал.

– Точно, везучий, двух зверей разом добыть – редкое везение, – с интересом разглядывая меня при солнечных лучах, подытожил Иван, – с Камзалаковым на лошади вывезем, – сообщил он, имея в виду того марала, что я обработал, – туда-то он сумеет подъехать.

– Спасибо тебе, ведь знал, куда меня направляешь. Давно такого крупного зверя не добывал, – извиняющимся тоном заметил я, – но честно тебе скажу, не думал двух убивать.

– Не казись, раз в год нам это позволено. Я всегда строго придерживаюсь охотничьих правил, причем, убежден в разумности этих ограничений, не пропитания ради мы тут бегаем. Там расскажешь, где их увидел, как подходил? – с неподдельным интересом и предвкушением подробной исповеди сказал Иван. Мы направились искать второго.

И не было в Иване ни зависти, ни досады, шел, как плыл, все к месту, не цепляли коряги его, даже камни торчали, чтоб он по ним пробежать мог, ружье и нехитрая амуниция казалась пластично слившимися с ним. Он – к месту этому, это место – к нему. Снег радужной крошкой по следу стелется, дождавшись солнышка, все вокруг преобразилось. И нет в этом чистом, первозданном мире никакой фальши. Как только встретил Ивана, превратился в ведомого. Не подумал и своей метки искать. Мы с Иваном без труда нашли зверя, быстро разделали. Но вкралась тревожная мысль, что не в этого зверя я стрелял последним, и метки не заметил, спускаясь за Иваном, но молчком работаю, не в силах признаться, что я в таком сомнении. Рад бы ошибиться, да чем больше анализирую, тем больше склоняюсь к выводу, что, видимо, мы не дошли до той метки, где был последний выстрел. Мысленно прошу всех богов, языческих и христианских, чтоб не стал я причиной смерти еще одного зверя. И Ивану толком не могу рассказать о своих переживаниях и приключениях во время этой охоты, из-за этих самых сомнений.

– Иван, ты же пришел мне навстречу, не видел, докуда я дошел?

– Видел твои следы и на том косогоре, а докуда дошел, не видел, услышав твою пальбу, я с верху спустился в эту ложбину и пошел по твоему обратному следу, там и нашел тебя. Ну и силен ты бегать, многих охотников видел, но чтоб такие прыжки, не видел.

– Да, снега мало и подъемы не долгие, – отмахнулся я, – а когда спускались сюда, не видел обломленный кустик на моем следу?

– Ты думаешь, что еще в одного зверя стрелял? – Иван даже выпрямился от такой догадки и уставился на меня.

– Мучаюсь уже целый час от такой догадки и тебе сказать не решаюсь.

– Так заканчивай скорей тут, собери все в шкуру и снегом закидай, а я

пойду посмотрю, – заторопился Иван, – знаешь что, скоро потемнеет, ты иди к первой туше, тебя там сразу заметит Шуба, мы с ним договаривались встретиться приблизительно на том месте, пусть он шлет Камзалакова. Поможешь Камзалакову погрузить мясо и возвращайся к этому месту, а я там, если найду, все сделаю и вернусь сюда. Ты еще не ориентируешься тут, идти придется мне.

Зимний день не долог, предстояло сделать много и быстро, а весь запал энергии прошел, двигала мной только обязанность. Благо, Шуба, определившись, что предстоит работа для Камзалакова, вернулся обратно в избушку и снарядил его к нам. Увидев издали двигавшегося ко мне человека на лошади, прибавил шагу.

– Молодцы, Иван или ты? – указывая на тушу, спросил старик.

– Там еще одна, – махнул рукой я. – Есть у тебя чем перекусить? Пропадаю, кушать хочу. Что, ничего не взял, что-ли перекусить?

– Шуба сказал только, чтобы я быстрее собирался, а про еду не сказал. А где Иван?

– Там же, – неопределенно сказал я.

Есть хотелось до тошноты, но скоро это пройдет, организм, определившись, что не дожидаться топлива, то есть хлеба, сам найдет, чем восполнить пробел, это может проделать, кажется, раза два, а может, больше. Пока мы разбирали да грузили, наступили сумерки. Услышав, что я собираюсь вернуться обратно, Камзалаков сжалился.

– Берись за хвост коня, куда ты на ночь глядя. Часа через полтора мы уже будем в избушке. Иван тут как у себя дома, он сам доберется. Морозы-то какие стоят. А за тем возвратимся завтра вместе со всеми. Возможно, Иван уже в избушку пошел, видит же, что скоро ночь, – уговаривал меня Камзалаков.

– Нет, я не могу, с Иваном договорились встретиться там. – С этими словами я поковылял обратно. Как мне хотелось, схватившись за хвост коня, подняться на пригорок, а там спуск, равнина, теплая избушка и горячий чай. Предел мечтаний на исходе дня любого охотника.

А Ивана нет.

У меня, кроме небольшого ножа, ничего.

Собрать все, что может гореть. Много ли добудешь с маленьким ножом. Мелкие сучья просто разбиваются от удара ноги, а большие намертво примерзли к стволам редких и чахлых лиственниц. Нельзя останавливаться, нужно собрать столько, чтобы хватило до рассвета. «Неужели и вправду Иван подался в избушку, тогда мне, в этой мокрой и хилой одежде, не продержаться на таком морозе всю ночь», – промелькнула предательская мысль. Но мы же договаривались встретиться здесь. Хорошо, что успел шкуру освободить от мяса, все-таки защита от хиуса, хотя она вся в снегу да бесформенно смерзлась.

Огонь, чудный, живительный, родной, даже про голод забыл, а сучья на ветру, как спички в топке. Вот когда дошло до меня, почему местные жители разводят маленький костер, если так буду расходовать, мне топлива не хватит даже часа на два. Мерзлую шкуру приволок к костру. Мокрую одежду, начиная с носков, постепенно все снимаю, сушу у костра на руках и обратно надеваю. Я один во всем мире, у костра, дров не хватает до утра. А Ивана нет. С чего я взял, что он сдержит слово и придет сюда, уж давно был бы дома с Камзалаковым. Мороз со всей вселенной собрался сегодня над моей головой, остроконечные звезды опустились низко-низко и в последний раз для меня освещают этот холодный край. Пить хотелось смертельно. Жажда настолько остро наступила на меня, хоть ешь снег. Восполнить потерянную за день беготни по увалам воду не так-то просто. Развязал удостоверение охотника, набрал снег в потертый пакет и стал греть его у костра. Выпив таким образом несколько глотков воды, начал трезво оценивать свое положение. Наверняка, Иван ушел в избушку, хотя люди, живущие в экстремальных условиях, так не делают. Любая неточность может стоить жизни. Заблудиться, по мои представлениям, он также не мог. На всякий случай, взял ружье и дал залп в воздух. Тишина. Слышен даже шелест падающего снега. А пошел снег. Может, мороз отступит малость.

Хотелось спать, но за малюсеньким костром следить некому. Чувствую, что ко мне подбирается безразличие. Сдерживать дрожь от холода, беспрестанно шевелить негнушимися пальцами рук и ног уже не хотелось. Сон одолевал со всей своей властью. Не жаль в этой жизни ничего, только бы провалиться в это сладкий сон. Чуть покормив свой маленький костер, вывел слова на снегу для дочери: «Доченька, прости!». Увидел свое ружье, так беспечно брошенное на снег. Выстрел прогремел одиноко и тоскливо.

И тут другой выстрел, ответный, далекий, самый нужный, еле слышный. Это не было эхом. Это был именно ответный выстрел. Я стрелял снова и снова, но ответа не было. Переждав несколько минут, стреляю еще несколько раз, – безрезультатно. Неужели почудилось? Не может быть, я слышал четко. Из надежды в отчаяние и опять с надеждой, с измотанными нервами, стараюсь поддерживать огонь. Нет нужды оставлять топливо на потом, когда это потом?

– Хватит стрелять уж. Пальбу тут устроил.

С этими словами неожиданно появился Иван. Не помню, был ли я так рад кому-либо когда-нибудь, как сейчас этому малознакомому человеку. От куржак сам на себя не похожий, еле на ногах, но бесконечно родной, самый долгожданный пришел, вот он пришел.

– Шел и думал, если тебя тут не найду, умру. Темень, из-за этого снега в такую даль забрел, что еле выбрался. Вот лютует мороз, ни ног, ни рук не чувствую. Услышав твой первый выстрел, даже не поверил.

– Ты что не стрелял? Я уже стал думать, что почудилось.

– Ты так часто стрелял, что не было необходимости искать ориентир.

– Вот, крестьянская твоя душа, патронов было жаль, что ли?

Какое это удовольствие, вот так переругиваться. Мы вдвоем, как это много.

Помогаю ему устроиться у костра, он, так же как и я несколько часов назад, начал по частям снимать и сушить одежду, и костер повеселел, теперь я дров не жалел.

– Поставь кружечку со снегом на огонь, хочется пить, аж язык к небу прилип. Наверное, ты голодный? Сало и хлебушек там же, – хлопотал Иван.

Сейчас мы понимали друг друга как самих себя. Были неделимы. Хотя желудок в комочек свернулся от таких вкусных слов, я дождался, когда Иван напьется, и мы этот дар богов – хлеб и сало поглощали со всей бережностью и благодарностью вместе. И все, что съедали, тут же разносилось по организму, чувствовали, как каждая клеточка насыщается и наливается силой. Блаженство.

– Старик приезжал?

– В сумерках уже отправил. Навьючили кое-как, ни веревок у него, ни топора.

– Видимо, не сказали ему, что взять, а сам он ни за что не догадается, что в лесу окажется, – смеется Иван. – Звал тебя домой?

– Звал, конечно, предлагал за хвост коня держаться, а я бы не догадался, – представив себя, держащего за хвост коня, рассмеялся от души.

– Я этого и боялся, схватишься за хвост коня и в избушку попрешь. Как-то, уцепившись за хвост коня, с ним из тайги выбирался. Сил самому идти уже не было, а впереди дед на коне, и хвост лошади маячит, я и схватился, со стороны зрелище еще то, – смеется Иван.

И наш хохот, после напряжения и отчаяния от которого нельзя удержаться, смех, который снимает напряжение пережитого, разносился по тайге, и не было в этом ничего странного или жуткого.

– Там валежина, не мог один притащить? Пойдем принесем?

Наутро, прощаясь у машины, Иван проникновенным голосом заметил:

– Приезжай один, я такие места покажу тебе.

Он готов поделиться со мной всем своим богатством. Я также готов ради него на все. Теперь, где бы я его не встретил, он стал для меня самым особенным человеком. И это всего лишь из-за того, что сказанному слову мы были верны.

После мытарств по тайге за выходные дни все тебе кажется замечательным – горячая вода из крана, чистая простыня, чайник электрический, безопасность бытия. И все передряги на работе, претензии людей к друг другу – гакая мелочь. Как хорошо, что есть где-то Иван со своей избушкой, и когда надо, там отведу душу в добрых разговорах, на просторах и в одиночестве.

А САВРАСЫЙ УШЕЛ ВОЕВАТЬ

Весной 1943 года меня призвали в армию Тувинской Народной республики. Для всей семьи это было значительное событие. Собирали меня основательно.

Еще зимой бабушка сшила мне настоящий военный полушубок из овчины. Полушубок был окрашен в светло-желтый цвет. «Краска» для военных полушубков была только на зимней стоянке нашего рода, ее добывали в небольшой пещерке. Краска настолько была стойкой, что не требовалась повторная обработка. Многие председатели арбанов приезжали к нам за этой краской.

Вся Тува шила тогда полушубки для солдат и командиров Красной Армии и варежки с отдельным указательным пальцем для стрельбы из ружья. Позднее, когда я увидел фабричные полушубки и варежки, поразился мастерству наших земляков: и сшитые вручную, и фабричные изделия ничем не отличались.

В семьях тувинцев скот традиционно закреплялся за детьми на правах собственности. Отец давно за мной закрепил саврасого жеребенка от лучшей кобылицы, и считалось, что вопрос этот решен окончательно, Саврасый – моя собственность. И вот мне предстояло служить в армии вместе с моим конем, да еще в Кызыле. Никто не мог сказать, что меня ожидает в этой армии, и когда я попаду на войну? А то, что мне придется воевать, никто не сомневался. Тувинская Народная Республика объявила войну фашистской Германии, напавшей на Советский Союз. Многие наши земляки уже воевали. Ходили разговоры, что после нескольких месяцев военной подготовки и нас отправят на войну.

Мы, новобранцы, поступили в распоряжение очень строгого командира. Он, когда увидел моего любимого коня, вывел меня из строя и сказал, что такой конь, конечно, не должен быть в строю, во-первых, не трехлетка, а двухлетка, во-вторых, масть общему стандарту не соответствует, лучше, если будет гнедой масти. Он решил, что нужно будет выбраковать моего коня, а мне выделить более подходящую лошадку. Но все лучшие лошади, собранные к этому моменту, уже были отправлены на войну, и нас пока решили оставить в покое.

Я был настолько шокирован его отношением к моему коню, что с этого момента самым плохим человеком на свете считал своего командира. А саврасый постепенно привык к стойлам, к армейской подкормке, и к кличке Саврасый. Видимо, командиры посчитали, что нет необходимости придумывать ему настоящую кличку, сойдет и кличка по масти.

Саврасый к осени стал мохнатым, сытым и игривым. Лошади местной породы, в основном, маленькие, мохнатые и выносливые. Саврасый был типичным представителем тувинской породы лошадей. Его родословная в большой книге учета скота нашего рода записана с давних пор.

Записи в таких книгах некоторых родоплеменных групп тувинцев – это отдельный разговор. Если в архивах сохранилась хоть одна такая книга, ученые могут почерпнуть очень интересные сведения о племенной работе скотоводов того времени.

В книге учета скота записи делал еще мой прадед. Книга бережно передавалась от отца к старшему сыну. Совершенно точно мой отец мог сказать, какая лошадь, когда и каких жеребят принесла, а какую линию не стоит развивать дальше.

Я видел, как мой дедушка, открыв книгу, не выезжая даже на пастбище, пришедшему к нему с просьбой о выделении скота на мясо для долгих зимних дней, мог сказать, что просителю выделяется такой-то скот, который второй год не принес потомства.

В Туве было неписаное правило: каждая семья в зиму должна иметь определенный запас продуктов. Если по каким-то причинам семья в этом году не могла запасти мясо крупного скота, она получала его у кого-то другого. Это правило было настолько естественно, что проситель не чувствовал ни унижений, ни обязательств перед другим хозяином. Придет время, он поможет заготовить мясо на зиму другому.

Мы постепенно привыкли к армейской жизни. Командир не был таким уж страшным, как показался в первый день. Пополнение лошадей, поступившее позже наших, не отличалось ни мастью, ни статью. Сказывались масштабы сбора для фронта скота, продуктов и одежды. Сейчас, вспоминая то время, удивляюсь организованности, продуманности механизма учета, транспортировки, поставки всего, в том числе и призванных людей на фронт не только в Туве, но и во всей России.

Для командиров и солдат шились полушубки и варежки из овчины, женщины вязали носки да варежки. От ездивших на фронт вручать подарки из Тувы мы узнавали, что многие солдаты, которые сначала не хотели брать наших маленьких мохнатых лошадей, когда увидели какие они выносливые и неприхотливые в содержании, просили поставлять на фронт только таких.

Саврасый упорно не хотел ходить в строю, а непременно норовил быть впереди всех.

Ежедневно перед отбоем лошадей водили на водопой к Енисею. Ездить на неоседланной лошади строго запрещалось. На водопой и обратно, на потеху всех солдат, Саврасый меня буквально волок с такой стремительностью, что после нас оставалась глубокая борозда от моих сапог на утрамбованном снегу.

Меня спасала только моя сноровка, иначе, как куль соломы, таскал бы он меня по земле. Зная привычку Саврасого, солдаты своим гиканьем еще больше подзадоривали его. Ладно, до Енисея под гору, а с реки до стойла мне приходилось бежать за ним. Ребята смеялись, что Саврасый меня водит на водопой, а не я его. Как-то раз я не удержался, прыгнул на

неоседланного Саврасого, мы помчались к конюшне. Я «приземлился» перед самым командиром.

– Солдат Бегзи, два наряда вне очереди, пойдешь заготавливать дрова для кухни, – строго сказал он. Но глаза его смеялись. Я это точно видел.

Но как не вовремя случилось это наказание! Начались отстрелы сайгаков для фронта в степях за Кызылом. Вечерней охоты на машине, которую выделял для этих целей Правительство, мы ждали с нетерпением. Немногие наверно помнят, что у нас были сайгаки. Эти животные стадные, никогда не разбегаются врасыпную при отстреле как косули, а бегут плотным табуном, низко опустив головы. Нам, глухим молодым ребятам, это казалось забавой. Только не нравилось, что после отстрела надо было их выпотрошить, отрезать тонкие ножки, погрузить туши на длинные подводы из саней, запряженных лошаадьми, для отправки в Абакан, а оттуда дальше на фронт.

Сайгаков было так много, нам казалось, что их не сосчитать. После, когда я уже стал взрослым и разумным, я глубоко сожалел, что мы истребили наших сайгаков. Мечтал всегда привезти нескольких сайгаков и выпустить их на волю в степях за Кызылом. Да, видно, мне не придется это сделать, стар уж я. Возможно, внуки тех солдат, с которыми я тогда служил, исправят наши ошибки.

Вскоре объявили поход через Самагалтай, Овюр, Чадан и обратно в Кызыл. Это было очень большое событие для всех нас. Разговоров было очень много. Все мои друзья сошлись на том, что Саврасый, как самый беспокойный, такого путешествия не выдержит, выдохнется после первого дня, и придется мне с седлом за спиной плестись за взводом.

Я делал вид, что сам в сомнении, но в душе знал, что мой Саврасый выдержит все. Так и вышло. Мы как всегда были впереди всех и в первый день, и после длительного путешествия, когда возвращались в Кызыл. Все были удивлены выносливости Саврасого. Я чувствовал себя именинником. Видимо, отбор скота, осуществлявшийся моими предками, был настолько выверенным, что и на этот раз не дал сбоя.

Это я понял уже много лет спустя, когда почти уже не стало в Туве скота местной породы. Местная порода любого вида скота в шестидесятые годы считалась непродуктивной, истреблялась поголовно. Сейчас возвращаются в скотоводстве к животным местной породы, но насколько сохранен генофонд того скота – никто не скажет.

Ко второму году службы мы уже знали, что фашистов прогнали с территории СССР, и нас на войну уже не отправят. Я с тоской думал, как буду расставаться со своим Саврасым, когда придет время разлуки. Мне уже сказали, что он – имущество армии. Многие ребята так же страдали от предстоящих разлук со своими лошаадьми. Наши кони – это наши друзья, мы с ними и разговариваем, и шутя, ругаемся, из скудного солдатского

пайка всегда для них оставляли кусочки то хлеба, то сахара.

Неожиданно для всех вскоре нам зачитали приказ о том, что всех армейских лошадей отправляют на фронт. Эта новость ошеломила нас. Несмотря на наши многочисленные заявления об отправке на фронт, нас оставили дома, а на фронт призвали наших лошадей. Поверьте, не было у нас даже в душе сопротивления тому, что заберут наших красавцев на фронт, а было только сожаление, что нас не отправили. Для нужд фронта никто ничего не жалел. Было одно стремление у всех людей – добиться победы над фашизмом.

ХАЙЫРАКАН

Только закончилась долгая студеная зима. Стоит пряный запах прошлогодней травы и проклюнувшейся изумрудной зелени со старицы. Берега речушек обрамлены причудливой канвой из прозрачных ледяных заберегов из-за ночных перепадов температуры. Чумазные птицы разных мастей отчаянно плещутся в лужицах. Муравьиные государства там и тут вновь приступили к освоению своих наземных владений. Каждая живая душа на земле беспричинно радуется обновлению Мира. Мой дед долго и тщательно одевался во все самое нарядное. Пристраивая на свои белые пряди шапку из меха черного с проседью соболя, пристально всматривался в зеркало. Я впервые видел, как мой дед стоит перед зеркалом. Весь его облик говорил о том, что не себя он разглядывал в зеркале, а с самим собой он встретился и вопрошал себя о чем-то неведомом. Его белая борода, вожделенный объект художников для зарисовки, мерцала в цвете зеркала почти синим отливом на черном атласном тоне (*тон — национальная верхняя одежда*), подбитом мехом белых ягнят. Пояс, украшенный серебряными бляхами, огнивом и ножом самой тонкой работы с серебряной инкрустацией, особенно торжественно выделялся на атласе с тувинским орнаментом. Пуговицы и застёжки из серебра на тоне были такой тонкой работы, что хотелось спросить, какого же мастера эта работа. Мягкие, с загнутыми носками тувинские сапожки из черной кожи, словно перчатки на руке, обтянув тонкие лодыжки его, завершали одевание. Вещь, похожая на книгу, завернутая в кадак (*кадак – ритуальная лента буддистов, подносится в знак особого уважения и признания гостю*) из белого атласа с национальным орнаментом, артыш (*артыш — можжевеловый, используемый тувинцами для окуливания помещений при чтении молитв и при проведении других ритуальных действий*), перевязанный белой атласной лентой и серебряный сосуд с содержимым стоял на серебряном подносе перед дедом. Я впервые увидел, как красив и органичен этот металл с обликом и нарядом моего деда.

Обернувшись ко мне, дед сказал:

– Сын мой! Настал день, предназначенный тебе судьбой. Помнишь, в детстве тебе издали показал я место и велел запомнить его на все времена. Сегодня мы будем там, и отныне ты будешь ведать тем, что предназначено нашему роду. Перед моим сыном, то есть твоим отцом, с самого твоего рождения я поставил условие, что ты станешь моим преемником в этой миссии нашего рода. Поэтому ты и должен был воспитываться у меня. Мой прадед, а твой прапрадед перед уходом в иной мир отвел меня на то место и завещал исполнить то, что будет предназначено в мое время. В мое время все обошлось благополучно. Я сумел предотвратить разрушение горы Хайыракан (*Хайыракан – дословно переводится как «медведь», но гора названа в значении данного слова как хранитель сущего, требующий к себе бережного отношения, как место почитаемое, оберегаемое*), тем самым упредил начало конца этого священного места. Сейчас твой черед. К этому моменту готовил и обучал я тебя неотступно долгих двадцать три года, – указав на аккуратно сложенные вещи, он продолжил: – Облачайся в эту одежду, нам необходимо должным образом приступить к этой миссии.

Сказав это, дед вышел. Одежда была почти идентична той, в которую одет мой дед. Она привычна для меня, хотя несколько поколений моих земляков одеваются в стандартную европейскую одежду, мне каждое лето, свободное от учебы время, приходилось на Тибете у моего духовного наставника ходить в подобной одежде. Одевшись в предложенные одеяния, я почувствовал торжественность и серьезность всего происходящего. С зеркала на меня смотрел почти мне незнакомый человек, вот как может одежда преобразить человека.

В самом главном хурээ священнослужители в полном составе нас с дедом встретили со всеми почестями. В храме шло слаженное чтение священных молитв, судя по тексту, уже не первый час. Звуки мантры, то поднимаясь к небесной выси, то, почти переходя к речитативу, наполнили круглый зал молебны. Дед обменялся хадаками с главным служителем. В храме, кроме нас с дедом, не было ни одного постороннего.

Получив благословение на наш путь, мы прибыли к цели нашего устремления – к пещере в горе Хайыракан.

Это было огромное помещение, как один из залов Новоафонской пещеры, но здесь во всем чувствовалась первозданность. На огромном куполообразном своде пещеры, облепленном летучими мышами, не было ни одного проблеска солнца. В середине пещеры возвышался огромный пологий столб из экскрементов птиц и летучих мышей. Хотя вход в пещеру всегда был открыт всем северным ветрам, в помещении было спокойно и тепло.

– Ни при каких обстоятельствах не сходи с этой тропинки, где мы

сейчас стоим, двигаемся только по моему следу. Этот неприглядный вид, – указывая на птичье творение, сказал дед, – задуман для того, чтобы отпугивать непрошенных гостей, посмотри, как это действует. С этими словами дед бросил камушек на это сооружение, камень моментально провалился в эту кучу, не оставив и следа. В помещении, если это место можно так назвать, несмотря на содержимое, воздух стоял сухой и свежий, с еле заметным запахом миндаля. Маленькие, белые, с длинным хвостовым оперением птицы изящно планировали между моим дедом и мной, не замечал красивее птиц более нигде.

Мой дед легким движением правой руки стряхнул с запястья на ладонь браслет, с которым, сколько я помню, он никогда не расставался. Браслет моментально сложился в изящную большую печать с удобной ручкой вокруг ладони деда. Этой печатью дед дотронулся до скалы. И тут же бесшумно и плавно из скалы выдвинулась огромная ступень прямо под наши ноги, открывая перед нами вход в следующую пещеру. Чуть подняв ладонь кверху, он тряхнул рукой, и печать вернулась на прежнее место в виде браслета. Мне очень хотелось спросить у деда, как же этот браслет моментально превращается то в печать, то в браслет, но он, аккуратно огибая выступы скал, двинулся по коридору. Мы по коридору, вопреки моему ожиданию, постепенно поднимались куда-то вверх, а не вниз. Я вспомнил, что вся эта гора, по крайней мере, то место, к которому мы подъехали, состояла, на первый взгляд, из известняка. А коридор, по которому мы поднимались, был из черного гранита. И мне совершенно было непонятно, как известняк, продуваемый всеми ветрами, может держаться на граните. Вещь, похожая на книгу в хадаке, действительно была книгой, но она излучала ровный матовый свет, который освещал нам путь.

«Всегда предполагал, что гора Хайыракан из известняка, а тут гранит», – с удивлением заметил я.

– Мне говорили, что гранит этот завезенный. Им тут только оформлен главный зал и переходы, наши предки хорошо знали, что известняк не прочен, но он чист и обеспечивает благоприятный климат. Путем смотри под ноги, тут ступени не одинаковые, того и гляди – растянешься, – предупредил дед.

Тем временем мы подошли к огромной стене, и дед той же печатью, которой открыл вход в этот коридор, прикоснулся и к этой стене, часть стены медленно отошла в сторону, открыв перед нами помещение в виде огромного зала. При этом не было ни шума, ни пыли.

Невиданное зрелище открылось перед нами. Как в фантастическом фильме, перед нами сидел человек во всем царском убранстве. Я ожидал увидеть нечто подобное, но никак не предполагал, что предстану перед сидящим человеком в этой горе. Мне не верилось, что это не сон, не фильм. Мое сознание не было одурманено ни внушениями, ни лекарствами.

Его трехступенчатый трон и он сам, в причудливом одеянии, был таких размеров, что сразу я себя почувствовал ничтожно маленьким. Ниже на одну ступень по обеим сторонам Главного сидели по два человека. У каждого правая рука покоилась на своеобразном каменном маленьком столе. А в ладонях у них белели остатки донышек перевернутых пиал. И тут я вспомнил рассказы о монахах Тибета, добровольно переселявшихся в иной Мир и впоследствии получавших статус Избранных. В тех рассказах об Избранных и упоминаются пиалы, стертые до донышка. Медитация и воздержание от пищи, их решимость и убежденность были основой в осуществлении их перехода в Избранные. При этом они оставались в прежнем облике. А остатки пиал в руках монахов свидетельствовали о постепенном и добровольном уходе Избранных. Служители Избранных, при их переходе в иной Мир, приносят один раз в пять дней еду, столько, сколько поместится в пиале, а пиалы самими Избранными изо дня в день точатся на каменном столе, постепенно стираясь до невозможности налить в них какую-либо пищу. Так постепенно Избранный готовится духовно и физически к иной жизни. Я никак не ожидал увидеть воочию Избранных. Рассказы о них мне всегда казались легендой. А они сидели перед нами столь убедительные и торжественные, что невольно хотелось подойти к ним и поздороваться за руку.

Дедушка развернул у подножия трона принесенную книгу, зажег артыш, окропив ее из серебряного сосуда благовониями. И опустился перед этим тронem в молитвенной позе, за ним поспешил и я.

Прочитав молитвы, дед обратился к хозяину помещения. И тут я увидел, что лица всех пяти фигур сидящих людей обращены к нам, каменные их кресла переместились, образовав полукруг. И все они были в одном общем коконе лазоревом свете. При этом я не слышал ни скрипа, ни шума при повороте их каменных тронem.

– О, Великий Хозяин нашей Земли! Мы, дети Вашей Земли, служим Вам верой и правдой. Покой Вашей Земли, ее первоизданная чистота являются гордостью детей Ваших. От поколения к поколению передается чувство преданности и любви к Земле нашей. Детями этой Земли не утрачено чувство приверженности и бережливости к ней. Каждый рожденный на этой земле получил особое восприятие облика родной Земли. Нет в них страха за завтрашний день, они привычны обходиться очень малым и готовы делиться последним. Вашим последователям удалось такое же восприятие этой земли привить и тем приезжим, кто достоин ее. Они так же прирастают кровью и помыслами к Земле этой и так же духовно привязываются к самой атмосфере территории, как и рожденные тут. Когда они покидают эти земли, тоска по ней навсегда гнездится в их душах.

Мы не допустили ни одних искателей сенсации к Вашему Обиталищу. Археологи только приступили к раскопкам на наших Землях. Первые

их находки поражают весь Мир, в чем мы, конечно, совершенно не заинтересованы. Но остановить эти раскопки очень сложно. Жажда наживы и сенсации постепенно становится нормой существования разных народов. Под тогой научных работников стяжатели временных сенсаций рыщут и в поисках Вашего Обиталища, не предполагая, чем может обернуться это для человечества. По этой причине времена стали стремительно меняться. Мне с трудом удалось предотвратить разрушение Вашего Обиталища, Вы это знаете. Пока нынешним технологиям не подвластно Ваше Обиталище, но нам следует предусмотреть и ее дальнейшую безопасность.

Самой большой угрозой для нашей Земли, возможно, станет то, что кажется на первый взгляд безобидным. Сейчас предстоит предотвратить массовое заселение этой Земли людьми, не получившими воспитания бережного отношения к ней. Этим людям неизвестно, что за территория перед ними, каковы последствия духовного разрушения равновесия этой Земли. У этих людей не навернутся слезы восхищения от дивных восходов и закатов на нашей Земле. Эне-Сай (*Эне-Сай – название реки Енисей на языке тувинцев*) для пришлых всего лишь река, с которой можно строить отводы для оросительных канав по поливу рассады овощей. Берега Енисея для них – поставщики строительных материалов для выпуска кирпичей. Наши красные могучие лиственницы для них – это деньги, которые потекут рекой в их казну. Если для детей этой земли сломать веточку, сорвать цветочек – значит причинить боль живому существу, для них же все, что их окружает, должно им приносить материальную пользу.

Нет у них в крови и сознании любви. Жесткая борьба за выживание сделала их такими, какие они есть на сегодняшний день. Их чудовищная работоспособность, беспрекословная подчиненность, стремление накопить, опередить и выжить, и их баснословная многочисленность может стать катастрофой для детей твоей Земли – устремленных к духовным изысканиям. Те, кто заселятся сейчас на эти Земли, утро встречают не взором устремленным к небесам, как дети Вашей Земли. Световой день для них – повод приумножить свое благосостояние, выжить в гонке на выживаемость. Соседствуя с ними, дети Земли Вашей будут вынуждены включиться в эту гонку. Самое опасное то, что рушится равновесие этого места, появятся поколения не способные ценить и любить родную Землю, это знаете Вы и без моих пояснений.

Сегодня перед Вами стоит следующей представитель нашего рода. Он получил достойное образование и духовное развитие. Имеет дар убеждать и влиять на окружающих. Приложено много сил и стараний в его воспитание и образование, чтобы он получил то влияние, которое может смягчить удар направленный на нашу Землю. Сейчас поторопился привести к Вам моего преемника, чтобы он узнал, какая миссия перед ним стоит. Мы, хранители Обиталища, сейчас в смятении, горы Танну-Ола и

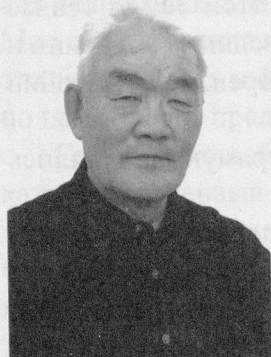
Саяны были надежной защитой от внешних вторжений на нашу Землю. Многие века всякие потрясения обтекали по внешним периметрам нашу Землю. Нам удалось сохранить любовь к этим Землям в сердцах детей твоих, недра пока не тронуты, животный мир и ее природа уже в опасности, царские захоронения разрушаются. А сейчас наступила угроза разрушения и хаоса сознания жителей этой Земли. Все богатства этой Земли сейчас могут обернуться против ее безопасности. Я пришел в великом волнении и с надеждой, что мой преемник будет Вами принят и одобрен, и он достойно продолжит защиту Вашего Обиталища.

Как ни странно, обращение деда к Избранным напрямую не казались для меня неестественными.

Постепенно лазоревый кокон, в котором находились Избранные, обволокло нас с дедом, и я услышал голос Главного. Все, что говорилось им, я понимал и принимал, хотя язык, на котором он говорил, мне не был знаком. Его видение дальнейшего развития событий, задачи которые следует решить настолько четки и ясны, что невыполнение и соотой доли того, что легло на мои плечи, может иметь непоправимые последствия. Масштабы предстоящих задач, которые предстояло решить, поразительны. Все это, только сплотившись со всеми людьми, и только с помощью Всевышнего и можно исполнить.

И промолвил я:

– Господи, помоги!

Эрес-оол ХАЯН

ПОМНИ, НЕ ЗАБЫВАЙ

1

Помнишь, как утром рано
Наши крутые дали
Нас томно и нежно ласкали.
Помнишь, как мы часто гуляли,
На заре ладони наши гладили
Горных ковров пряные кудри.
Там тайны жизни мы постигли.
Помнишь, любви уста твердили –
Вечность бытия восхваляли,
А взоры наши целовали
Зори ранних восточных свод...
Помни, как утром рано...

2

Не забывай, как утром рано
Галопом мчались по долинам.
Под стук копыт иноходцев
Песни гор в нас влюбились.
Эхом, эхом нас они просили
Пройтись по струнам седых хребтов,
Сильно сосульками-палками
По ледникам-барабанам постучали,

Задорно, звонко под этот цокот
Иноходцы нам ритмы выбивали,
Мы земную любовь прославляли...
Не забывай, как утром рано...

ТЯГА К ЖИЗНИ

Заболел и память будто спит.
Но я не верю, спит ли память?
Если спит, что мне делать?
Это, ведь, плохо, очень плохо,
Ибо я собрал в свой кулек
Нежные краски двадцатого.
Неугомонного века моего.
И жалко будет не только мне,
Всем, кто видел во мне
Свою любовь, мечту-красу.
И, если память моя заснула,
Жалко будет не только мне.
И, если ныне по времени
Я в ступоре у бремени,
Видать, злая шутка рока,
Извлекает из жизни
Живую силу истока.
Было темно, а ныне свет так ярок,
Землю мою миражами обволок:
Планетами правит Млечный путь;
Смеется луна, лучами пронзая путь;
И мир вдруг ожил улыбками луны;
Порхает крыльями Млечный путь;
У черного куста кузнечик шепчет.
Я очень люблю глазеть, как он скачет,
И знаю, нужен я ему, пусть он скачет.
Тут, где-то рядом ручеек блеснул,
Лунным золотом меня сполоснул.
Воспрянул духом я телом и духом ныне –
Жив мой мир, в нем жив и я,
Жива моя чарующая любовь,
Вера моя скромная проснулась,
К надежде строгой коснулась.
Живительная сила истока

Язычком по сердцу цокнул –
Сладкая истома кругом.
В моем мире правит балом
Неугомонная к жизни тяга.

ЖИЗНИ СИЛЬНЫЙ ТРЕПЕТ

Коллективу Ресбольницы №2

Меня поражает, меня окрыляет эта белизна:
Белые стены, белые палаты, белые халаты...
Белые зубы, белые улыбки – все бело.
Лишь в нас забились болезни – все черно.

Во мне бьется боль, истязает по-черному,
Злостно вредит, хочет стянуть цепями.
Лишь белое здесь ведёт себя дерзко,
И веру у всех пробуждает оно крепко.

Надо из лап духоты и страданий вырвать
Мою веру, надежду, любовь – к жизни свет,
Проклятиями обросший мой скромный стишок,
Уничтожить цепкие корни злых специй черных.

Хитер, коварен боль-зверь, глубоко застрял.
Одолеть падаль, микроб телу и душе надо.
Цепляются они сильно, победить очень трудно,
Идет миг за мигом беспощадная борьба.

У стальных крепких ворот черного схрона
Из рук врача убитые падают болезни на дно.
Защитники здоровья у белого зала
Несут бессменную вахту неустанно.

Ох, эта белая, волшебная улыбка –
Доброго доктора могучая сила!
С утра меня кто-то сильно щекочет,
Во мне лопочет жизни сильный трепет!..

1.

Начинаю я писать
 На русский древний лад
 Про тувинскую рать.
 Я об этом расскажу
 Сказом, песней иль былиной.
 Повторю Ивана рассказ,
 Маршала Буденного приказ,
 Изложу прямо, как наказ,
 Про бой у села Деражно,
 Где бронбойщик Чингир-оол
 Сделал свой первый выстрел
 И немецкий «тигр» поразил,
 Что в этом бою этот выстрел
 Победным кличем стал,
 И командира первую похвалу
 Доброволец тогда получил.
 О чем тогда напевали,
 Когда после боя отдыхали:
 «Дириг ышкаш союп чоруур
 «Тигрлер» деп парлар база
 Өөдежок чувелер-дир,
 Өрттени бээр танкылар-дыр.
 Менче «парлар» халдап келзе,
 Менчевес мен, дүүревес мен.
 Моорадыр боолапкаш,
 Мойнун оора долгаптар мен».
 Далее они шутили,
 Что в утробе танка «тигр»
 Фашист-жаба восседал...

Ну, так вот вам первый сказ,
 В нем о Туве народной рассказ:
 В ту пору народная Тува
 Цветущая была страна,
 Строила днем и ночью
 На древней земле мечту,
 Слагали песню аратскую
 Про счастье и свободу свою.

И когда началась война,
Многих сынов проводила
На священную войну,
Что вела с фашистами
Советская страна.
Помощь Тувы была огромна,
Бескорыстна и щедра,
Все, что имела, на фронт отправляла,
Будто вся Тува
Из добровольцев состояла,
Заявлениями аратов
Завалены были
Столы военкоматов.

Курносые девчонки
Пели звонко и задорно:
«Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону...»
Этих песен было много
Со времен войны гражданской,
Переведенных на тувинский
Первыми поэтами Тувы.
Да, все пахло тогда
Началом сказочно нового
В жизни народа моего.
Но запели тогда «Ада-чурттуң дайынынче
Анай-карам чоруур дээн-дир...»
Отечеством называла Тува
В песнях Россию и тогда.
Свободный и смелый народ
Днем и ночью готовил в ту пору
Силу таинственную свою.

После долгого отбора,
После жаркого спора
Свой выбор закончили.
Ведь решено было в отряд
Кавалерийский брать
Самых сильных, самых ловких,
Хоть чуть-чуть, хоть и коряво
Говорящих по-русски.

Дано задание самим Буденным
 Выяснить срочно
 О тувинцах все, что ново,
 Все то, как в Кызыле
 Воинов готовят ныне.
 Их было двести восемь лучших бойцов –
 Кавалеристов эскадрон.
 И чтобы помочь им
 Постичь науку о войне
 В кратчайшие сроки
 Иван Кузнецов поехал в Туву
 Выполнять командарма приказ.
 Узнал Кузнецов очень скоро
 Про то, что тувинцы эти
 Сыны громадных Саянских гор –
 Двести восемь добровольцев,
 Двести восемь витязей грозных
 Готовились неустанно
 Страну Советов защищать,
 Красной Армии бойцам
 Помочь победу одержать,
 Фашистов силу темную
 В ратном деле одолеть.

Каждый воин-доброволец
 На ученьях скорых и жестких
 Должен навыками бойца
 В совершенстве овладеть.
 Кавалерист Кечил-оол
 И разведчик Кузнецов
 Обучали добровольцев
 Никому неведомым
 Древних воинов ударам,
 Из автоматов ППШ
 Стрелять на скаку,
 Из винтовок и наганов
 Лежа, стоя, на коне,
 Кувыркаясь, и в падении
 Поражать все цели точно.

Они познали и овладели
Всеми видами конных скачек,
Мгновенные приемы
Грозных воинов старины.
А кони были вороные,
Словно литые, боевые,
Скакуны степные,
Все ребята и девчата
Смелые и удалые,
Пели, как один, они песню
Тувинскую горловую –
Песню вольную степную,
Словно трели соловья.

3

Иван Тимофеевич Кузнецов
Знает храбрых молодцов,
Как своих родных,
Черноглазых, стройных, ловких
Тувинцев-добровольцев боевых.
И донесение тогда
Семену Буденному летит,
Что готова сила –гроза,
Фашистов бить спешит,
Что тувинцы-добровольцы
Волшебную силу добра
Направляет против зла –
Сокрушать, уничтожать
Гитлера дьявольское гнездо.

Легендарный командарм
Был сообщению очень рад,
Вспомнил, как готовил сам
Красной Армии рать.
И ждет он, как и раньше,
В восемнадцатом году,
Когда прибудет воевать
Особо обученный отряд.
Он и сам готовил спешно
Свой ударный эскадрон
Из донских и черноморских
И кубанских казаков.

Обучили их тогда
Самым-самым эффективным
Боевым приемам сложным,
Чтоб разведчики лихие
Не терялись в бою никогда,
И победу приносили
Красной Армии всегда.
А тувинский эскадрон
Подготовлен был, как надо,
И мечтал попасть на фронт.
Бить фашистов беснощадно.
Оставалось только встретить
Их в Рославле и проверить
В обстановке боевой...

Продолжение в последующих номерах.

Евгений АНТУФЬЕВ

«...ЧТОБ ЧЕЛОВЕК НЕ УМИРАЛ В ДУШЕ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА...»

Автору этих строк, большому поэту Евгению Антуфьеву в этом году исполнилось бы 65 лет. Совсем недавно в Туве были времена, когда не знать его имени, не знать его стихов считалось неприличным для интеллигентного человека. Но вот, прошло не так уж много времени с момента его безвременной кончины, а его имя стало незаслуженно забываться, как будто и не было в Туве такого поэта. Мне кажется, давно пора напомнить читателям об этом великолепном поэте и человеке.

Антуфьев Евгений Владимирович родился 25 марта 1948 года в г. Орске Оренбургской области. В 1953 году, когда Евгению было 5 лет, его родители переехали в Туву, и Евгений вырос в Кызыле и всегда считал его своим родным городом. Здесь он окончил школу, сюда же вернулся после службы в армии, здесь же получил высшее образование, окончив филологический факультет Кызылского педагогического института, здесь же прожил всю жизнь. Начав свою литературную деятельность в 1974 году, член Союза писателей России, лауреат премии комсомола Тувы по литературе, автор поэтических книг «Два возраста» (1983), «Опасная зона» (1990), «Распятие» (1992), «Беспредел» (1999) Евгений Антуфьев сразу же завоевал симпатию любителей поэзии и признание в писательском сообществе.

Я не помню ни одного человека, который сказал бы о нем хоть одно недоброе слово, а помню, как много было у него друзей самых разных национальностей, профессий и возрастов, и как они его уважали. Его связывала большая дружба со всеми писателями Тувы, он переводил на русский язык стихи В. Саган-оола, А. Даржая, Н. Куулара, З. Байсаловой,

К. Черлиг-оола и других. Его творчество высоко ценил известнейший поэт России Юрий Кузнецов.

Я помню, как он уважительно относился к тувинской культуре, хорошо знал обычаи, традиции и историю Тувы. Я помню так же, как и все, кто был дружен с ним, каким он был деликатным, но вместе с тем и принципиальным в суждениях о литературе. Я помню, как он терпеть не мог неточности в мыслях, неряшливости в строке, приблизительности в рифмах, когда речь заходила о поэзии. Четкая, почти суровая организация стиха и тонкий лиризм счастливо сочетаются в его поэзии, и читатели сами могут увидеть это хотя бы из этой подборки, в которую вошли произведения из разных книг. «Люди ко всему привыкают./ Если сами в себе умирают» – написал он в одном из стихотворений. И мы не должны привыкать к тому, что с такой легкостью можно забыть людей, привнесших в этот мир тепло и свет своих душ. Я многое помню, и много хорошего мог бы сказать о добром друге и большом поэте, но вместо этого предлагаю читателям самим прикоснуться к его лирике, чтоб «человек не умирал в душе другого человека».

Эдуард Мижит,
Народный писатель РТ

ТЬМА

Душе хотелось света и тепла.
И целый век она себе лгала,
Что нет тепла. И света нет во мгле.
И что любовь не вечна на земле.

Но вот всерьез сошла на землю тьма.
Пришлось душе всерьез сойти с ума.

В СЕНТЯБРЕ

Сметают желтую листву,
Сметают осень.
Сметают дворники молву
Сегодня в восемь.

У нас сегодня выходной,
У них рабочий.
Сметают дворники метлой
Остатки ночи.

Остатки счастья вдаль метут,
Стребают в кучи.
Они потом листву сожгут –
На всякий случай.

МЕЛОДИЯ

Ты последнюю песню допела
И меня до двери проводила.
Вот и все, что ты в жизни успела
До того, как меня разлюбила.

Падал снег обреченно под ноги,
И окно твое долго не гасло.
Жизнь за нас подвела все итоги,
Как бы ни было это ужасно.

Что тебе теперь, милая, снится?
Тень моя неприкаянно бродит.
И скрипит по ночам половица,
Как одна из забытых мелодий.

ЗАБРОШЕННАЯ ДАЧА

Этой дачи четыре стены.
Этот вид из окна в никуда.
И куда-то уходят дни,
Словно длинные поезда.

В дверь железную не стучи
И решетчатых окон не бей.
Дачу заперли, а ключи
Утеряли за давностью дней.

Дачу заперли. И всерьез
Здесь спасения душам нет.
Только звякает цепью пес,
Словно ищет за нас ответ.

ЖЕЛАНИЕ

Текла по-прежнему река.
Была исправно смена года.
Но осень, затаясь, ждала,
Чтоб заупрямилась природа.

И чтоб всегда звенел сентябрь,
Чтоб золото листвы не блекло,
Чтоб человек не умирал
В душе другого человека...

ВЫХОД

Взгляни из-под руки
На дело рук своих.
Страшны не тупики,
А выходы из них...

СЛЕД

Он против совести пошел.
Удачно выбрал брод.
Как речку,
Совесь перешел –
Теперь пускай течет.

Потом сапог промокший снял,
Обсох на бугорке.
Портянку ту же замотал –
Удобней чтоб ноге.

И прочь от речки зашагал,
Туда, где дом его стоял.
Но мокрый след от подлеца
Чернел до самого крыльца.

СИЛУЭТ

Он шел по жизни напрямик,
И не было тумана.
Но силуэт вдали возник
Граненого стакана.

Он у стакана отдохнуть
Присел, томимый жаждой.
Потом стакан взвалил и в путь
Отправился отважно.

В глазах его огонь мерцал,
И тьма казалась светом,
Когда в пути он припадал
К стакану за советом.

Чем больше из стакана пил
Он, к звездам вскинув очи,
Тем меньше оставалось сил
Для истин и пророчеств.

Сплошная тьма. Сплошная тьма.
И мир уже пустыня.
Стучит. Но заперты дома
Все для него отныне.

И одиноко он бредет.
Куда – и сам не знает.
Его никто нигде не ждет.
Не любит. Не прощает.

Он одинок. Он одинок.
Глоток. Затем еще глоток...

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью свобода пришла
И сказала, в глаза мои глядя:
– Ничего я в тебе не нашла,
Уходи от меня, Бога ради.

Уходи за моря, за леса
По тропинкам, нехоженым с детства.
Я оставлю тебе чудеса,
Как твое золотое наследство.

Только мимо любви не пройди,
Только горечь разлуки изведай.
Уходи от меня, уходи.
А потом – возвращайся с победой.

ЛИСТОПАД

Ты любишь так, как не любить бы надо.
Твоя любовь отчаянья полна.
Так любят только в пору листопада,
Когда душа, как лес, обнажена.

Так любят только раз на этом свете.
Так любят, если времени в обрез.
Твоя любовь к нему все годы эти
Была вдовой и лучшей из невест.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Скорая помощь по городу мчится,
Словно большая белая птица.
В каплях дождя ветровое стекло.
А на рассвете сладко так спится.
В белом халате судьба постучится...

Сколько ж воды с той поры утекло?

Ты прибегала на берег реки.
С визгом навстречу летела собака.
Тихо лицо проступало из мрака
И по воде расходились круги.

Каждый по кругу пошел своему.
Каждый вину свою выбрал защитой.

Чистой водою речною омыто,
Все погрузилось в житейскую тьму.

Кругом от встречи идет голова.
Боже ты мой, как же ты изменилась!
Сколько же лет ты ночами мне снилась,
И все шептала все те же слова?

Рано ли поздно судьбу изменять?
Есть в нашей встрече что-то такое...
Скорая помощь – сердце больное.
Страшно уже, обретая, терять.

Скорая помощь – ты вышла не скорой.
Мчалась по кругу за болью годами.
Но опоздала, вышло такое.
И вот уже вечность легла между нами.

Снова круги разошлись по воде.
Скорая помощь – не помощь судьбе.

ПРИВЫЧКА

Люди привыкают к нарам.
Люди привыкают к ранам.

Люди ко всему привыкают,
Если сами в себе умирают.

Бьется в раму вольная птица.
Или вылететь, или разбиться...

БЛАГОДАТЬ

Летели дни наискосок,
Как будто стаи птиц.
И оседала пыль дорог
На смуглой коже лиц.

Мы шли туда,
Где благодать
Сияла вдалеке.
Ее с земли нам не достать –
Лишь пустота в руке.

Мы шли и шли.
За лесом лес
Вздымался впереди.
Стволы стояли до небес --
Что свету не пройти.

Мы свято верили в успех
И год, и два, и три.
Мы лезли по стволам наверх --
Все дальше от земли.

Достигли мы таких высот --
Земли уж не видать.
Рукой уперлись в неба свод,
Но... выше благодать.

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Прикури и все поймешь,
Выхватив из темноты:
Обоюдна наша ложь
У подножия судьбы.

Обоюдна наша жизнь,
Чувств внезапный перехлест.
Как живешь ты, расскажи,
У подножья вечных звезд?

Как живешь ты без меня,
Столько лет со мной прожив?
С кем садишься у огня
Ты, меня не разлюбив?

С кем ты пьешь вино сейчас,
Усмехаясь краем губ?

С кем забудешь ты на час,
Что тебе на век я люб?

Все проходит.
Все пройдет.
Знаю я.
И знаешь ты.

Ах, как долго свет идет
От погаснувшей звезды...

СВЯТОЙ

Мне любовь зачтут в аду,
Если с ней я в рай не попаду.
Загудит чертей чумазый рой:
– Господи,
Да это же святой...

СПАСИБО ЗА ЧАЙ

Ты гостя полночного
Чаем напоишь.
Он чашку пустую
Подвинет на край.
И встанет в дверях,
Когда дверь ты откроешь:
– Спасибо за чай.

В нетопленных комнатах
Прошлое воеет.
Ты жизнь
Хоть с конца,
Хоть с начала листай...
Но все же в дверях
Ты столкнешься с судьбою:
– Спасибо за чай.

Оправлена осень
В оконную раму.
– Спасибо, любимый,

Что спас невзначай,
Спасибо,
Что стал ты
Уже безымянной,
Коротенькой фразой:
– Спасибо за чай.

Опять и опять
Это все повторится.
Прошу тебя, жизнь,
Ничего не меняй.
Пусть целую вечность
Как листья кружится
Осенняя встреча:
– Спасибо за чай.

ТРИ ДОРОГИ

Мальчик с усмешкой
Мне машет рукой.
Мальчик доволен сегодня собой.

Мальчик меня
Обогнал налегке.

Мальчик беспечно
Сбегает к реке.
Мальчик по улицам
Детства бежит.
Нет у него
Ни врагов, ни обид.

Чистое небо
И желтый песок.
Мальчик к развилке
Бежит трех дорог.

Вот подбежал.
По слогам стал читать.
Все-таки трудно
Судьбу выбирать.

КЛАСС

Звездное небо
Над школьным двором.
Дружно по жизни
Всем классом пойдем.

Пашка-отличник,
Куда ты, куда?
Не доводи свою жизнь
До суда.

В зоне отличник
Катает баланы,
Чтобы пилили
Кубы пилорамы.

Ванька-придуток,
А ты не дурак:
В кресле не каждый
Устроится так.
Ты в персональной
Шикарной машине
Мчишься с шампанским
К любовнице Зине.

Валька-красавица
С новым живет.
Делать седьмой ей
Придется аборт.

С грустью гляжу я
В знакомые лица.
Вовка в психушке
Успел удавиться.
Спился Андрюха.
Олег шестерит
И по ночам
Свою жизнь
Материт.

Крутит баранку
И ищет дорогу.

Ту,
Что нас выведет
К храму
И к богу...

ОПОЗДАНИЕ

Я в школу опоздал.
Я плакал в плащ отца.
Я в плащ отца рыдал
У школьного крыльца.

Я вырос. Много шел.
Мне все отец простил.

За дождь осенний тот.
За слезы на лице,
За то, что срок придет –
Я вспомню об отце...

ОТЕЦ

С работы приходил,
Снимал пиджак устало.
Казалось, вечным был.
И вдруг его не стало.

Болезнь, считал, пустяк –
Переживем и это.
Но вот висит пиджак
В шкафу... второе лето.

БЫЛЬ

Сын по кладбищу
Долго кружил,
Где могила отца –
Он забыл.

И качал головою
Отца.
И из мрака
Смотрел он на сына:
– Что ж забыл,
Где могила,
Стервец,
Или есть
Поважнее причина?

Сын могилу
Нашел, наконец,
Улыбался
С портрета отца.

ОПАСНАЯ ЗОНА

– Опасная зона, –
Вчера мне напарник сказал, –
Опасная зона!
И я в той зоне бывал.
Опасная зона!
И выхода нет из нее.
Опасная зона!
И кружит над ней воронье.

Опасная зона!
Она – словно замкнутый круг.
Опасная зона
Продажных друзей и подруг.

Опасная зона!
Как будто кто совесть задул.
Опасная зона.
Дорога уходит в загул.

Опасная зона!
Ты с маху в нее не влети.
Опасная зона
У каждого есть впереди.

Опасная зона –
Закрытый в судьбе поворот.
Опасная зона!
Пусть в зоне тебе повезет...

ДАЛЬ

Я в нашу осень
Захожу, как в дом.
И ощущаю
Времени течение.
И в этом есть
Свое предназначенье.
Когда мы в даль
Осеннюю идем.

Застеклены
Хрустальным светом дали.
И я прошу:
Меня не осуди,
Что вижу я,
Как листья облетают,
И что не знаю,
Как тебя спасти.

Я захожу
В простуженную осень.
За поворотом
Рыжим – тишина.
И тихо-тихо
Прошлое выносит
К моим ногам
Случайная волна...

БЕЗДНА

Шагнул я в бездну.
Там кишели души.
Их приютила тьма
И тихий ужас.
Во тьме кричала

Падшая душа,
В себе неся
Безжалостную муку.
Она ходила
Чаркою по кругу.
И вот пошла
По лезвию ножа.

Я в ужасе
Попятился к стене.
– Зажгите свет, –
Я крикнул бестолково.
И прозвучало
Руганью то слово,
Но свет зажегся
Все-таки во тьме.
И, заслонив
Лицо
Рукой от света,
Во тьму метнулись
Души без ответа.

И лишь душа,
Что падшею была,
От боли или света
Ожила.

Она стояла
Юная, нагая,
И улыбалась,
Боль превозмогая.

Окончен сон.
Вскочил я ошалело.
Я все забыл.
И лишь душа болела...

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

«И – ВЕЧНОСТЬЮ ЖИВЕТ ДУША»

«Иван Переверзин – известный русский поэт, автор оригинальных книг, лауреат престижных всероссийских премий, – родился и вырос в Якутии. Жестокие сибирские морозы закалили самобытный стих, яростные вьюги безжалостно выдули все лишнее, наносное, – и творчество поэта, как Полярное Сияние, засверкало яркими красками и наполнилось кристально чистыми образами. Органично, на генетическом уровне в поэзию Ивана Переверзина вошел русский миф и вознес поэта до молитвенного восприятия природы и мироустройства. Стихи Ивана Переверзина глубоко лиричны, и не случайно такие известные маэстро, как народный артист России Александр Морозов и лауреат Государственной премии Татарстана Рим Хасанов, написали на них целые циклы романсов, баллад, песен, которые звучат в исполнении золотых голосов России, – солистов Большого театра – М. Пастера, М. Давыдова, А. Валентия, а также выдающегося певца Р. Ибрагимова и оперной дивы С. Аргинбаевой». Такие слова написаны в аннотации книги «Грозовые крылья». «Книга «Грозовые крылья», – отмечает поэт Лев Котюков, – открывает читателю тайны жизни и смерти, любви и предательства, тайны вечности... Стихи Ивана Переверзина – исповедь души настоящего русского человека, исповедь открытая и сокровенная... И слышит Бог неповторимое слово Ивана Переверзина, и знаем мы, что он – поэт широкого дыхания, что владеет он тайнами самоцветного русского слова, звучна и летуча его речь, ярки и объемны его жизнеутверждающие образы... И уверен я, что поэтическая звезда Ивана Переверзина будет все ярче сиять на небосводе отечественной поэзии». «Он человек с поэтическим

первом, он чуток к любимым движениям души, чуток к любой лжи и предательству. Он везде и всюду стоит против ненависти за любовь. Поэтому тема любви занимает большую часть его творчества. Иван Переверзин как никто способен любить сильно, страстно, отдавая себя любви до конца, – пишет известный русский поэт Владимир Фирсов. – Его поэзия пронизана искренностью и лиризмом. Природа органично вписывается в стихи, и не случайно один из разделов сборника называется «Заводи берез», где поэт весь как на ладони предстает нам открытым, прямым и волевым, но и очень ранимым и печалующимся о бедах мира. Но, как писал великий Пушкин, «печаль моя светла». Так и в печали Ивана Переверзина много света».

С этими словами мы представляем читателям подборку стихов большого русского поэта, Председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов, директора Международного Литературного фонда и Литературного фонда России Ивана Переверзина.

* * *

Скудеет самобранка-скатерть.
Над полем – жидкая заря...
Мы скоро все пойдем на паперть,
все – от холопа до царя.

Какая грусть! Какая жалость!
Какая на сердце тоска!
Как будто вправду не осталось
в карманах даже медяка.

Кто виноват? Кому с досады
по морде двинуть кулаком?
А может, надо, может, надо –
остаться русским дураком?

И пусть вокруг чужие рожи,
и пусть в кармане медяки.
Но мы, мой друг, с тобою все же
не дураки... Не дураки!

Поднимемся и, как стихия,
неустрасимо рухнем вниз
на рожи, нам навек чужие,
на стаи нас грызущих крыс!..

* * *

Наступит ночь, окна коснется тень,
и развернется черная страница:
вот загнан я, как северный олень,
вот словлен я, как утренняя птица.

Спасенья нет сознанию моему,
оно в тисках печали и тревоги...
Кому я верил, те ушли во тьму,
никто не задержался на пороге.

А новые не знают, что творят,
им все равно – что человек, что свекла.
Когда ударил танковый снаряд,
по всей России вылетели стекла.

Народ нельзя при помощи полков
загнать в свободу, – знаешь ли, тупица?
Я вырвусь сам оленем из оков,
я сам взлечу, как утренняя птица.

СУХАЯ ГРОЗА

Над полем разверзлась сухая гроза,
сорвал кровлю – яростный ветер.
Во тьму друг за другом уходят друзья,
а я – все живу в мире этом.
Стихи сочиняю, дома возвожу,
валяюсь с девчатами в травах,
за вечное дело, что честно вершу,
хвалу принимаю – по праву!

И знои, и стужи – мне все нипочем,
я с ними – на ты без страха...
Хочу – и до неба достану плечом
в стихе быстроекрылом, как птаха.

Но ныне я должен, пока хватит сил
и – воли звенящей, весенней,

творить за себя и за тех, с кем делил
и пищу и кров в дни лишений...

Без грусти творить и жить без тоски –
по самому высшему – счету, –
неважно, что снег обметал виски,
что горе – стучится в ворота...

Неужто не сдюжу? А разве есть
другой путь, ведущий к победам?..
Но мне говорят моя совесть и честь,
что он им от века – не ведом.

Лежите спокойно в могилах, друзья, –
мой путь продолжается вечный...
И пусть разверзается в небе гроза
и – с воем летит – ветер встречный.

ПЛАЧ ПО ОТЦУ

Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.
И зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, –
другая – набежит – и не оставит сил...

А боль в груди остра, и горько одному...
Как будто я сражен – ударом роковым...
И, призывая свет, увижу только тьму,
в которой не найду пути к огням живым...

Коптит, а не горит – души ночной фонарь,
и лишь осталось мне пить горькое вино...
О молния! – хоть ты жизнь озари, как встарь, –
чтоб, заплутав во тьме, не канул я на дно...

Да, смерть отца – навек тяжелый, злой рубеж.,
но если я его пройти смогу, то вновь –
не встречу ли рассвет, где радостен и свеж, –
верну свои стихи, верну душе любовь?

Все в жизни может быть, лишь надо пережить
несчастье до конца, чтоб ни стряслось со мной...
И пусть Господь простит, что я, спеша любить
и верить – об отце не вспоминал – порой.

Вступаю в Божий храм, где в тайной тишине
молюсь за жизнь души отца на небесах.
Молюсь – и слезы лью, – но слышу, как во мне
жизнь новая встает в алеющих лучах...

Но зря пытаюсь я смахнуть с щеки слезу, –
другая – набежит – и не оставит сил...
Смерть забрала отца в сентябрьскую грозу.
И что теперь слова, как он меня любил.

* * *

Жизнь, ты заветна, спору нет...
Но почему тревожно плачу,
но почему до срока – сед,
как будто проморгал удачу?..

Быть может не под той звездой
родился я в ненастный час?
Ты возвратилась... только мною
любовь не правит в этот раз?

На счастье новое нет силы,
А те, что есть, верны стихам?
Но и стихи – тусклы, унылы,
как будто мир летит к чертям...

А дело в том, что сердце все же
сковала напрочь – злая боль, –
и я душой – молю: о, Боже, –
к тебе придти скорей позволь!...

Позволь!.. но, словно на потребу
какой-то тайне горьких лет,
как долго ни внимаю небу, –
молчанье – Божие – в ответ...

* * *

Живут в душе воспоминанья
о трижды проклятой войне...
От ран, на соловьиной рани, –
Отец мой умер, – горько мне...

Я пережил отца – на годы
и до сих пор сполна живу, –
примерный сын родной природы,
познавший счастье – наяву.

Но, потеряв отца – неправо,
хлебнул я горюшка с лихвой.
И – потому войне кровавой
я счет могу представить свой.

Я и представил бы, да только
нет смысла прошлым сердце рвать!
И значит надо, как ни горько,
мир вдохновенно воспевать!

Он правда – этого достоин,
хотя бы тем, что счастлив я,
что сердце бьется в непокое
любви – под пенью – соловья!

* * *

Уснуть бы мне снова скорее,
но сон не приходит никак,
Зато – все полнее, полнее –
мой взор погружается в мрак.

Поглажу жену по ладошке,
да встану, чтоб в свой кабинет
уйти и всю ночь – строчка к строчке –
слагать за сонетом сонет.

А что мне в бессоннице делать,
тем более, что в полный рост
я выплюсь, когда мое тело
свезут на угрюмый погост.

И спорить со мною не надо,
ругать меня тоже не мечь!
Одна есь на свете отрада –
во сне, как в любви, умереть.

* * *

С годами точно происходит
то изменение в любви,
когда по ней с ума не сходишь,
как в час закатный
соловьи.

Рекой времен
течешь судьбою –
широко, вольно, не спеша,
и – сердце дышит красотою,
и – вечностью живет душа.

ВЫКОРМЫШ

Что за мука! – я снова не умер!
Хотя все – говорило – о том:
и – сигналящий холодно зуммер,
и – гремящий неистово гром.

Не везет... а давно надоело
в душу горестной жизни смотреть.
Будто кончилось доброе дело –
и осталось о прошлом жалеть...

Да, я – гений, – но что в этом толку,
Если руку мне жмут дураки, –
Что болтают себе без умолку –
Аж протерли до дыр языки...

От судьбы ничего не желаю,
ибо все, что мечталось, пропел...
Никого не люблю... но прощаю
даже тех, кто меня не жалел...

И летает меж твердью небесной
и земной -- беспокойная весть,
что пришедшая в старости песня --
это чуть ли не юности месть...

Пусть однажды я все-таки сдохну, --
но заветный оставшийся стих --
не осудит ни жизнь, ни эпоху,
ведь я -- все-таки выкормыш их.

ОДНОЛЮБЫ

Милая! Я -- так тебя -- люблю!
Можно ли любить сильнее? Не знаю!
Утром с твоим именем встаю,
полночью блаженно засыпаю.

Час назад ушла ты по делам,
а мне кажется, что безвозвратно!
Подступает враз к сухим глазам
горечь слез, -- откуда? -- не понятно?

Ведь вернешься точно, знаю я,
полая солнечной улыбкой.
Слово скажешь -- и душа моя --
Запоест, как золотая скрипка...

Ничего -- от жизни не хочу:
ни наград, ни денег, ни бессмертья, --
лишь бы восходить, как по лучу,
к твоему огню -- из круговерти.

Милая! О как же ты светла!
В твою честь в душе играют трубы!
Не случайно нас судьба свела, --
видно знала, что мы -- однолюбы.

* * *

На запад дороги – давно обжиты...
Зато на Восток не достроят никак...
Юг мучает зависть и гложут обиды,
а Север – тяжелого прошлого мрак.

Но я остаюсь на земле человеком –
по духу и крови российский поэт.
Пусть голос застужен морозом и снегом,
пусть в сердце чуть теплится вечности свет...

Зажравшийся мир ожидает расплата
за годы, прожитые в долг без стыда.
Но – Русь моя в кризисе не виновата, –
претит моей Родине злая вражда...

И пусть я пою в честь грядущего славно,
не мне, а потомкам моим суждено –
поверить, что счастье совсем не обманно –
что в жизни – открыто любому оно...

И все-таки к смерти приду я однажды,
поскольку никак не могу не придти...
Но, Боже, за то, что я жив ради правды,
меня за грехи осуди!.. И – прости!

ПЕСНЯ НАШЕЙ ЛЮБВИ

С рассветом небо – сине-сине, –
что предвещает сильный зной.
Но сердце радость не покинет
поскольку ты навек со мной.

Обнявшись, приютимся в чаще,
где в десять струн звучит ручей.
И – будут поцелуи слаще,
объятия – жарче и сильнее!

Сама – под ласками моими
ты сбросишь с плеч искристый шелк.
Не зря всю жизнь любви во имя
к тебе я плыл, летел и шел.

Все тропки займёт светом --
и игицам станет не до нас...
И, может, чья-то песня спета,
но -- наша -- только началась.

СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ

Вот она -- лежит, как на ладони, --
на вершине, до сих пор жива...
Старая, еще, наверно, помнит
византийцев чуждые слова.

Многие дома стоят -- открыты,
день да ночь -- их только сторожат...
За деревней кладбище разбито,
где почти все жители лежат.

Пусть земля им, Боже, будет пухом...
Пусть царит в деревне забвенье...
Но не раз, не два -- по здешним слухам --
разорить -- пытался враг ее.

Ветер -- векового запустенья
бьет дверьми и створками окна...
За помин твой, старая деревня,
с грустью выпью доброго вина.

ГИМН ЖИЗНИ

Зябко, как в хмари холодной,
но -- солнце сияет всюду, --
и птицы поют превосходно
рядом, в сосновом лесу.

Оденусь с утра -- потеплее,
в спутники ветер возьму, --
и к речке уйду по аллее,
что в кронах таит полутьму...

Здравствуй, вода ледяная!
Летящий с горы водопад!
Как будто форель золотая
ко мне обращает взгляд!..

Как скулы вода ни сводит,
с жадностью – пью ее.
Как будто с водою входит
в душу – здоровье мое.

К обеду – у белого камня
устрою привал небольшой.
О, жизнь! Ты так дорога мне –
навек я только – твой!

Ветер – играет с речкой,
задорно, как пьяный в дым, –
свивает волны в колечки –
и катит – к ногам – моим...

ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ

Давно полвека – за плечами,
полвека целых, Боже мой!
Но, словно первый раз стихами
пою твой образ неземной.

Пою, ведь до сих пор со мною
ты вдохновенна и нежна, –
и мне не верится порою,
что ты давно – моя жена...

Моя – от пяток до макушки,
с душой, исполненной любви, –
к моим стихам, к моим веснушкам, –
и вкрик – молю тебя: живи!

Живи со мной, живи в разлуке,
что неизбежна по судьбе,
но для того, чтоб через муки
быстрее мы пришли к себе...

Пусть от любви святой, безмерной,
порой – кружится голова,
но видит Бог – любовь и верность –
для нас не праздные слова.

* * *

Пусть душу страх не беспокоит,
что в первый раз так далеко
зашел я в лес, где терпкой хвой
напиток пью, – как молоко...

Да, человека – нету рядом...
Но сколько, посмотри скорей! –
Скворцов, чьи души на порядок –
Добрей, – чем у иных – людей...

* * *

Во всем лесу свистят дрозды...
и распевают власть синицы...
Приехал я, чтоб от беды,
в заветной радости омыться.

И – воцарил в душе покой, –
в такие звездные мгновенья
строка приходит за строкой, –
и светятся стихотворенья!

Но углубляюсь дальше в лес –
по тропке горной, каменистой...
И – воздух – чудо из чудес! –
становится хрустально-чистым.

Глоток, другой – и голова –
идет, как от хмельного кругом.
И – почек клейкая листва
выстреливает друг за другом...

Сойдя с тропы, валюсь на мох,
в глубь неба прорастаю взглядом,
пусть на земле переполох
у муравьев, снующих рядом...

* * *

Рухнул неожиданно дождь проливной!
И, чтобы не мокнуть до нитки,
я сходу вбежал в подъезд чужой,
темный, как панцирь улитки...

Оттуда на улицу бегло взглянул –
и ахнул: в неведомой спешке
сквозь грома и ветра пугающий гул
дождь волнами мчался к речке!

И речка, киля, у меня на глазах
вмиг стала такой полноводной,
что, не вмещаясь в своих берегах,
хлынула в город – свободно...

Потоп! – завопил курортный народ,
и стал – где на крышах, где в скалах –
спасенье искать, моля небосвод,
чтоб дождь одолела усталость...

И – небосвод не остался глухим.
рассеял враз тучи, как стадо...
Вновь птицы запели, над миром земным
зажглась солнца чудо-лампада...

Народ ликовал, устремляя ввысь
Взгляд – светлого благодаренья.
И я вдруг подумал: от Бога – жизнь!
Дурак, кто не ждет воскрешенья!

* * *

Еще есть час, по крайней мере...
И я – хочу его прожить, –
исполненный небесной веры –
и эту веру – не убить.

В дорогу без нее не стоит
с азартом рваться никогда...
Один в потемках счастье строит –
и не достроит, вот беда.

А я - при необъятном свете
небесной веры... и, поверь,
дострою, за любовь в ответе,
без лишних горестных потерь.

Час пролетел... И отправленье
динамик громко сообщил.
Пусть не изменит мне решенье
прибыть к тебе, кого любил...

Иль разлюбил?.. Какая жалость!
А может, все-таки в крови –
хоть капля малая осталась –
горевшей солнечно любви?

Осталась! И небесной верой
мы – озарим ее с тобой,
мой верный и надежный берег,
мой вдохновенный – непокой!

НАСТРОЙ ДУШИ

Ты настрой свою душу на пенье, –
может быть, в самом деле она –
раскалится – от вдохновенья, –
как упорная сталь, докрасна...

И тогда, саму смерть побеждая,
осенит – твою душу – строка,
что, как звездное небо, без края,
что, как время, уходит – в века...

ПРЕДОЩУЩЕНЬЕ

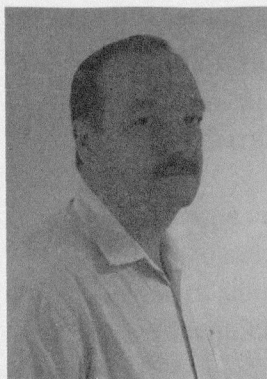
Даже в лесу – ощущается ветер –
и потому, что листва шелестит,
и потому, что в сияние света
травы разметаны возле ракит...

Ну и пускай, ведь из светлой лазури
дождь обложной до утра не пойдет.
Только бы ветер – предвестником бури
не обернулся, как в прожитый год.

Помню, тогда, если не вырывались
сосны с корнями из мокрой земли,
то гнулись так, что нещадно ломались,
надвое, натрое, – черт побери!

Ливень хлестал, как ремнями, по лицам
струями дикой холодной воды!
Страх сердце сковывал – и не отбиться
было от предощущенья – беды...

Только душа не спешила сдаваться, –
веря упрямо в земную любовь,
что расцвела ярким светом акаций, –
преодолев морозь горькую вновь...

Геннадий ЯКОВЛЕВ

ИРОНИЧЕСКАЯ (И ОЧЕНЬ СЕРЬЁЗНАЯ) ПОЭЗИЯ ГЕННАДИЯ ЯКОВЛЕВА

В литературном появлении Яковлева, безусловно – блаженной памяти ментор Козьма Прутков с его немислимыми и запредельными идеями и афоризмами, ёрнические «слёзы геральдической души» Дмитрия Пригова, тоже, кстати, издавшего свою первую книгу уже глубоко за сорок, и многое другое.

Поэт – это всегда и прежде всего собственный художественный целостный мир, который Геннадий Яковлев, безусловно, создал. Жестоко он жил, этот лирический герой: нелепый человек с мутацией характера и судьбы, шпион из Рубцовска, алкаш со свирепого бодуна – и так далее, и тому подобное до бесконечности, и всё это маска, театр одного актёра и одного зрителя, театр полного абсурда, но – образный, яркий, глубокий и зрелищный. Я смотрела, смеялась, пугалась, и думала, что спектакль кончится, деньги кончатся, жизнь кончится, проигрыши неизбежны, но он понимает, что нельзя проиграть в самом главном, потому что страшнее не грех, а бесстыдство после греха. За всем этим зубоскальством, пожалуй, чересчур много боли, ощущаемой почти физически.

Слова создают мир и они же его разрушают. Литература должна поражать. Поэзия – это всегда речь в чрезвычайной ситуации. И хотя путешествие в прошлое – это путешествие по территории фантомов, память равна воскрешению. Всё началось с детства, в котором пацан разгружал вагоны. Всё закончилось детством, когда девочки спасли ежа. Между этим – почти вся человеческая жизнь, за исключением этой книги.

От искусства в вечности остаётся одна метафора. Ценятся только те,

кто создаёт стиль. С чувством уважения закрываю последнюю страницу и рекомендую книгу Яковлева «Неполное собрание сочинений» друзьям. В книге несколько циклов стихов, самый из них, на мой взгляд – «Лошадка», который и рекомендую читателям «Улуг-Хема».

Галина Принцева

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДКА

ЖЕНЩИНА И ПОДАРОК

Я купил тебе на праздник
скромный бриллиант.
Евр на крупный не хватило,
мало в нём карат.

Но грустила ты недолго –
лишь четыре дня.
А потом меня простила.
Любишь, знать, меня.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В десятке христовых заповедей
и во семи грехах
искал я слово "предательство",
но не нашёл никак.
Нету слова того,
лопни ты хоть, хоть тресни.
Выкинуто оно
из божественной песни.
То ли его украли,
то ли забыли "предательство".
Стали тому итогом
печальные обстоятельства.
Ученик предал учителя,
отдал на поругание мучителям,

евреи убили еврея:
сына бога – богоизбранные.
Ну, а нам-то что остаётся?
Право, странные вы...

СТИШОК

Зарыли деда в землю – поплакали.
и маму зарыли – повыли.
И меня в срок зарюют – не так ли?
Вроде как хватит, пожили.

Потом детей зарюют и их детей
песочком присыпят без затей.
Рюют и роют. Воют и воют.
Дурдом какой-то.

РУБЦОВСК

Нету покоя-порядка в стране.
И оттого нет и мне передышки.
Жизнь-то, родные, не только в Москве.
Только вот в прессе об этом не пишут.

Нет, не опишет всю правду статистик
о площадях черноземной земли...
Встали заводы, деревня погибла
и заскорузли у многих мозги.

Воют и пьют и русак, и татарин,
и по привычке, и просто с устатку.
Хитро устроил их жизнь новый барин –
вроде все есть, только нету достатка.

Воет народ, абы как выживает.
Строем стоят Ярославны в ночи.
С края до края – куда ни поглянешь –
вектор подобный. Лечи – не лечи...

Хоть аллопатией, хоть автоматом
их терапируй. Да мало людей,
кто санитарями в эту заразу
смело войдут и останутся в ней.

Сыро, темно, нет просвета в ночи.
Сколько умов здесь себя загубило.
Да не горюй ты, браток, погоняй –
вскоре нас всех заровняет могила.

ТОТ, КТО ВЫЖИЛ

Ангел с крылом или дьявол с копытом...
Бьются две армии. Поле могил.
Трусость и подвиги будут забыты.
Всё относительно.
Прав тот, кто выжил.

Яду насыпал иль в сердце вбил клин;
Может, в блокнот аргументы копил...
Правым всегда бывает один.
Всё относительно.
Прав тот, кто выжил.

Это закон. Может, вам неприятно?
Выжил тайком иль порвал метры жил.
Если живой, то и так всем понятно,
Что абсолютно прав он –
тот, кто выжил.

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА

Мы с этой женщиной видимся не часто.
Раньше виделись чаще.
Расстояния, годы. Семья.
Добыча пищи. Начальство.

Но когда увидимся, то и про голодные годы,
и про дефолт, и про детишек,
и про то, о чём в книгах не пишут.

Можете её судить строго,
а можете меня судить.
Больная у нас разница в возрасте,
но всегда есть нам что выпить и о чём поговорить.
Да, забыл сказать – дефолт был с керенками,
а голод еще до Войны.
Она – моя любимая бабушка.
И мы с ней дружны.

БАБУШКЕ

Много лет были вместе над поверхностью почвы,
а завтра разойдёмся до встречи.
Ушла любимая женщина
ждать меня, как всегда.
До свидания.
Никто не вечен.

ЛОШАДКА

Залез я на крышу,
а на чердаке –
лошадка с поломанною ногой.

И я её вспомнил –
на ней я скакал,
когда мне три года было.
Грустно такое найти,
когда тебе пять уже.

Но ничего не вернуть.

НА РЫБАЛКУ ВТРОЁМ

Васька, ты помнишь – землянка была?
Нет, пап, овраг здесь другой.
Тут мы вот с бабкой на поле ходили
и за веревку тебя привязали ногой.

Ты маленький был, корку хлеба оставим,
и ползай весь день напролёт..
придем и покормим – а что было делать?
Тогда на Алтае весь жил так народ.
Глянь, Ген, тележная ступица здесь..
Так мы втроём проезжали предгорья –
дед мой, отец и аз есьмь.

ПИ-МЕЗОНЩИНА

Стоит один (не два) в Сибири город;
и иногда мне кажется, что зря.
Ведь, если бы его там не стояло,
то так же бы вращалась Земля.

И, если штат, ну, скажем Колорадо,
электро- иль магнитно ли уйнуть,
то это никому не помешает
Проснуться утром или вечером заснуть.

Мы все живем, как никому не нужные.
Что год мы проживём, что пятьдесят.
А пи-мезоны – падлы равнодушные –
сквозь нас безжалостно летят.

МАМОНТЫ

Слышь, подруга, этот приходил,
ну, ты знаешь – вечно, блин, нечёсан.
Чо хотел – опять не говорил
и не отвечал мне на вопросы.
Бивни жёлтые и уши волосаты.
Вобщем, был он мною, блин, послатый.
А с другой-то стороны – кого нам выбирать?
Мы же мамонты, ыыы, мать нас перемать.

ВСЁ ПО ЗАКОНУ

Года отпущены в аренду,
всё остальное лишь в кредит.
Придут архангелы лихие,
чтоб накладную предъявить,

возьмут по акту передачи
года, имущество, долги.
Враз перепишут на другого,
а ты и пикнуть не моги.

ЛЕЖАНКА. СТЕНЫ. ПОТОЛОК

Мы все живем, как будто вечны,
на много лет у нас расклады.
Но не дано предугадать,
где ждёт последняя засада.

И, видно, тот угоден богу,
чей путь закончится мгновенно.
Но чаще всё ж бывает так –
сопровождают в путь нас стены.

Лежанка. Стены. Потолок.
И неостывший котелок.

Глаза не видят, мысли бродят.
Ослабло тело. Разум жив.
Зачем ты жил на белом свете?
И мыслей ход нетороплив...

Ничто ты изменить не в силах.
Поймал тебя твой личный рок.
И вот лежи теперь и думай.
Лежанка. Стены. Потолок.

Блажен, кто каждый день живёт
так, как прожить его бы мог.
Не забывайте ни на миг:
лежанка. Стены. Потолок.

ЗА ПЕЧКОЙ

Есть две вечности – жизнь и нежизнь
и обе они одинаково вечны.
Колбасимся и колбасимся.
Плодимся, как тараканы за печкой.

Есть академики-тараканы,
а есть тараканы-падлы,
но всё равно за печкой...
Пришёл хозяин – печку побелить надо бы.

ОКНО ВО ВСЕЛЕННУЮ ДУХА

О жизни и творчестве живописца Шоя Чурука

«Помню, в детстве – мне тогда было, наверно, около 4-5 лет – я был в чабанском аале своего дяди Чанчыыдай Шываадыра в местечке Кара-Хая моего родного Эрзинского кожууна. Ждали машину, чтобы переехать то ли на летовье, то ли на весеннее стойбище. Скот погнали на стойбище загодя, юрта была уже разобрана и сложена, поклажа собрана, но машина приехала поздно. И мы отправились в путь под вечер. Ночью нас настигла гроза с проливным дождем и ураганным ветром, и мы заблудились. Тьма кромешная, дождь и мокрый песок сыплются со всех сторон, ветер пытается сорвать с машины людей и поклажу и раскидать по степи, изредка сверкают молнии, да крохотный в этой буре тусклый свет фар бледнеет впереди... Вот это была ночь!... Чудом наткнулись на какой-то аал, и юрта, в которую мы тогда вошли, показалась мне самым теплым и прекрасным во всем мире жилищем, а люди, приютившие нас, – самыми добрыми и приветливыми из всех, кого я видел в жизни...»

Наутро, как у нас говорят, на птичьей заре, то есть, когда солнце еще не взошло, и лишь край неба начал белеть, мы встали, поблагодарили хозяев и прибыли на стойбище дяди. Когда взрослые ставили юрту, я пошел осмотреть окрестности. Солнце только-только поднималось на востоке. И вот тогда, на рассвете, взойдя на песчаный холмик, я вдруг обомлел... Передо мной сверкало огромное море – это озеро Тере-Холь. Представь себе крохотного мальчика, стоящего перед зеленым озером посреди красноватых песчаных холмов, тянущихся во все стороны без конца и края, мальчика, окутанного чистым холодным воздухом и золотыми лучами восходящего солнца, мальчика, глядящего в немом восторге то на синее-синее небо, то на красновато-желтые волны песчаных холмов, где-то там вдальке смыкающиеся с небом, то на гладь озера, сверкающего на солнце зеленовато-серебристым блеском... Вот так я тогда стоял, окруженный бескрайностью неба, земли и воды. Я не мог пошевелиться, не мог дышать, не мог думать, я весь превратился в одно только зрение и глядел, глядел... Для кого-то этот пейзаж, может, покажется скучным и однообразным, но то, что я впервые тогда увидел, – вся эта бесконечность, все эти цвета и все, что таится за ними, – навсегда вошло в мое сердце. Потом я много

раз видел все это в разные времена года, видел, как озеро становится серебристо-серым, синим или молочно-белым, а степь – золотисто-желтой, видел, как бескрайняя холмистая степь покрывается чистым белым снегом и задумчиво сверкает под сероватым зимним небом. Только белая степь, серое небо и ни одной чернеющей точки, даже юрт не видно...» – говорит Шой Чурук вдохновенно...

И я начинаю понимать, что, возможно, в этот момент перед ним впервые открылось окошко во что-то безмерное и прекрасное – окошко во Вселенную. Возможно, воспоминанием об этом моменте окрашена его живописная работа «Воспоминание коновязи», которая представлена на стр. 4 обложки нашего журнала. Рыжевато-желтая степь с разбросанными там и сям кустами то ли перекати-поля, то ли золотистого караганника, который тувинцы называют хола-хараган, что значит медная карагана. Посреди этой ровной степи стоит одинокая коновязь, на вершине которой развевается на ветру ленточка синего цвета, – цвета, символизирующего небо. И все это освещено почти молочно-белым светом занимающейся зари, посылающей во все стороны свои золотые лучи. Вся картина решена самыми разными оттенками желтого цвета так, что весь пейзаж словно купается в золотом свете. Но, несмотря на яркий теплый цвет, заливающий все, вся картина подернута неуловимым светом глубокой задумчивости, легкой дымкой грусти, подчеркнутой движением синей ленты, создающей впечатление, что коновязь машет кому-то вслед...

Герой моего очерка – талантливейший живописец Тувы Чурук Шой Улзайович – родился 26 февраля 1967 года в селе Эрзин Эрзинского кожууна в семье простого труженика Чурука Улзая Сереновича и бухгалтера районного отдела народного образования Чурука Чечек Шагжаановны. Шой – третий ребенок в семье, в которой помимо него родились две его старшие сестры и младший брат.

«Кроме того впечатления в раннем детстве, ничего не говорило о том, что я когда-либо заинтересуюсь живописью, – вспоминает Шой. – Я рос, как и все, учился в школе, играл с друзьями, в дни каникул и на все лето уезжал в аал к своему дяде, помогал пасти овец и т.д. Правда, мама записала меня в музыкальную школу, в класс баяна, но это для меня было совершенной мукой – я не испытывал никакого интереса к баяну. Но в один прекрасный момент на базе музыкальной школы открыли отделение рисования, и я сразу же поступил туда. Открыл его мой учитель Седипков Алексей Доржуевич. Занятия начинались в 3 часа, и я буквально минуты считал до этого часа. Во мне что-то шевелилось, словно в животе завелся червяк, и меня подмывало тут же вскочить и со всех ног бежать на занятия – так мне там нравилось. Там было очень интересно, учитель каждый день открывал нам что-то новое, водил на пленэры по окрестностям села. К тому же в отделении рисования я учился с другими ребятами, а не с одноклассниками, которых видел каждый день и про которых все уже знал.

Ребята были разных возрастов -- кто постарше меня, кто помладше. К тому же, мы ведь не только учились рисовать, но и играли, купались в реке, просто баловались и общались. В отделении рисования я учился тогда с Баранмаа Александром Насовичем (ныне он известный в Туве и России художник, скульптор-монументалист, председатель правления Союза художников Тувы), Мажаа Орланом Кыргысовичем и многими другими. Через 2 года Алексея Доржуевича призвали в армию, ведь он, когда открывал класс рисования, был совсем молодым парнем. Видимо, и по этой причине нам было так весело и увлекательно с ним. Выпускал меня уже второй мой учитель Дондуп Анатолий Иванович. Я не заметил, как пролетело 4 года обучения в отделении – так я был увлечен. Окончив 8 классов в 1982 году, я тут же поступил в Кызылское училище искусств. Окончив училище в 1986 году, работал учителем рисования в Эрзинской средней школе, оттуда меня призвали в армию, служил в Туркмении в специальном подразделении, куда отобрали тех, кто имел образование. После службы в армии я какое-то время проработал преподавателем отделения рисования музыкальной школы, отделения, в котором сам же и учился. Затем в поисках чего-то нового, интересного поступил в Омский технологический институт, учился на модельера, но быстро понял, что это не мое. Да и ребят в то время там было мало, одни девушки – не с кем поговорить по-мужски, что для простого сельского парня довольно непривычно, – смеется художник и продолжает. – Вот я и оставил институт. Затем женился. Потом родился сын. Жена – Байырмаа Лагбуужаповна окончила Кемеровский медицинский институт. Как начала работать в Статуправлении, так по сей день и работает там директором, сейчас это Государственный медицинский информационно-аналитический центр Республики Тыва. Сын уже большой, заканчивает экономический факультет Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в Новосибирске.

Когда женился и когда сын родился, начались, как теперь называют, «лихие 90-ые», и я вынужден был уйти в коммерцию. Тогда все выживали, как могли и умели. В это время я много работал как художник-оформитель, занимался дизайном – этим и зарабатывал. Но и этот период дал мне многое – я искал и нащупывал путь к лаконичному выражению идей через знаки и символы. Я не люблю копировать действительность, тем более, лакировать ее, наводить глянец. Вот вкратце и все, наверно, о себе».

Это нежелание копировать и лакировать действительность видно во всех работах Шою Улзайовича, которые были представлены на суд зрителей на персональных выставках сначала в 2012 году, затем в этом – 2013 году. Кроме этого, он участвовал на таких крупных выставках, как «Сибирь-Х» в г. Новосибирске (2008), на международной выставке в г. Эдирна, Турция (2008), республиканской выставке в г. Красноярске (2009), региональной выставке «Две реки: Иртыш и Енисей» в г. Красноярске (2011). Он стал

одним из победителей республиканского конкурса, посвященного 90-летию образования Тувинской Народной Республики в номинации «Живопись» своей картиной «ТАР».

Он всегда ищет то, что находится за видимой действительностью, внутреннюю суть вещей и явлений, их историю, духовные глубины. Возьмем, к примеру, картину «Серебряная торока». На первый взгляд, там изображен самый обычный для тувинского кочевого обихода предмет – торока с кожаным ремешком и орнаментированной серебряной подвеской, к которой крепится груз. Но мы видим, что здесь что-то все-таки не так. Это покрытый сакральным орнаментом продолговатый прямоугольник, видимо, указывающий на то, что это подседельник на орнаментированном фоне. Причем, во всей картине древний тувинский орнамент гармонично сочетается с буддийским. Также сразу бросается в глаза длина кожаного ремешка тороки, что не характерно для настоящего предмета обихода.

«Извивающийся длинный ремешок – это моя мысль об истории этого предмета. Сколько лет используется торока, сколько у него было хозяев, может быть, несколько поколений одного рода передавали его от отца к сыну, – говорит Шой Улзайович. – А ведь каждый человек – это целая история, наполненная не только внешними событиями, но и неповторимой внутренней жизнью духа. Поэтому я намеренно удлинил ремешок. Кто не понимает идеи картины, конечно, скажет, что не бывает такой тороки. Но я не ставил себе задачу написать только тороку, т.е. скопировать ее с натуры. Сочетая древний тувинский и буддийский орнамент, прямоугольником только намекая на подседельник, удлиняя ремешок, говорю об истории народа, о его духовном пути».

Так, на полотнах Шоя Чурука любой бытовой предмет превращается в некий образ, наполненный глубоким смыслом, в емкий многозначный символ. Так же, как в картине «Ожидание», и пейзаж может превратиться в абстрактные квадраты желто-коричневого, красного и темно-красного цветов. Мало кто вначале поймет, что квадраты символизируют песчаные барханы, но изобрази художник барханы такими, какими они существуют в реальности, зритель не до конца проникся бы идеей картины. В центральном квадрате мы видим лежащего верблюда и древнюю каменную скульптуру, а взглядевшись внимательнее, замечаем, что фигура верблюда исполнена в древнескифском зверином стиле, с ее закругленными линиями, с подогнутыми конечностями животных и т.д. Это не просто верблюд и статуя, это знак самой древности, вечности жизни. И может, эта тайна вечности из века в век ждет, когда же к ним кто-то подойдет, посмотрит неравнодушным взглядом, притронется к ней и даже, возможно, попытается проникнуть в нее пытливым умом. И так, возможно, и откроет миру эту тайну. Да, это поистине великое ожидание!

«Когда я всматриваюсь в какой-то предмет или пейзаж, я всегда пытаюсь разговаривать с ними, хочу спросить «Расскажи мне, что там у тебя внутри, что у тебя на сердце?» и всегда пытаюсь вытащить наружу то, что там спрятано, – их смысл, настроение, душу, скрытую за видимыми цветами, формами, линиями... – и передать все это светом, цветом, знаком и символом. Отсюда, наверно, мое влечение к абстракции, но я не считаю себя чистым абстракционистом в том смысле, в каком все привыкли понимать приверженцев этого течения в искусства. Я сам по себе, – объясняет Шой Улзайович. – Я долго искал свою технику, свои мотивы, а, может быть, одновременно и себя самого, то, что скрыто внутри меня самого. Я долгое время как бы спрашивал себя: «Расскажи мне, Шой, что таится у тебя внутри, что у тебя на сердце? О чем ты думаешь, чем живешь, чего ты хочешь?» В результате получилось то, что вы видите. Посмотрев мои работы, одни называют меня абстракционистом, другие – символистом, третьи – авангардистом и т.д. Не отрицая мнения ни тех, ни других, я хотел бы сказать, что, вооружившись техническим арсеналом этих и других течений, я всегда пытаюсь прорваться к чему-то более значительному. Самовыражение с помощью всяких «изм»-ов не для меня, не мое это».

Я тоже всегда считал и считаю, что подлинная цель искусства не самовыражение, а выражение чего-то, находящегося выше. А это понимание требует не простого изображения, а преображения действительности. И именно сила преображения превращает самые обычные предметы и явления в знаки и символы. И именно чудом преображения можно объяснить магию картины «Окно во вселенную», в которой мы видим белеющий полумесяц и его мягкий свет, проникающий к нам сквозь дымовое отверстие тувинской юрты. Но и здесь мы видим, что изображение дымового отверстия и свода юрты не совсем каноническое. Решетка отверстия отсутствует, прутья (по-тувински – ынаа) свода юрты не оканчиваются у обруча, а идут дальше, туда, где разливается лунный свет. Также и свод, а может, и стены юрты представляют собой некое полотно, заполненное разноцветными геометрическими формами. Все это вкупе с устремленными ввысь прутьями-ынаа создает ощущение вовлеченности в тайны мироздания, в тайны космоса, неотъемлемой частью которого мы чувствуем себя, находясь перед этой картиной. Такое же ощущение рождается и от картины «Восход», где солнце встает прямо перед зрителем, между восходящим солнцем и зрителем находится угол загона для скота, обращенный к нам внешней стороной. Обычная оградка с деревянными перекладинами разной длины, концы которых как бы пытаются обнять зрителя и пригласить внутрь картины, внутрь этого прекрасного события – восхода солнца, пригласить, чтобы мы увидели все величие мироздания, осознали себя гармоничной частью мира, космоса, вечного бытия, пространства и времени. И свет восходящего солнца как бы подталкивает нас к этому светлomu прозрению...

И тут я подхожу к мысли о том, что творчество Шоя Чурука на данном этапе – это стремительный прорыв во вселенную, в космос, но в космос не как физический объект, а как духовный мир. При этом мы явно видим, что речь идет не о воззрениях какой-то отдельно взятой личности, а о духовном космосе родного народа художника. Тувинская духовная вселенная – вот что мы видим, всматриваясь даже в самые обычные пейзажи и изображения бытовых предметов на его картинах, не говоря уже о тех, где мысль выражена более явно.

Возьмем, к примеру, картину «Дорога к жизни», где среди разноцветных квадратов, овалов и треугольников по спиралевидной траектории летят птицы, летят куда-то вдаль, забираясь все выше и выше.

Или возьмем работу под названием «Воин огня», которая представлена на первой странице обложки нашего журнала. На ней изображен совсем не канонический шаман. На нем шаманская маска, рукоять бубна превращена в лук, а в правой руке шаман вместе с колотушкой держит стрелу. Таким образом, бубен превращается в некое мистическое духовное оружие, а сам шаман является духовным воином – воином огня. А огонь и свет, согласно древним тувинским религиозно-космологическим воззрениям, являются неотъемлемой частью Тэнгри – Неба-Отца.

Также шамана мы видим на картине «Шаман-лиственница», но здесь он изображен как часть шаман-лиственницы, которая проходит через всю вселенную и уходит в небесные сферы. Это символ мирового древа, оси вселенной. Шаман стоит прямо посреди зрачка гигантского глаза божества. Причем глаз изображен трехслойным, видимо, символизируя три мира духовного космоса древних тувинцев – Верхний, Средний и Нижний, а также способность видеть все три мира целиком.

«Меня в искусстве всегда привлекали не частные догадки людей, какими бы они интересными ни были, – признается сам художник. – Мне всегда было интересно проникать в смысл культуры, истории, философии, искусства и духовности своего народа, проникать и проникаться самому духом своих предков. А для этого необходимо ухватить суть народного духа и в большом, и малом. В традициях и быте, в мифах и песнопениях, в петроглифах и орнаменте – во всем тувинцы выражали свой духовный мир».

Эти слова поразили меня тем, что оказались созвучными моим мыслям о том, что полотна Шоя Улзайовича – это философские поэмы и древние песнопения, перекочевавшие на холсты. Причем внимательный читатель, наверно, обратил внимание на то, что размеры его холстов, как правило, составляют в среднем 120x100 см. На холстах меньших размеров, мне кажется, его идеи звучали бы не так сильно или совсем не звучали бы. Внимательно рассмотрев его работы, можно сразу же отметить, что в них огромную роль играет орнамент. А ведь испокон веков все народы именно в орнаменте выражали свои знания о вселенной, о жизни, о времени, именно

орнамент отражал чаяния народа о счастье, о противоборстве силам зла и тьмы, о содействии победе светлого начала, гармоничного устройства мира и т.д. Емкий, лаконичный и сокровенный язык орнамента органично сочетается с таким же емким языком древних петроглифов, скифского звериного стиля, древних каменных изваяний, со стилем орхоно-енисейских надписей древнетюркского периода, техникой буддийского искусства и со свободой современного авангарда, создавая тот неповторимый мир – мир живописца Шоя Чурука. В доказательство своей мысли укажу, к примеру, на работы «Мистерия Цам», «История предков», «Телега времени», «Символ красного арата»...

– Вот вы долго искали и нашли свою манеру, технику, стиль, колорит, свою тему – это прекрасно. Это удастся очень немногим. Ведь большинство людей, занимающихся творчеством – художники, писатели, композиторы – так и не находят того, что сразу отличило бы от других. Как вы думаете, – спросил я Шоя Улзайовича. – Вы всю жизнь будете привержены тому, что раз и навсегда найдено вами?

– Нет, конечно, я надеюсь, что меня впереди ждут и другие находки, другие темы и мотивы. Я не хочу застыть на месте, повторять самого себя, без конца тиражировать себя. Я нахожусь в постоянном поиске. Но, честно признаться, я только-только прикоснулся к этой теме. Вы же сами прекрасно понимаете, что духовный космос – это практически неисчерпаемая тема. Возможно, она потребует всей моей жизни, все мои душевные силы. Я пока не знаю. Но я понимаю, к чему вы ведете, – смеется он. – Я думаю, что застыть, забронзоветь мне не даст сама тема. Но и находясь внутри этой великой темы, можно искать и находить новые способы выражения, новые сюжеты, новую технику и т.д. Ведь и сама история мирового искусства подтверждает это, ведь все люди искусства – писатели, композиторы, художники, режиссеры, артисты – находят что-то свое, а потом всю жизнь совершенствуют это, стараясь достичь вершинных результатов. Но повторяю, может, мне удастся найти что-то совершенно другое. Ведь это мечта любого по-настоящему творческого человека.

– А что вы можете сказать о современном состоянии живописи в Туве?

– Мне грустно, что даже студенты и выпускники колледжа искусств не интересуются живописью. А ведь живопись – это вершина среди всех видов профессионального изобразительного искусства, точно так же, как симфония является вершиной в музыкальном искусстве, как поэма – в поэтическом, как опера – в вокальном, как балет – в танцевальном и т.д. Я очень люблю камнерезное искусство Тувы, уважаю мастеров, в руках которых кусок агальматолита превращается во что-то прекрасное, но я также думаю, что не стоит нам ограничиваться только народно-прикладным искусством. А наши молодые не очень охотно идут по пути профессионального искусства. Может быть, это связано с тем, что здесь

очень трудно найти что-то свое, может быть, с тем, что на этом особо и не заработаешь. Это путь только для очень преданных своему делу людей. И именно своей преданностью искусству, неиссякаемой энергией поиска и творения меня поражают великие художники. Они могут всю жизнь прожить в бедности, как Ван Гог, но никогда не свернут со своего пути.

– А как и чем вы живете теперь, отказавшись от своих прежних заработков? Ведь вы в настоящее время все свое время посвящаете только живописи, и это подтверждает то, сколько работ вы сделали за короткое время. Осуществить две полноценные выставки за два года – это мало кому удастся.

– Это все стало возможным, благодаря моей супруге. Она в какой-то момент поняла, что я без этого уже не могу жить. Я бесконечно благодарен ей за то, что она мне позволила заниматься только чистым творчеством, пусть оно никаких доходов и не приносит. Наоборот, одни расходы. Холст, краски, кисти и многое другое с неба ведь не падают. Но ведь не хлебом единым жив человек. Да и в погоне за материальным благополучием очень легко потерять себя, свою душу и совесть. А я столько всего хочу сделать, почти каждый день работаю в мастерской, и то не успеваю воплотить все замыслы. А ведь меня никто не гонит, не торопит, не требует отчета.

– Да, с супругой вам определенно повезло. Кстати, поклон ей от меня и от всех ценителей вашего творчества! Благодаря супруге, у вас есть возможность полностью отдаться творчеству, и то, о чем мечтает любой творческий человек, для вас – реальность. А о чем-то еще вы мечтаете?

– Конечно. Ведь человек без мечты, как птица без крыльев. Я давно и сильно мечтаю о создании картинной галереи в Туве, где были бы собраны все лучшие работы художников Тувы. Я многим бизнесменам, имеющим реальную возможность создать галерею, предлагаю самые разные варианты. Но, как правило, все они в первую очередь задают вопросы: «А сколько мне придется потратить? Во сколько обойдется содержание галереи? А это будет приносить прибыль?», и продолжение разговора становится почти невозможным. Создавая галерею, человек, во-первых, оказывает великую неоценимую поддержку искусству родного народа, во-вторых, он оставляет свой неистребимый след в истории, в-третьих, получает огромные моральные дивиденды, несравнимые ни с какими деньгами, в-четвертых, при умелой организации может иметь и финансовую прибыль. А создание галереи, если посчитать, не требует каких-то астрономических затрат. Может быть, прочитав ваш очерк, кто-то заинтересуется моим предложением. Я всегда готов помочь советом и реальными действиями такому человеку, ведь у меня столько идей относительно того, как создать галерею, как организовать ее работу, как, по возможности, сделать ее прибыльной. Вот и вы уже предложили несколько вариантов. Если творчески подходить к этому делу, можно создать, как теперь принято говорить, достойный бренд нашей республики.

Также я мечтаю о том, чтобы искусство Тувы во всех ее родах, видах и направлениях стало известно всему миру. Ведь у нас реально есть, что мы можем с достоинством предложить миру. И в связи с этим мне хочется сказать многим: «Давайте, перестанем хвалиться только своим прошлым, своей великой историей. Да, в самом деле, у нас великая история. Знать и ценить свою историю, гордиться деяниями и наследством своих предков необходимо, но не стоит ограничиваться лишь этим. Иначе духи предков и будущие поколения нас попросту не поймут. Давайте сегодня делать что-то, приумножать то, что оставлено нам предками. И тогда мы будем хоть и немногочисленным, но великим народом, великим не только в прошлом, но и в настоящем и будущем.

Что ж, лучше и не скажешь. Лишь остается добавить, что я всей душой считаю – культура и искусство Тувы вполне способны стать одним из ярких мазков на полотне мировой культуры и искусства. Также добавлю, что мечта – самая великая вещь на свете, мечта и есть двигатель творческих сил человечества, без мечты мы все в одночасье станем бездушными поглотителями пищи, потребителями достижений культуры и цивилизации. И я желаю Шою Чуруку осуществления его мечты, а еще больше не терять способности мечтать! А вам, уважаемые читатели, желаю приятного и вдохновляющего знакомства с его творчеством, малая часть которого представлена на цветном вкладыше нашего журнала!

Эдуард МИЖИТ,
Народный писатель Республики Тыва

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Александр ДАРЖАЙ. Яма. Повесть.....	3
-------------------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Эдуард МИЖИТ. Стихи

Цикл «Разве не чудо..?»

«Одарив своим...».....	49
«Несколько дней...».....	50
«Каждую ночь...».....	50
«Ночами...».....	51
«Я бы этому ни за что не поверил...».....	51
«Теплый ветер...».....	52
«Разве не чудо...».....	53

Из неизданной книги «Суровое чудо зеркал»

«Дни и ночи, дела и заботы...».....	54
«Что оптимисты пишут плохо...».....	54
«Ты, мое детство, суровое детство...».....	56
«Тихо-тихо догорает в седловине гор закат...».....	56
«Прощать себя? – да что за вздорная идея?!...».....	57

ПРОЗА

Нина ЧЫРГАЛ. Рассказы

Готов ради него на все.....	58
А Саврасый ушел воевать.....	67
Хайыракан.....	70

ПОЭЗИЯ

Эрес-оол ХАЯН. Стихи

Помни, не забывай.....	76
Тяга к жизни.....	77
Жизни сильный трепет.....	78
208. Сказ о тувинских добровольцах.....	79

ПАМЯТЬ

Евгений АНГУФЬЕВ. Стихи.....	84
Тьма.....	85
В сентябре.....	85
Мелодия.....	86
Заброшенная дача.....	86
Желание.....	87
Выход.....	87
След.....	87
Силуэт.....	88
Этой ночью.....	88
Листопад.....	89
Скорая помощь.....	89
Привычка.....	90
Благодать.....	90
Все пройдет.....	91
Святой.....	92
Спасибо за чай.....	92
Три дороги.....	93
Класс.....	94
Опоздание.....	95
Отец.....	95
Бышь.....	95
Опасная зона.....	96
Даль.....	97
Бездна.....	97

ГОСТЬ «УЛУГ-ХЕМА»

Иван ПЕРЕВЕРЗИН. Стихи.....	99
«Скудеет самобранка-скатерть...».....	100
«Наступит ночь, окна коснется тень...».....	101
Сухая гроза.....	101
Плач по отцу.....	102
«Жизнь, ты заветна, спору нет...».....	103
«Живут в душе воспоминанья...».....	104
«Уснуть бы мне снова скорее...».....	104
«С годами точно происходит...».....	105
Выкормыш.....	105
Однолюбы.....	106
«На запад дороги - давно обжиты...».....	107

Песня нашей любви.....	107
Старая деревня.....	108
Гимн жизни.....	108
Любовь и верность.....	109
«Пусть душу страх не беспокоит...».....	110
«Во всем лесу свистят дрозды...».....	110
«Рухнул неожиданно дождь проливной!...».....	111
«Есть еще час, по крайней мере...».....	111
Настрой души.....	112
Предошущенье.....	112

ГОСТЬ «УЛУГ-ХЕМА»

Геннадий ЯКОВЛЕВ. Стихи.....	114
-------------------------------------	------------

Цикл «Деревянная лошадка»

Женщина и подарок.....	115
Предательство.....	115
Стишок.....	116
Рубцовск.....	116
Тот, кто выжил.....	117
Любимая женщина.....	117
Бабушке.....	118
Лошадка.....	118
На рыбалку втроём.....	118
Пи-мезонщина.....	119
Мамонты.....	119
Все по закону.....	120
Лежанка. Стены. Потолок.....	120
За печкой.....	121

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ИСТОРИЯ

Эдуард МИЖИТ. Окно во вселенную духа.	
О жизни и творчестве живописца Шоя Чурука.....	122

Литературно-художественное издание
«УЛУГ-ХЕМ»

Редактор выпуска: **Э.Б. Мижит**
Ответственный секретарь: **Р.Д. Лудуп**
Верстка: **А.Э. Мижит**
Корректор: **А.А. Кужугет**

Журнал отпечатан в типографии ООО «Кооператив «Журналист»,
Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71.
Сдано в набор 10. 09. 2013 г. Подписано в печать 07. 11. 2013 г.
Свободная цена.

ГАУ «Редакция журнала «Улуг-Хем».
667000, г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57.
Формат 70/100 $\frac{1}{16}$ Физ. печ. л. 10,5. Тираж 400 экз.

